

ВЕСТНИК

ТВЕРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия: История

№ 3 (67), 2023

Научный журнал

Основан в 2007 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61026 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р ист. наук, проф. Т.Г. Леонтьева (*глав. редактор*);
канд. ист. наук, доц. С.В. Богданов (*отв. секретарь*);
д-р ист. наук, ст.науч. сотр. В.Б. Аксенов (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р ист. наук, доц. А.В. Белова;
д-р ист. наук, глав. науч. сотр. В.П. Булдаков (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р ист. наук А.М. Ермаков (ЯрГПУ, г. Ярославль);
д-р ист. наук, проф. Н.Л. Пушкирова (ИЭА РАН, г. Москва);
д-р ист. наук, проф. А.С. Ходнев (ЯрГПУ, г. Ярославль);
д-р ист. наук, проф. В.В. Шелохаев (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р гум. наук, проф. Ё. Икэда (Токийский университет, Япония);
проф. филологии П. Карагёзов (университет св. Климента Охридского,
г. София, Болгария);
проф. истории Д. Орловски (Южный методистский университет, г. Даллас, США);
проф. истории Гр. Фриз (университет Брандейса, г. Уолтем, США);
проф. истории Л. Штайндорф (университет им. Христиана Альбрехта,
г. Киль, Германия)

Адрес редакции:

Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 201
Тел.: +7(4822)34-16-85

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть reproduced без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2023

Scientific Journal

Founded in 2007

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФС77-61026 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: History

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
Of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

D. Sc. In History, prof. T.G. Leontieva (*editor-in-chief*);
Cand. Sc. in History S.V. Bogdanov (*executive secretary*);
D. Sc. in History, V.B. Aksenov (IRI RAS, Moscow);
D. Sc. in History A.V. Belova;
D. Sc. in History V.P. Buldakov (IRI RAS, Moscow);
D. Sc. in History A.M. Ermakov;
D. Sc. in History N.L. Pushkareva (IEA RAS, Moscow);
D. Sc. in History, prof. A.S. Khodnev;
D. Sc. in History V.V. Shelokhaev (IRI RAS, Moscow);
Prof. of Humanities Y. Ikeda (The University of Tokyo, Japan);
Prof. of Philology P. Karagozov (University of St. Kliment Ohridski,
Sofia, Bulgaria);
Prof. of History D. Orlowsky (Southern Methodist University, Dallas, USA);
Prof. of History Gr. Freeze (Brandeis University, Waltham, USA);
Prof. of History L. Steindorff (Cristian-Albrechts-Universität, Kiel, Germany)

Editorial Office:

Office 201, 16/31, Trehsvyatskaya st., Tver, 170100, Russia
Tel.: +7(4822)34-16-85

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Булдаков В.П.</i> Слухи, эмоции, большевизм	5
<i>Каиль М.В.</i> Университеты великой войны. Социальная история Московского государственного университета и Смоленского пединститута на путях победы 1944–1945 годов	22
<i>Керов В.В.</i> Конфессиональные факторы особого статуса женщины в старообрядчестве	34
<i>Скутнев А.В.</i> Православная миссия в пореформенную эпоху в Вятской епархии	47

АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

<i>Воробьёв Д.Н.</i> Новые данные о планировке средневекового Затьмацкого посада Твери	65
---	----

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

<i>Богачёв Н.В.</i> Борьба за права женщин в Италии в 1920–1930-е гг. в деятельности Международного женского секретариата Коминтерна	78
<i>Бурдуков И.В.</i> Реставрация Успенского кафедрального собора г. Смоленска в 1949–1960 гг. (из истории хозяйственной деятельности епархии в контексте государственно-церковных отношений)	86
<i>Плахина А.В.</i> Школьное образование в Тверской губернии в 1920-е годы	100
<i>Пономарёв Е.В.</i> Преподаватели частных школ в Союзе учителей и действителей средней школы	111

СООБЩЕНИЯ

<i>Уткиров А.Ф.</i> угли Филантропия в истории Узбекистана в период правления Бухарского эмирата	127
<i>Федотов А.А.</i> Архиепископ Амвросий (Щуров): тверские корни православного иерарха	134
СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	145

CONTENTS

THE HISTORY OF RUSSIA

<i>Vladimir P. Buldakov</i> Rumors, emotions, Bolshevism	5
<i>Maksim Vl. Kail'</i> Universities of the Great War. Social History of Moscow State University and Smolensk Pedagogical Institute on the Paths of Victory 1944–1945	22
<i>Valeriy V. Kerov</i> «They followed Him all the time, serving with their estate and works»: confessional factors of the special status of women in the Old Believers	34
<i>A.V. Skutnev</i> Orthodox Mission in the Post-Reform Era in the Vyatka Eparchy	47
ARCHEOLOGY. ETHNOGRAPHY. HISTORICAL GEOGRAPHY	
<i>D.N. Vorobjev</i> New Information on the Layout of the Medieval Zatmatsky Posad of Tver'	65

THE PAGE OF THE POST-GRADUATE STUDENT

<i>N.V. Bogachev</i> The Struggle for Women's Rights in the 1920s and 1930s. in the Activities of the International Women's Secretariat of the Comintern	78
<i>I.V. Burdukov</i> Restoration of the Assumption Cathedral in Smolensk in 1949–1960. (From the history of economic activities of the diocese in the context of state-church relations)	86
<i>A.V. Plakhina</i> School Education in Tver Province in the 1920s	100
<i>E.V. Ponomarev</i> Teachers of Private Schools in the Union of Teachers and High School Leaders	111

THE REPORT

<i>Utkirov Abdulazizbek Fahriddin ugli</i> Philanthropy in the History of Uzbekistan During the Rule of the Bukhara Emirate	127
<i>A.A. Fedotov</i> Archbishop Ambrose (Shurov) Tver' Roots of the Orthodox Hierarch	134

INFORMATION FOR AUTHORS	154
-------------------------------	-----

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47).084.1-084.2+323.272
DOI 10.26456/vthistory/2023.3.005–021

СЛУХИ, ЭМОЦИИ, БОЛЬШЕВИЗМ

В.П. Булдаков

Институт российской истории Российской академии наук,
г. Москва, Россия

Автор считает, что на протяжении десятков лет история русской революции изучалась в ложной парадигме: основное место занимала борьба политических партий, якобы осуществлявших представительство определённых классов: буржуазии, пролетариата, крестьянства. Считалось, что программы партий, составленные на рациональных основаниях, в большей или меньшей степени соответствуют реальным интересам различных слоёв населения. Не учитывалось, что в сумбурной обстановке войны и революции решающее значение приобретала социальная архаика с её неконтролируемыми эмоциями, основанными на иррациональном восприятии происходившего. Европеизированные политики оказались не в состоянии противостоять ей. В этих условиях могли выиграть лишь те лидеры, которые ориентировались на деструктивные настроения масс, далёких от рациональной политики.

Ключевые слова: Россия, революция, политические партии, массы, эмоции, слухи, большевизм.

На протяжении столетия история российской революции писалась преимущественно так, как ее видели представители политических партий: большевики, социалисты, либералы. При этом, отталкиваясь от западных социологических теорий, они брали на себя представительство воображаемых классов – пролетариата, крестьянства и буржуазии. В результате сколько-либо оригинальной – «эндогенной» – концепции революции не сложилось. Более того, со временем утвердился исследовательский дискурс, обернувшийся эпистемологическим ступором.

Весьма устойчивым оставался также нарратив, связанный с социально-экономическим фактором. Он, в свою очередь, подобно флюгеру, легко разворачивался под влиянием текущей идеологии и политики. К примеру, если ранее, в соответствии с В.И. Лениным и К. Марксом, советские историки рассказывали об обострении «нужды и бедствий» народных масс (что было не лишено оснований) как о причине революции, то в современной России преобладает представление о предреволюционной «сътости» российского населения. «Аргументом» служат абстрактные валовые показате-

ли экономического развития, а отнюдь не самоощущения и устремления социальных низов. Известно, однако, что в экстремальных условиях люди остро реагируют не на бюрократическую цифирь, а на шокирующие явления в экономике и социальной жизни, гипертрофируя их под влиянием эмоций. Слухи словно «подгоняют» ощущение всеобщего развала. Характерно, что сами люди понимают, до какой степени они зависимы от них. Неслучайно в годы Гражданской войны в ряде газет появились специальные рубрики: «Слухи». Всё это по-своему отражало *сущностное содержание* происходящего.

То, что принято теперь называть Великой российской революцией, на деле являлось синергетическим циклом «смерти-возрождения» империи (см.: Булдаков В.П. Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 53–63). Понять это *изнутри* вряд ли возможно, хотя динамика происходящего довольно проста. Когда вера в разум утрачена, а привычные социальные конструкты распылены, человек остаётся наедине с самим собой, точнее с собственным утопическим воображением и историческим подсознанием. Теперь он оказывается заложником коллективных эмоций, которые вопреки ученым теориям и прогрессистским утопиям неумолимо разворачивают его в «светлое прошлое» (см.: Buldakov V.P. Revolution and Emotions: Towards a Reinterpretation of Political Events of 1917 // Russian History. 2018. Vol. 45. P. 196–230). Конечно, власть может использовать ситуацию в своих интересах. Но для этого политики должны ориентироваться не на пригляднувшиеся теории, а на «голос масс». Доктринеры пародийного типа на это не способны. А потому, независимо от их устремлений, реальный ход событий направляется коллективным бессознательным. Итог известен: революции начинаются с эйфории, заканчиваются разочарованием.

В начале XX в. весь европейский мир был настроен на *обновление*. При этом общественная психика становилась всё более агрессивной. Современникам это казалось естественным. Но выразить это социологическиказалось делом невозможным.

Как бы то ни было, в силу старой позитивистской традиции исследователи упорно дистанцируются от анализа тонких материй человеческого бытия. Революционные эмоции изучаются главным образом на Западе¹, слухам, их провоцирующим, посвящены лишь отдельные отечественные исследования². Положение усугубляется тем, что теоретические разработки в области культурной антропологии революции отсутствуют. В результате между макро- и микроисторией зияет бездна исследовательского недоумения.

Представляется, что выход стоит поискать в самой природе империи, её силе и слабостях. Обыденные – антиимпериалистические – представления в этом не помогут. Империя – это культура в её агрегированном сило-

¹ Например, см.: Interpreting Emotions in Russia and Eastern Europe / Ed. by M.D. Steinberg and V. Sobol. 2011. DeKalb: Northern Illinois Press, 2011.

² См.: Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции. М., 2020.

вом воплощении. Империи создаются харизматичными лидерами, поддерживаются верой и традицией, гибнут от бюрократического окостенения и людского беспамятства. При этом возникают острые эмоциональные реакции, формирующие в низах невообразимые ожидания.

Теоретически слухи призваны на роль медиума, поддерживающего в сбалансированном состоянии «коммуникативный разум» (Ю. Хабермас). Но это удаётся в соответствии с саморегулятивными возможностями общества. Последние в России были невелики. Положение усугублялось бюрократией, блокирующей обратную связь самодержца с подданными. По мере ослабления системы, усиления общественной дезориентации и деморализации, слухи становились стимулятором деструктивных процессов.

«Знаки беды» появились задолго до развязки. Так, слухи об «измене» генералов (особенно с немецкими фамилиями) циркулировали в армии с 1915 г. В конце 1916 г. в Петрограде говорили о том, что на Северном фронте солдаты нескольких полков отказались идти в наступление, так как подозревали, что преданы правительственными «изменниками»³. Сказались и слухи о предательстве союзников, особенно англичан⁴. Говорили также, что «армии грозит к весне голод, если радикально не реорганизуют дело снабжения»⁵. Эта опасность была реальной. Отголоски подобных слухов ощущаются и в современных работах, хотя их истинное значение не сознается.

Так или иначе, накануне революции возник особый нарратив, связанный не столько с действительностью, сколько с пугливым воображением масс. Однако тогдашними политическими элитами архаика массового сознания третировалась как «невежество», «мешающее» универсальному ходу прогресса. Тем самым культурное разобщение между верхами и низами усиливалось, они начинали говорить на разных, становящихся враждебными языках. Это сказалось на академической науке с её привычным перекосом в сторону политической истории. Лишь в последние годы исследователи стали замечать, что сплетни, пересуды, наветы, злословие и бытовая скабрезность в революционное время приобретают непомерное значение, реальные факты заслоняются или извращаются эмоциями (см.: Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. 2010. С. 110–111, 117–118; Его же. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 17, 19).

Перед революцией и на протяжении 1917 г. одни слухи были реакцией на происходящее, другие, напротив, «опережали» реальные события. Неслучайно именно благодаря слухам в народе возникла убеждённость в тотальной нехватке продовольствия в столице⁶. Это сыграло роль настоя-

³ Шляпников А.Г. Канун семнадцатого. М., 1992. С. 338.

⁴ Колоницкий Б.И. Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 271–287.

⁵ Устрилов Н.В. Былое – революция 1917 г. (1890-е – 1919 гг.) Воспоминания и дневниковые записи. М.; 2000. С. 132.

⁶ Блок А.А. Последние дни Императорской власти. М., 2012. С. 35.

щего детонатора революции. Конечно, за теми или иными слухами могли стоять заинтересованные лица, но их шансы были невелики.

В данном случае речь пойдёт по преимуществу о слухах, касающихся вопроса о власти, связанного, в свою очередь, с вопросами войны, мира, продовольствия – того, что в наибольшей степени волновало население. Именно такие слухи более адекватно, нежели намерения людей с политическим шорами на глазах, отражали реальный ход событий и даже опережали их. Это обусловлено тем, что слухи непосредственно воспроизводили особенности политической культуры масс⁷. Взвинченное ими эмоциональное требовало своей разрядки.

Революционные слухи были продолжением и отражением людских недоумений, порождённых Первой мировой войной. В низах представления о «слабости» царя подкреплялись домыслами об его «подмене». Царь казался «ненастоящим». В формировании его негативного имиджа важную роль сыграл образ Распутина, в представлениях о котором оказались перемешаны «рациональные», архетипические и магические компоненты. Распутин казался существом сверхестественных возможностей, «половым гигантом», насилиющим не только царицу, её дочерей, но и всю Россию. Этот образ превратился во всеобщую метафору. Рассказывали, что заграничные карикатуристы изображали половой аппарат Распутина с подпись: «Руль, которым управляет Россия»⁸. Это представление закрепилось в фольклоре, возник устойчивый миф. Так, относительно недавно в Институте российской истории РАН две девицы направили запрос: какого размера был половой член у Распутина?

Характерно, что представления о «предательстве» формировались по этническому принципу: если царица «немка», то она не может не помогать Вильгельму. На этом представлении выстраивались легенды о подземном кабеле между Петроградом и Берлином, по которому Александра якобы общалась с кайзером. Отголоски подобных представлений в годы Большого террора обернулись жупелом вредительства.

Социологи обычно связывают интенсификацию слухов с недостатком информации о животрепещущих вопросах, что особенно характерно для турбулентного времени. Так, охранное ведомство уловило, что именно слухи создавали «необходимую для революцию атмосферу», что «громадную антиправительственную работу проделали нелепые и пошлые сплетни, с помощью которых «всё упрощалось, делалось более понятным, вульгарным, скверным»⁹. Эмоциональная аура становилась «революционной».

⁷ См.: Аксенов В.Б. Слухи и страхи петроградцев и москвичей в 1917 г. // Социальная история: Ежегодник. 2004. М., 2005; Его же. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 годах: Архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. 2012. № 4.

⁸ Кравков В.П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М., 2016. С. 282.

⁹ Спиринович А.И. Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1960. Кн. 2. С. 123.

«Старые бабы пророчествуют пришествие антихриста… свержение царств и бедствия народные», – записывала в своём дневнике одна медсестра¹⁰. В Воронежской губернии следы «антихриста» находили в ноябре 1916 г. – он якобы клеймил школьников католической печатью¹¹. В условиях размытости устоев гражданственности «всякий, кому не лень, распространяет слухи о войне, мире, германских интригах и пр.», констатировали жандармы¹². «Всякие ползучие слухи отравляют меня… Всё время ждешь, что вот-вот должна совершиться какая-то катастрофа»¹³, – писал историк М.М. Богословский. Даже воспоминания людей, находящихся далеко от столицы, были проникнуты уверенностью, что события приобрели необратимый характер¹⁴. Неслучайно в 1920-е гг. развернулись поиски «тёмных сил» – устрашающая символика прошлого вторглась в настоящее (см.: *Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. М., 2012. С. 22, 98, 435, 490, 714*).

Порой рациональное смешивалось с фантазийным. Характерный пример привёл известный правый деятель Л.А. Тихомиров. Одна из крестьянок на рынке так подхватила тему «измены»: «… Царица чуть не каждый день посыпает в Германию поезда с припасами; немцы и кормятся за наш счёт, и побеждают нас». Резонных возражений она не принимала. Когда её пытались убедить, что «царь подобного не допустит», она тут же парировала: «… Его давно нет в России… В Германию уехал». Далее Тихомиров воспроизвел развитие спора: «“… Глупая баба, разве Царь может отдать своё царство немцам?” – Она с апломбом отвечает: “Да ведь он уехал на время – только переждать войну”»¹⁵.

Этот диалог примечателен во многих отношениях. Во-первых, крестьянка бездумно гипертрофировала слухи об «измене царицы» и о вывозе продовольствия за рубеж. Возможно, последней легендой крестьяне прикрывали своё желание попридержать продовольствие, чтобы продать его на более выгодных условиях. Затем «рациональный» дискурс сменялся «фантазийным»: «царя нет!» Но такое не укладывалось в традиционную ментальность. И тогда включилась «шизофреническая» аргументация: царь («предатель») уехал в Германию на время «переждать войну!»

Конечно, крестьянка не была шизофреничкой в клиническом смысле слова. Простые люди были до такой степени отчуждены от власти и, соответственно, понимания сути событий, что их сознание готово было перешаг-

¹⁰ Тверской край в XX веке. Документы и материалы. Тверь, 1995. Вып. 2. 1907–февраль 1917 г. С. 117.

¹¹ Стражов Л. Воронежская губерния накануне 1917 г. // Живая история. 2016. № 10 (16). С. 57.

¹² Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 125–126.

¹³ Богословский М.М. Дневники (1913 – 1919): Из собрания Государственного исторического музея. М., 2011. С. 287.

¹⁴ Романов А.В. Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914 – 1917). М., 2008. С. 243–244.

¹⁵ Тихомиров Л.А. Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917. М., 2008. С. 95–96.

нуть грань, отделяющую «нормальное» от психопатологического. Известно, что шизофреники никогда не «спотыкаются» в пересказе своих вымыслов. И, похоже, в этом направлении работало массовое сознание в целом.

Конечно, сказывался фактор искусственного вбрасывания слухов. По-своему фантазировали люди параноидального склада. Так, праворадикальный иеромонах Илиодор (Труфанов), разойдясь с Распутиным, принял не только «разоблачать» его, но и распускать антидинастические слухи¹⁶. Но любая «фабрика слухов», преследуя политические или иные цели, вместе с тем является порождением и выражением определённых страхов и надежд, т. е. реактивацией скрытых от политиков культурных архетипов.

Так или иначе, перед революцией сформировался устрашающий *меманарратив* о «слабости» и «негодности» существующей власти. С этим связаны и широко распространившиеся конспирологические представления, которые предшествовали падению Романовых. В антидинастические слухи искренне поверили. Соответственно, падение монархии стало представляться в виде справедливого возмездия, ниспосланного свыше.

Характерно, что российские слухи раскручивались на фоне общеевропейской тенденции. Известно, что в 1910–1914 гг. в Европе произошло около 40 покушений на государственных и военных деятелей. Соответственно, в России «вспомнили» о дворцовых заговорах. В столичных кругах заговорили о якобы имевшем место покушении на царя и царицу (называлась даже дата – 26 декабря 1917 г.), рассказывали, что она была ранена, а стрелявший в нее гвардейский офицер был убит на месте. Из частной переписки можно было узнать, что стрелял офицер кн. Оболенский, но промахнулся, и что его вместе с другими офицерами-заговорщиками повесили. Говорили также об убийстве и ранениях царских приближённых¹⁷. Вероятно, за всем этим скрывалась надежды на дворцовый переворот – то ли в стиле убийства Павла I, то ли по сербскому сценарию 1903 г. Царь и царица представлялись абсолютно порочными – первая якобы грешила с Распутиным, второй спивалася¹⁸. Эти люди были достойны казни. Их подданные мысленно допускали расправу с ними и с их окружением¹⁹.

Неудивительно, что слухи об убийстве царских приближённых повторились 28 февраля 1917 г.²⁰ Характерно, что за тем последовали слухи о покушении на А.Ф. Керенского, об угрозах в адрес М.В. Родзянко. Образованные люди считали, что повторяется «вечная история о жирондистах и

¹⁶ Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 538–539.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 101.

¹⁸ Там же. Л. 88.

¹⁹ Кравков В.П. Великая война без ретуши. С. 284.

²⁰ Ивнев Р. В вихре революции. События глазами поэта. М., 2017. С. 49.

террористах»²¹. Мысленно конструировалась особая «квазиеволюционная» реальность.

При сложившемся образе правящих верхов слухов о заговорах *не могло не быть*. Но это были именно слухи. Центральной фигурой сонма «врагов престола» в литературе стал А.И. Гучков, имевший обширные связи и с генералами, и с промышленниками²². Между тем сам он после Февраля уверял: «Этот переворот был подготовлен не теми, кто его сделал, а теми, против которых он был направлен. Заговорщиками были не мы, русское общество и русский народ, заговорщиками были представители самой власти»²³. Впрочем, импульсивный Гучков всегда старался напустить туману на свои замыслы и деяния. А потому после его отставки тут же прошёл слух, что и против него готовится заговор²⁴.

Мистификация революционного процесса была связана с психопатологическим состоянием общества. Отсюда реанимация старой как мир апокалиптической веры во всемогущество «тёмных сил». Писательница Р.М. Хин-Гольдовская сообщала о тогдашнем состоянии умов: «... Какое-то истерическое легкомыслие овладело людьми. То, что прежде глубоко пряталось, чего стыдились – теперь цинично выставляется наружу... Живём в какой-то эпидемической неврастении. Сплетни, слухи, догадки и непрерывное ожидание катастрофы... Все громко ругают правительство и все ждут переворота как чего-то неизбежного»²⁵. В.И. Ленин как-то заявил, что Февральская революция – это «результат заговора английского и французского посольств», поддержанного Гучковым, Милюковым и генералитетом, «чтобы не дать Николаю II заключить сепаратный мир»²⁶. Это похоже на попытку использования слухов в политических целях.

Немалую роль в десакрализации власти сыграло падение авторитет церкви, также связанное с Распутиным. В результате в конце февраля – начале марта 1917 г. возбуждённые толпы могли поверить, что с колоколен церквей велась стрельба из пулеметов – сатирические журналы активно обыгрывали эту тему²⁷. В Москве на митингах утверждали, что в Донском монастыре у монахов нашли «тысячу золотых десятирублевок, засунутых в сердцевину моченых яблок»²⁸. Художники-сатирики словно соревновались в создании образа попа – прислужника старого режима, попа-пулеметчика,

²¹ Нарышкина Е.А. Мои воспоминания. Под властью трех царей. М., 2014. С. 383.

²² См.: Козодой В.И. Александр Иванович Гучков и Великая русская революция. Новосибирск, 2015. С. 104, 105, 109, 110, 182, 183, 186, 193, 196, 201.

²³ Речь. 1917. 9 марта.

²⁴ Паскаль П. Русский дневник: во французской военной миссии (1916 – 1918). Екатеринбург, 2014. С. 205.

²⁵ Хин-Гольдовская Р.М. Из дневников 1913 – 1917 // Минувшее. М.-СПб., 1997. С. 571.

²⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 16.

²⁷ См.: Бич 1917. События года в сатире современников. М., 2017. С. 98, 99, 197; Новый сатирикон. 1917. № 13. Апрель. С. 4, 9; № 14. Апрель. С. 7, 8; № 17. Май. С. 9; 1917. № 33, 34, сентябрь (обложка).

²⁸ Паустовский К. Собрание сочинений в 6 томах. М., 1957. Т. 3. С. 571.

монаха-стяжателя и даже священников, предлагавших сделать из одного креста две виселицы²⁹.

Дело доходило до политического умопомешательства: деятели черносотенного пошиба уверяли, что «революцию сделала Англия», а Петроградский Совет «направляется еврейством и большим капиталом»³⁰. Даже образованные люди порой воспроизводили антисемитский вздор³¹. Слухи создавали особое информационное пространство, деформирующее «правильную» политику. Соответственно разливу эмоций теряли свой авторитет привычные институты и партии.

Под волной всеобщих восторгов, связанных с падением Романовых, таились застарелые сомнения и страхи. Так, акт присяги Временному правительству породил в некоторых солдатах подобие боязливого суеверия. Говорили, что офицеры направили списки присягнувших не новому, а старому правительству³². В массах царilo недоумение, что не могло не сказаться на восприятии новой власти. «Некоторые говорят, что конец Русскому государству, а некоторые говорят, что – государя свергли немцы, которых много еще в России, занимающих главные посты... Сегодня офицеры нам объявили, что государь по болезни сам не захотел царствовать, но этому никто не верит»³³, – писал солдат с фронта. Страхи словно выползали из тумана прошлого. В Одессе пронёсся слух о том, что Временное правительство готовится к восстановлению крепостного права³⁴. Абсурдное казалось реальным. Один вятский крестьянин сообщал: «У нас Николка сбежал». По его мнению, он «убежал к родственникам», с которыми он воевал «по согласию» – «чтобы не было восстания против правительства», воспользовавшись подземными ходами, один из которых был прямо из дворца³⁵.

Обычные люди улавливали в революции отнюдь не прогрессивно-поступательное движение. Именно они, а не скованные доктринами интеллигенты, точнее ощущали переломный смысл происходящего. Иначе и быть не могло. Во взбаламученной традиционалистской среде, архетипические импульсы реактивировались и судорожно впитывались возбуждённой социальной средой.

Возникает вопрос, какие источники позволяют уловить динамику слухов и эмоций? Из чего складывается их агрегированный нарратив? Ответ очевиден. Во-первых, это дневники и письма современников. Во-вторых, соответствующие воспоминания – как правило, авторы поставляют весьма полезную для подготовленного исследователя информацию. В-третьих, это газеты, охотно сообщавшие о циркулирующих слухах (осо-

²⁹ Стрекоза. Еженедельный журнал сатиры и юмора. 1918. № 14. Апрель. С. 15.

³⁰ Снесарев А.Е. Дневник: 1916 – 1917. М., 2014. С. 388, 391.

³¹ Кравков В.П. Великая война без ретуши. С. 284.

³² Солдатские письма 1917 года. М.; Л., 1927. С. 51.

³³ Солдатские письма 1917 года // Память. Исторический сборник. Вып. 4. С. 342.

³⁴ Одесский листок. 1917. 4 марта.

³⁵ Цит. по: Колоницкий Б. Сага о народной любви и ненависти // Новое время. 2007. № 39. 9 ноября. С. 9.

бенно часто об этом писали в годы Гражданской войны, когда в ряде провинциальных газет появлялись даже соответствующие колонки). Немалую роль играли презираемые (но стыдливо читаемые) просвещенной публикой бульварные листки. В любом случае самые невероятные и вздорные слухи, исходящие из сомнительных источников, в большей или меньшей степени поддаются научному истолкованию.

Спектр эмоций, представленных слухами, определялся обычным для революции состоянием: между *надеждой* и *страхом* перед будущим. При этом, в силу тогдашнего информационного бума, подкрепляемого мощными миграционными процессами, эмоционально перенасыщенная информация приобретала тотальный характер.

Особое место занимали панические слухи. Поражает всеобщая убеждённость о использовании полицией в марте – феврале 1917 г. пулемётов, расставленных на крышах домов по приказу «сумасшедшего» министра внутренних дел А.Д. Протопопова. И, конечно, нашлась масса «очевидцев», особенно среди людей с пылким воображением. 28 февраля З. Гиппиус записывала в дневнике информацию «о пулемётах на крыше её дома», из которых палили «переодетые городовые»³⁶. Пулемётов, конечно, не нашли. Но подобные заверения воспроизводились другими³⁷. В некоторых случаях с крыш стреляли даже дворники³⁸. Пулемётную стрельбу «слышали» все³⁹. Осталась масса рисунков, изображающих то, чего не могло быть в действительности⁴⁰. Слух превратился в «факт», в непреложность которого уверовала вся Россия. Слухи о смертоносных пулемётах достигли Москвы⁴¹. Одесский корреспондент уверенно сообщал из Петрограда, что с крыш домов стреляли полицейские, переодевшиеся в солдатскую форму⁴². Иной раз за переодетых полицейских принимали трубочистов.

Известия о пулеметной стрельбе с крыш домов относятся к феномену «востребованного мифа». Неслучайно он возродился в июле 1917 г., о чём сообщал А. Блок⁴³. Без «коварного врага» и его «добрейших жертв» революция не могла стать «праздником освобождения». Всякий миф таит в себе элемент невероятного и даже абсурдного – иначе вера в чудо не состоится.

После «протопоповских пулемётов» пришла очередь «чёрных автомобилей». Пресловутые пулемёты словно спустились с чердаков и колоко-

³⁶ Гиппиус З.Н. Синяя книга. Петербургский дневник. 1914–1918. Белград, 1929. С. 86.

³⁷ Врангель Н. Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 354–355.

³⁸ Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 1. С. 108–109.

³⁹ Пришвин М. М. Дневники. М., 1990. С. 78; Ремизов А. М. Дневник 1917 – 1921 гг. // Ремизов А. М. Сочинения. Т. 5. Взвихрённая Русь. М., 2000. С. 426.

⁴⁰ Огонек. 1917. № 10. С. 165; № 11. 26 марта. С. 161, 167; № 12. 2 (15) апреля. С. 189.

⁴¹ Морозов Н. Семь дней Революции. События в Москве. Дневник очевидца. М., 1917. С. 4.

⁴² Одесский листок. 1917. 7 марта.

⁴³ Блок А.А. Указ. соч. С. 132.

лен, чтобы ещё больше сгустить страхи. Н.Н. Суханов 2 марта сообщал: «Появился в Петербурге некий “чёрный автомобиль”, мчавшийся, как говорили, из конца в конец столицы и стрелявший в прохожих чуть ли не из пулемёта»⁴⁴. Предполагалось, что теперь именно в них засели бывшие полицейские. Слухи о «чёрном автомобиле» также обошли всю Россию⁴⁵. Примечательно, что этому образу предшествовал реальный революционный «красный автомобиль», благодаря которому современники заговорили об «автомобильной революции» (См.: Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Указ. соч. С. 458–460). Как видно, у обывателей образ «революционного мотора» вызывал смутное беспокойство: отсюда превращение его в угрожающий «чёрный автомобиль». Впрочем, на этом «приключения автомобиля» в людском воображении не прекратились. 12 мая по Москве пронёсся слух, что по Петрограду разъезжает грузовой автомобиль, с которого женщины и дети разбрасывают «манифест к народам всего мира», подписанный каким-то «прапорщиком графом Головкиным-Хвощинским», начинаящийся словами: «Ослы! Из-за чего вы воюете?»⁴⁶

Часть послефевральских слухов отражала страхи перед контрреволюцией. В Москве сначала говорили о том, что после падения старой власти диктатором назначен не то генерал М.В. Алексеев, не то А.Д. Протопопов. Потом стали рассказывать, что Протопопов скрывается в Москве, а на вторую столицу движется генерал А.Е. Эверт. Говорили, что Кремль окружен войсками, верными старому строю, затем сообщали, что его от них освободили⁴⁷. И это вопреки тому, что переворот в Москве произошёл почти бескровно.

Довольно скоро через слухи проявили себя антивоенные настроения. В апреле в действующей армии распространился слух, что 20 000 офицеров, не пожелавших сносить оскорблений со стороны солдат, отправилось на Западный фронт в качестве рядовых. Один денщик по этому поводу заявил, что «без них лучше будет, они изменники»⁴⁸. Со временем к этому добавилась антивоенная пропаганда большевиков и анархистов.

Потаённый страх предательства составляет один из наиболее устойчивых компонентов человеческой психики. Именно он «оживает» в критических ситуациях, выискивая новых врагов. В июне 1917 г. даже солдаты стали подозревать в предательстве друг друга⁴⁹. Со временем жупел измены использовался не только против большевиков, и против Л.Г. Корнилова.

Всё больше сказывались «нужные» слухи. В Вятской губернии в связи с введением продовольственной монополии заговорили о том, что кре-

⁴⁴ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 1. С. 178.

⁴⁵ Аксенов В.Б. Слухи и страхи петроградцев и москвичей в 1917 г. С. 163–200.

⁴⁶ Окунев Н.П. Дневник москвича (1917–1924). Т. 1. М., 1990. С. 41.

⁴⁷ Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М.; Владимир, 2011. С. 530–532; 541–542.

⁴⁸ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. Р-2335. Оп. 1. Д. 145. Л. 9.

⁴⁹ Кравков В.П. Великая война без ретуши. С. 339.

стяням придётся сдавать всё зерно. Затем к этому добавилась молва о том, что якобы армия больше не нуждается в продовольствии, а потому в Сибири хлебная монополия уже отменена. Понятно, что в этих условиях могли проявить себя люди неадекватные. 18 мая 1917 г. в Гольянах (Вятская губерния) некий неизвестный верхом на лошади принял публично крыть матом Временное правительство. Он вопил, что эта власть заставляет всех голодать: нет сахара, табака, крупчатки, других товаров. От милиционеров, пытавшихся его арестовать и даже открывших стрельбу, он ускакал⁵⁰.

Вполне прагматичные устремления просматриваются и в антисемитских слухах. Виновниками недостатка продуктов, естественно, оказывались всевозможные посредники и спекулянты, расплодившиеся в годы войны. Не удивительно, что крупные города становились центрами юдофобии. В марте 1917 г. в Петрограде отмечался рост погромных призывов⁵¹, в июле к избиению «жидов» в центре города призывали вполне респектабельные люди⁵², не говоря уже о речах на привокзальных площадях⁵³. В августе за подобные призывы был арестован ряд лиц⁵⁴. Подобные меры запаздывали. С начала апреля 1917 г. такие же призывы зазвучали в Москве⁵⁵. В июле в Симферополе распространялись листовки с призывами бить евреев, подписанные «Красная перчатка»⁵⁶. В августе в очередях говорили о том, что хлеб в тайных складах «спрятали жиды»⁵⁷, антисемитские реплики были замечены даже в Московском Совете⁵⁸. В сентябре в Киеве появились прокламации «антиукраинского» и антисемитско-монархического содержания⁵⁹, а в Орле расклеивались погромные листовки «Общества коричневой руки»⁶⁰. Подобная информация расходилась по всей России. В сентябре в Киеве толпа едва не линчевала еврейскую семью под влиянием слухов об убийстве их прислуги⁶¹.

Традиционное сознание словно рыскало в поисках подходящей точки опоры. Отсюда волны сменявших друг друга фантастических слухов. В связи с июльским кризисом на Юго-Западном фронте рассказывали, что Временное правительство арестовано полностью; арестовано только ча-

⁵⁰ Retish A. Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State, 1914 – 1922. Cambridge, NY, etc. 2008. P. 101, 105.

⁵¹ См.: Районные Советы Петрограда в 1917 году. Протоколы, резолюции, постановления общих собраний и заседаний Исполнительных комитетов. М., 1966. Т. 3. С. 270; Известия. 1917. 19 июля.

⁵² Рассвет. 1917. № 2. 16 июля. С. 35.

⁵³ Бейзер М. Евреи Ленинграда, 1917–1939: Национальная жизнь и советизация. Иерусалим-М., 1999. С. 43.

⁵⁴ Рассвет. 1917. № 7. 30 августа. С. 32.

⁵⁵ Русские ведомости. 1917. 9 апреля.

⁵⁶ Русское слово. 1917. 17 июля.

⁵⁷ Утро России. 1917. 23 августа; Русская воля. 1917. 25 августа.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 272. Л. 24; Д. 22. Л. 125; Д. 272. Л. 25.

⁵⁹ Рассвет. 1917. № 9. 6 сентября. С. 24; Русское слово. 16 сентября.

⁶⁰ Рассвет. 1917. № 13. 4 октября. С. 33; Октябрьский переворот. Пг., 1918. С.74.

⁶¹ Киевлянин. 1917. 16 сентября.

стично; некоторые его члены убиты толпой⁶². А. Блок зафиксировал разговоры о том, что «Керенский давно арестован»⁶³. Желаемое и пугающее сменяли друг друга. В Москве говорили, что «вооружённое восстание в Петрограде приняло серьёзные размеры, была стрельба, убитых и раненых около 500 человек»⁶⁴. (В действительности за три июльских дня погибло 56 человек⁶⁵). И вновь писали, что за стенами Таврического дворца, где заседали социалистические министры, волновались толпы рабочих и солдат и «носились автомобили с пулемётами и без пулемётов»⁶⁶.

Неудача июньско-июльского наступления русских армий вызвала волну панических слухов. 25 июля в Одессе говорили, что немцами «взят Очаков» и предстоит «эвакуация Одессы»⁶⁷. Поражёнческие эмоции нарастали. В октябре сатирический журнал высмеивал обывателей, которые верили слуху о том, что правительство переедет в Москву как только немцы возьмут Ревель⁶⁸. Однако люди верили услышанному, а не написанному. Дурные эмоции словно управляли ходом событий.

Конспирологическая тема неуклонно нарастала. В последней декаде августа в ряде провинциальных городов обсуждались слухи о раскрытии в Петрограде тайной контрреволюционной организации, возглавлявшейся великими князьями Михаилом и Павлом Александровичами и их супругами, нити которой, якобы, опутали всю Россию и вели к правым партиям⁶⁹. В сущности «заговор Корнилова» был создан именно слухами – включая опасения выступления большевиков⁷⁰.

В дни корниловского выступления в Новочеркасске заговорили о том, что Керенский уже арестован Корниловым и сформировано правительство во главе с Милюковым. Напротив, в начале сентября поползли слухи о том, что утвердились «чисто еврейское» правительство во главе с Керенским⁷¹. Кое-где обыватель, согласно слухам, хотел бы видеть во главе правительства Родзянко и Гучкова, а также представителей казачества. Впрочем, тогдашние слухи то возносили Гучкова к власти, то отправляли в

⁶² Армейский вестник. 1917. 7 июля.

⁶³ Блок А.А. Указ. соч. С. 131.

⁶⁴ Алексей Васильевич Орешников. Дневник. 1915–1933. М., 2010. Кн. 1. С. 121.

⁶⁵ Попова С.С. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М., 2010. С. 160.

⁶⁶ Свободное слово (Москва). Газета общественно-политическая и литературная. 1917. 10 июля.

⁶⁷ Лакиер Е.И. Отрывки из дневника – 1917–1920 // «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России. СПб., 2013. С. 144.

⁶⁸ Будильник. 1917. № 35. Октябрь. С. 9.

⁶⁹ Сибирская жизнь. 1917. 26 августа; Саратовский листок. 1917. 25 августа.

⁷⁰ Блок А.А. Указ. соч. С. 160.

⁷¹ Государственный архив Ростовской области (далее – ГА РО). Ф. 694. Оп. 1. Д. 12. Л. 15.

тюрьму⁷². На собрании общественных организаций Калуги говорилось об успехах Корнилова и о том, что генерал-губернатором Петрограда назначен Б.В. Савинков⁷³. Люди мысленно «подбирали» диктатора. Согласно слухам, им должен был стать будущий «верховный правитель России» адмирал А.В. Колчак⁷⁴. Это выглядит почти символично.

На этом фоне рушился авторитет «демократической» власти. Так, некая нервная особа обрушила на Н.С. Чхеидзе поток характерных угроз: «Я... готова взорвать Вас, пойти с кадетами, с Корниловым, с самим чертом, только бы, наконец, можно было сказать, что... сегодня не будет резни и убийств, не будет серый хам издеваться над чувствами и человеческим достоинством интеллигента...»⁷⁵. Социальный конфликт вырастал из вихря негативных эмоций.

Слухи революционного времени можно связать с психоментальным «блужданием» масс, не способных разобраться в хаотичной ситуации. Так или иначе, реактивировались гравитационные волны прошлого, обострившие «смуту в умах». Всё это вело к возобладанию над «цивилизованной» политикой стохастических (вероятностных) и синергийных (самоорганизационных) процессов. Социальная революция складывается из нелинейных «закономерностей», к которым так привыкло наше сознание. До сих пор перестройке последнего препятствует упорное желание описывать революцию в привычных политических терминах.

Разгул слухов, вызванный психозом дезинформации, конечно, не случаен. Это явление носит не только российский характер. Информационное пространство становилось не только более «плотным», но и эмоционально перенасыщенным. Весь европейский мир оказался в круговороте иллюзий и мифов. Слухи были не просто способом истолкования тех или иных событий. С их помощью традиционное сознание создавало свою новую картину мира.

Слухи отражали характерную надежду на спасение извне. Известно, что ещё в 1915 г. рассказывали о том, что в Россию направляются японские войска для того, чтобы стабилизировать Восточный фронт. Многие даже видели японцев в тылу, встречая их патриотическими криками «банзай». Это была лишь японская миссия Красного Креста⁷⁶, но людская мольва превратила их в «спасителей»-солдат. Вероятно, под влиянием подобных слухов в сентябре 1917 г. русские офицеры на фронте заговорили о том, что «единственное спасение теперь в том, чтобы позвать на наш фронт японцев или американцев, чтобы они силою заставили наших солдат драться, пусть стоят сзади с пулемётами и перестреливают бегущих»⁷⁷. Из этого склады-

⁷² ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 807. Л. 140, 141.

⁷³ Общество и революция. Калужская губерния в 1917 году. Калуга, 1999. С. 267.

⁷⁴ Кравков В.П. Великая война без ретуши. С. 344.

⁷⁵ ГА РФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 298. Л. 94 об.

⁷⁶ Серебренников И.И. Претерпев судьбы удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. С. 59.

⁷⁷ Устрилов Н.В. Былое – революция 1917 г. С. 149.

валось своеобразное предчувствие военной интервенции со стороны союзников. Гипертрофированное представление о «нашествии 14 империалистических государств», подготовленное этими слухами, в годы Гражданской войны использовали большевики, попытавшись вызвать революционно-патриотический энтузиазм в уставшем от войн и революций населении.

Характерно, что современники предлагали особую политическую интерпретацию циркулирующих слухов. «Умные люди со всех сторон судачат, что пришёл конец России, где-то демонстрации за Михаила (Романова), все эти темные, злые слухи как змеи, по ночам... готовы задушить свободу...»⁷⁸, – такие мнения высказывались в частной переписке. В июне в Псковской губернии крестьяне предпочитали, чтобы «правил государь Михаил Александрович». О демократических процедурах отзывались презрительно: «На что нам какая-то шушера, коли у нас есть брат царя, которому Богом указано править Россией». Параллельно на севере и в Сибири ходили слухи о будущем диктаторе – «будто бы из октябристов»⁷⁹. (Здесь, возможно, сказалась заговорщическая репутация А.И. Гучкова).

На этом фоне вырастал большевизм – не столько реальный, сколько куда более пугающий – мифический. Слухи о готовности большевиков немедленно расправиться с «буржуями» были столь велики, что социалистическая пресса упрекала либералов в том, что им «всюду мерещится Ленин»⁸⁰. Поэтому неудивительно, что даже после июльских событий в Петрограде слухи о новом большевистском выступлении постоянно муссировались в городской среде. «Где Ленин? – задавалась вопросом газета, позиционирующая себя “демократической”. – Выехал в Швейцарию через Германию – своим обычным путем». И тут же приводился слух о том, что большевики готовят новое выступление⁸¹. Создалась ситуация, что любой бунт мог быть истолкован как организованное выступление сторонников Ленина. В таких условиях вероятность прихода большевиков к власти усиливалась.

Согласно некоторым слухам, уже в июле Керенский был обречён. Его фигура становилась анекдотичной. Бенуа вспоминал: «Про него ходили всяческие иронические рассказы: будто он, поселившись в Зимнем дворце в комнатах, служивших когда-то резиденцией Александру III, целыми днями распевает там оперные арии, принимает всякий сброд и всё менее интересуется делами»⁸². Керенского «разводили» с женой и не раз «женили»⁸³.

⁷⁸ Из писем Ю.А. Никольского к семье Гуревич и Б.А. Садовскому. 1917–1921 // Минувшее. Т. 19. С. 143.

⁷⁹ Цит. по: Вебер М.И., Лебеденко Г.Ю., Суржикова Н.В. «Проклятый Петроград», «полная анархия» и «гражданская темнота»: Россия 1917 года в частной переписке современников // Вестник Пермского университета. История. 2016. Вып. 3 (34). С. 79.

⁸⁰ Дмитриенко А.А. Гатчина. Год. 1917-й (глазами горожан). М., 2017. С. 78.

⁸¹ Газета для всех. Демократическая газета (Москва). 1917. 28 июля. С. 2.

⁸² Бенуа А.Н. Мой дневник. 1916–1917–1918. М., 2003. С. 196; Окунев Н. П. Дневник москвича. Кн. 1. С. 93.

⁸³ Половцов П.А. Дни затмения. (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году). М., 1999. С. 182; Блок А.А. Указ. соч. С. 161.

Амурные дела якобы поглощали все время Керенского. Историк Б. Никольский, человек правых взглядов, 22 июля 1917 г. так комментировал слухи, окружавшие Керенского: «Вероятно, его скоро ухлопают»⁸⁴.

Нашему современному трудно представить, что на протяжении 1917 г. большевизм существовал скорее как образ, нежели реальность. И материализации этого образа помогли страхи, воплощённые в слухи. Большевики вынуждены были действовать так, как им предписывали людские эмоции – эти неуловимые двигатели синергетики русского хаоса. Образ «всевидящего» Ленина вырастал *изнутри* русской культуры, хотя сам «вождь» «питался» по преимуществу химерами собственного «сверхреволюционного» воображения.

После октябрьского переворота страхи перед большевизмом соединились со страхами перед немецким нашествием. 30 октября 1917 г. калужская газета «Трудовая мысль» писала, что «самая безумная фантазия не могла дать большего, чем сюровая действительность момента». Это сопровождалось уверениями, что «авангард немецкой армии: Ленин, Коллонтай и компания громят Петроград», «Аврора бомбардирует Зимний дворец», большевизм «купается по горло в обывательской крови», а в Берлине «вырабатывается прусская конституция для русского государства», чтобы «закабалить русский народ». В Сибири писали о том, что «немецкому наступлению до последнего времени всегда предшествовали выступления Ленина и Бронштейна...»⁸⁵. Но при том в устойчивость большевистской власти не верил почти никто.

Метанarrатив революции, созданный слухами, нельзя назвать иначе, как хроникой объявленной революции. Можно предположить, что это связано с имплицитными эсхатологическими импульсами сознания. Как бы то ни было, в создавшихся условиях большевики попросту не могли не выступить в октябре 1917 г. – массовое сознание в полном смысле подталкивало их к действию. В противном случае они просто сошли бы с исторической сцены. Похоже, что Ленин и Троцкий почувствовали, что «момент настал».

При этом слухи выполняли не только деструктивную, но и релаксирующую задачу. Мало кто не верил, что большевики продержатся долго. По представлениям образованных слоёв, «утопия не могла удержаться у власти». А поскольку российская демократия обнаружила свое бессилие, то заговорили о том, что в ночь на 14–15 декабря произойдёт монархический переворот, затем был назначен другой срок – 21 декабря. Предполагалось, что офицеры произведут «ложные, безвредные взрывы, займут казармы и расправятся с непокорными». Слух повторился в начале 1918 г. накануне открытия Учредительного собрания. Теперь рассказывали, что «вся Россия уже решила к старому режиму вернуться, не соглашаются только две губернии: Московская и Петербургская», и даже Коллонтай и Ленин извери-

⁸⁴ Никольский Б.В. Дневник. Т. 2. СПб., 2015. С. 307.

⁸⁵ Иртыш. Орган Сибирского казачества. Издание войскового правительства. № 6. 1917. 5 ноября. С. 4.

лись в социальной революции. Параллельно возник слух, что демонстрация в защиту российской конституанты будет расстреляна⁸⁶. Антибольшевистский слух не подтвердился, подтвердился второй.

О том, что революция завершится возвращением к традиции, в какие прогрессистские одежды она бы не рядилась, говорили многие. И этому процессу по-своему «помогали» слухи и эмоции. Это явление невозможно понять в рамках привычных линейных причинно-следственных зависимостей. Возможно, для его понимания требуется «другая организация разума и желаний, о которых мы можем пока мечтать»⁸⁷. Величайший российско-мировой системный кризис протекал по законам социальной синергетики, то есть на путях самовоссоздания «порядка из хаоса». А этот итог определялся малозаметным, но решающим фактором – психикой «маленького человека», вынужденного решать проблему выживания, заглядывая в «утраченное» прошлое, то есть вопреки предписаниям «ученых мужей».

Список литературы:

1. Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции. М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 992 с.
2. Бейзер М. Евреи Ленинграда, 1917–1939: Национальная жизнь и советизация. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Gesharim, 1999. – 447 с.
3. Дмитриенко А.А. Гатчина. Год 1917-й (глазами горожан). М.: Форум: Неолит, 2017. – 334 с.
4. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 657 с.
5. Козодой В.И. Александр Иванович Гучков и Великая русская революция. Новосибирск: НОУ ВПО Сибирская акад. упр. и массовых коммуникаций (ин-т), 2015. – 255 с.
6. Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. – 677 с.
7. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. М.: Весь мир, 2008. – 414 с.
8. Retish A. Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State, 1914 – 1922. Cambridge, NY, etc. 2008. – 294 p.

Об авторе:

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории, РАН, (Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

⁸⁶ Мельгунова-Степанова П.Е. Дневник: 1914 – 1920. М., 2014. С. 144, 145.

⁸⁷ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. М., 2008. С. 296.

RUMORS, EMOTIONS, BOLSHEVISM

Vladimir P. Buldakov

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The author believes that for decades the history of the Russian revolution was studied in a false paradigm: the main place was occupied by the struggle of political parties that, as seen, strictly represented certain classes: the bourgeoisie, the proletariat, the peasantry. It was believed that the party's programs, drawn up on rational grounds, corresponded to a greater or lesser extent with the real interests of various segments of the population. It was not taken into account that in the chaotic situation of war and revolution the uncontrollable mass emotions based on an irrational perception of reality prevailed. Europeanized politicians were unable to resist it. Under these conditions, only those leaders who were guided by the destructive moods of the masses could win.

Keywords: *Russia, revolution, political parties, masses, emotions, rumors, Bolshevism.*

About the author:

BULDAKOV Vladimir Prokhorovich – Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, (Russia, Moscow, D. Ulyanov str., 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

References:

- Aksenov V.B., *Sluhi, obrazy, emocii. Massovye nastroeniya rossiyana v gody vojny i revolyucii*, M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. – 992 s.
- Bejzer M., *Evrei Leningrada, 1917–1939: Nacional'naya zhizn' i sovetsko-zaciya*, M., Ierusalim, Mosty kul'tury, Gesharim, 1999. – 447 s.
- Dmitrienko A.A., *Gatchina. God 1917-j (glazami gorozhan)*, M., Forum, Neolit, 2017. – 334 s.
- Kolonitskij B.I., «*Tragicheskaya erotika*»: *obrazy imperatorskoj sem'i v gody Pervoj mirovoj vojny*, M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. – 657 s.
- Kozodoj V.I., *Aleksandr Ivanovich Guchkov i Velikaya russkaya revolyutsiya*. Novosibirsk, NOU VPO Sibirskaya akad. upr. i massovyh kommu-nikacij (in-t), 2015. – 255 s.
- Ruga V., Kokorev A., *Povsednevnnaya zhizn' Moskvy. Ocherki gorodskogo byta v period Pervoj mirovoj vojny*, M., AST: Astrel', Vladimir, VKT, 2011. – 677 s.
- Habermas Yu., *Filosofskij diskurs o moderne. Dvenadcat' lekcij*, M., Ves' mir, 2008. – 414 s.

Статья поступила в редакцию 15.07.2023 г.

Подписана в печать 15.11.2023 г

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470.45)«1944-1945»
DOI 10.26456/vthistory/2023.3.022–033

УНИВЕРСИТЕТЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА И СМОЛЕНСКОГО ПЕДИНОСТИУТА НА ПУТЯХ ПОБЕДЫ 1944–1945 ГОДОВ¹

М.В. Каиль

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»,
г. Смоленск, Россия

В статье на основе материалов Архива Московского государственного университета представлена реконструкция социальных реалий деятельности Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова после возвращения вуза из эвакуации в Ашхабад и Свердловск (1944–1945 гг.) и подшефного МГУ регионального образовательного центра – Смоленского государственного педагогического института. В центре внимания автора – перезапуск университета на путях к великой победе, решение инфраструктурных и социальных вопросов, режим и порядок деятельности, социальные характеристики структур университетского центра, студенчества военной поры, а также участие МГУ в реконструкции подшефных вузов. Социальная история образовательного центра в обстоятельствах небывалой войны – еще одна грань в изучении и осмысливании значения Великой Отечественной войны в национальной истории, истории высшего образования.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Смоленский педагогический институт, высшее образование, социальная история, преподаватели, кадры, управление.

Великая Отечественная война изменила жизнь страны, отразившись на всех ее сторонах, затронув каждую семью. Сфера высшего образования не была исключением. Прямо накануне нападения Германии в Советском Союзе шли выпускные вечера и завершились сессии в большинстве вузов. В западных регионах РСФСР и центральной России нормальное функционирование вузов было прервано уже в первые дни войны, с первыми авианалётами и стремительным наступлением врага. Еще до мобилизации ряд

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Фонда «История Отечества».

преподавателей и студентов становились ополченцами, направлялись партийным и советским руководством, ректоратами на те или иные работы или обеспечивали первые эвакуационные мероприятия.

В рамках данного исследования ставится задача рассмотреть обстоятельства работы в военный период МГУ им. М.В. Ломоносова и небольшого регионального вуза, социально-исторические реалии их деятельности. Особенности образовательной сети в СССР связали два разноформатных учреждения образования как на этапе основания вуза в Смоленске, так и в контексте военных событий, когда МГУ стал шефом восстановления Смоленского государственного педагогического института (далее – СГПИ), пережившего разрушение, гибель научных и библиотечных фондов, острый кадровый голод и инфраструктурные ограничения. Исторические обстоятельства изучаемого периода фиксируются в достаточно репрезентативных и хорошо сохранившихся фондах Архива МГУ, что восполняет острый дефицит источников по истории СГПИ, лишившегося своего довоенного архива.

В западную Смоленскую область войны пришла уже в последние дни июня 1941 г.: студенты и преподаватели СГПИ отправились на рытье окопов в Краснинский район под Смоленском. Первые дни войны стали для прифронтового Смоленска тяжёлыми. Выпуск в СГПИ не состоялся – шла весенняя сессия, выпуск медиков (СГМИ) проходил после разрушительной бомбардировки города 28 июня². Смоленск к началу 1940-х гг. представлял собой поистине университетский город: в городской социальной инфраструктуре заметное место занимали десяток общежитий двух вузов (имеющих общее основание) в различных частях города, рассеянные по городу столовые, банно-прачечные объекты, клубы. Если СГПИ встретил 1941 г. в одном учебном корпусе на ул. Пржевальского (Университетской) и шести общежитиях в нескольких локациях, то СГМИ имел новое специально построенное здание с учебно-лабораторной базой и несколько общежитий, в том числе новопостроенное в районе Рославльского шоссе³. Большинство объектов этой развитой инфраструктуры будет утрачено в годы войны, как в период штурмов и оккупации, так и от авианалетов, совершаемых фашистами на уже освобождённый от оккупации Смоленск.

Помимо материальных ценностей, зданий и сооружений, война повлекла утрату уникального культурного фонда. В основанном в 1918 г. Смоленском госуниверситете (в 1930 г. он разделился на два самостоятельных, медицинский и педагогический, института) к 1920 г. была создана научная библиотека, сконцентрировавшая свыше 215 тыс. томов изданий, часть из которых характеризовались как уникальные. Она была сформирована из библиотек дворянских усадеб Смоленской губернии, таких как Вонлярово и Дугино. При всём революционном настрое даже «непрофильные» фонды из книг по богословию сохранялись и были научно обработаны. К работе в этой

² Смоленский государственный медицинский институт (1920–1970). Исторический очерк. Смоленск, 1970. С. 112.

³ Смоленский государственный педагогический институт имени К. Маркса. 1918–1968 / под ред. А.А. Кондращенкова. Смоленск, 1968. С. 37.

уникальной библиотеке привлекали лучших представителей смоленской интеллигенции. Так, известно, что в начале 1920-х гг. сотрудником библиотеки был смоленский градский благочинный, духовник смоленской профессуры протоиерей Петр Чельцов (1887–1972). Библиотека была столь крупной и значимой в республиканском масштабе, что её штат в пору каталогизации и научной обработки, продолжавшейся до 1923 г., составлял 35 человек. С 1925 г. библиотека приобрела право получения обязательного экземпляра из коллектора Центральной книжной палаты⁴.

Смоленская область, как и другие западные регионы, первыми попавшие под удар нацистов, не имела возможности провести эвакуацию. Библиотека СГПИ–СГМИ, остававшаяся общей и после разделения вузов в 1930 г. оказалась в руках оккупантов, была вывезена и рассеяна (известно, что удалось вывезти в Саратов лишь около 400 экз. уникальных изданий библиотеки СГМИ).

Несмотря на то что СГПИ сохранил после разделения большую часть инфраструктуры, помещений в единственном учебном корпусе не хватало, до 1936/37 учебного года занятия шли в две смены и лишь завершённая надстройка четвёртого этажа в историческом здании на Университетской улице позволила ввести одну смену. К 1939 г. институт обладал шестью общежитиями вместительностью свыше 1600 мест; в зданиях имелись буфеты и читальные залы⁵.

Война прервала развитие высших учебных заведений Смоленска. Уже с 10 июля развернулось одно из первых масштабных сражений первого этапа войны – Смоленское, через 10 дней образовался Смоленский котел и наступила самая тяжелая для советских войск ситуация, 16 июля первые немецкие соединения вошли в Смоленск, который продолжал сопротивление на протяжении двух недель.

С 30 сентября началась битва за Москву, 15 октября Государственный Комитет обороны СССР принял решение об эвакуации Москвы. На следующий день она фактически началась (в Горький, Куйбышев, Саратов, Молотов и другие города) – были эвакуированы управление Генштаба, военные академии, наркоматы и другие учреждения, осуществлялось минирование объектов городской инфраструктуры.

С 1941 г. проректором МГУ был Борис Павлович Орлов (1892–1967). В критический момент, 16 октября, он был назначен исполняющим обязанности ректора университета и оставался в Москве, при этом на него легла вся ответственность за организацию эвакуации. Базой для неё должен был стать Ашхабадский пединститут. В этот же день ректор записал: «Вышли пешим порядком индивидуально и самодеятельными группами несколько сотен человек (до 1000) научных работников, сотрудников и студентов, часть которых впоследствии добралась до Ашхабада, но в значительной мере осела в районах Поволжья и в местах, куда были ранее с эшером».

⁴ Смоленский государственный медицинский институт (1920–1970). С. 188.

⁵ Смоленский государственный педагогический институт имени К. Маркса. С. 37–38.

лонами эвакуированы семьи»⁶. Тем не менее в сложнейших условиях эвакуация шла, и уже 17 октября эшелоном было отправлено около 250 сотрудников университета. По другим сведениям, эвакуационные составы отправлялись 14, 18 и 29 октября – в них выехало до 90 преподавателей и более 700 студентов, было вывезено научное оборудование⁷.

29 октября в результате бомбардировки пострадало здание МГУ на Моховой. Вся страна тогда жила одной судьбой, испытывая тяготы самого тяжелого этапа войны.

Сразу по ослаблении военной угрозы начинались работы по восстановлению учебных занятий там, где занятия прерывались, и по возобновлению их в случае реэвакуации вуза. МГУ им. Ломоносова не эвакуировался полностью. С февраля 1942 г. возобновились учебные занятия на 10 факультетах (в отдельных группах), а в марте даже была создана кафедра марксизма-ленинизма, также начавшая реализацию учебного плана. При этом весь коллектив, отказавшись от каникул в 1942-м г., работал на трудовом фронте – на строительстве оборонительных рубежей⁸.

С 1943 г. в Москве преподавание шло обычным порядком, хотя и в военных условиях. В апреле было вынесено решение о реэвакуации МГУ из Свердловска в Москву и к 1 декабря 1943 г. в университете числился уже 4161 студент⁹. Наркомат просвещения выпустил специальные распоряжения о порядке и сроках ведения занятий; университет сносился с наркоматом обороны по всем вопросам мобилизации, постоянными были медицинские комиссии и призыв в ряды РККА новых категорий обучающихся. МГУ военных лет, как видно из списков студенческого контингента, был «женским вузом», в 1944 г. ситуация начала постепенно меняться. Но учёба и, как показывают материалы вузовского делопроизводства, все процессы управления шли своим чередом.

В сложную военную пору московскую часть МГУ последовательно возглавляли А.С. Бутягин (1941, 1943; в ночь на 16 октября 1941 года, во время паники в Москве, он бежал из города, оставил свои обязанности¹⁰), профессор Б.П. Орлов (1941–1942; взял на себя обязанности ректора после бегства Бутягина; занимался организацией эвакуации вуза) и профессор И.С. Галкин (1943–1947 гг.).

7 января 1944 г. коллектив МГУ во исполнение постановления Моссовета от 6 января приказом проректора В.В. Азарова был направлен на очистку от снега «участков мостовых и панелей, доведя их до летнего со-

⁶ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова в годы войны // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://war.history.msu.tilda.ws> (Дата обращения: 28.08.2023 г.)

⁷ Московский университет за пятьдесят лет советской власти / под ред. акад. И.Г. Петровского. М., 1967. С. 100.

⁸ Там же. С. 102.

⁹ Там же. С. 108.

¹⁰ Сорокин В.В. По Москве исторической / под общ. ред. В. Б. Муравьева. М., 2006. С. 439.

стояния». Приказ предписывал приступить к работе немедленно и выполнить её в течение суток; предлагал выделить на нее не менее 10 % списочного состава коллективов факультетов и возлагал ответственность за выполнение на определённых приказом по МГУ от 29 декабря 1943 г. Вероятно, исполнительская дисциплина даже военного времени не была идеальной, поскольку приказ грозил санкциями со стороны Мосинспекции и милиции и сулил не выполнивших его направить на общие работы по Москве уже на трое суток¹¹.

К той же мобилизационной практике прибегли и весной, когда требовалось очистить территорию: было решено с 26 по 30 апреля 1944 г. «ежедневно выделять на уборку территории МГУ 20 человек», а проректор по АХЧ требовал ежедневно докладывать ему о ходе работ¹². Мобилизации в данном случае подлежали отнюдь не студенты или преподаватели – им надлежало продолжать учебный процесс, а сотрудники служб и управлений университета, не исключая и служащих ректората. К работе нужно было приступать ежедневно в 9:00, под роспись в листе явки.

Разного рода мобилизации были неотъемлемым атрибутом военного времени. Так, 7 июля 1944 г. МГУ на основании постановления Совнаркома и указаний Комитета по делам высшей школы был обязан мобилизовать дополнительно 600 студентов на сельскохозяйственные работы с 20 июля по 5 сентября. Сама стилистика мобилизации была довольно жёсткой: на факультетах должны были получить паспорта студентов и передать их в райисполком¹³.

Приказом от 16 июня 1944 г. утверждался даже «план использования студентов на время летнего периода с 17.VI по 2.IX.1944 ». Приказ принимал во внимание состояние здоровья студентов в определении конкретного вида работ (заготовка дров признавалась самым тяжёлым из видов работ)¹⁴.

Осенью 1944 г. ректорат подводил итоги мобилизационных работ, констатируя, что «в период июля–сентября свыше 1000 студентов Университета были мобилизованы на трудовые работы. В героические дни Великой Отечественной войны студенческий коллектив на различных участках трудового фронта, заготовке дров для г. Москвы, сельхоз работах, строительстве Московского университета показал образцы самоотверженного труда...»¹⁵. Благодарность была объявлена свыше 120 студентам и сотрудникам МГУ.

Обеспечение студентов сносными условиями проживания было безусловным приоритетом вуза. К осени 1944 г. университету принадлежали два основных общежития: Тимирязевское и на Стромынке, 32. Общежития были плотно заселены: например, в Тимирязевском после поселения нача-

¹¹ Архив Московского государственного университета (далее – Архив МГУ). Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 69. Л. 122

¹² Там же. Л. 59–61.

¹³ Там же. Д. 64. Л. 26.

¹⁴ Там же. Л. 175.

¹⁵ Там же. Д. 67. Л. 150.

ла учебного года закреплялось 540 мест, специальные места выделялись инвалидам войны¹⁶. В комнатах размещалось до 17 человек. При этом на общежития МГУ рассчитывали и другие учебные заведения столицы: в ноябре 1944 г. МГУ предоставил 100 мест для вселения студентов Московского пединститута им. В.И. Ленина¹⁷.

Студенты во все времена одинаковы, но санкции военного времени за проступки и бытовые оплошности были серьёзными: в январе 1944 г. в студенческой комнате Пушкинского студгородка из-за самовольно установленной печки (вероятно буржуйки) из-за выпавших углей произошёл пожар. Это вызвало не только проверку пожарной безопасности всего городка, но и «передачу дела о пожаре прокурору», при том что ремонт комнаты провинившийся студент должен был выполнить за свой счёт¹⁸. Тогда же в январе 1944 г. проректор по АХЧ специальным приказом обновил режимы пребывания в помещениях университета (не позднее 20.00), обязал ответственных по факультетам, лабораториям, расквартированным в университетских помещениях, обязательно запирать двери, следить за водными кранами и выключением света. После 22:00 в университетском здании на Моховой могли оставаться лишь дежурные команды МПВО¹⁹. В конце февраля, установив «колossalный перерасход электроэнергии», установили особый режим контроля за расходом электроэнергии²⁰.

Даже в военную пору МГУ оставался огромным хозяйствующим механизмом, действующим в том числе и на принципах инициативного самобеспечения. Так, университету был передан в попечение подмосковный совхоз «Красновидово» и в разные сезоны выращённое в нём поступало в качестве столь необходимого в военную пору продовольствия в комбинат питания университета. Студенты и сотрудники университета регулярно направлялись на работы в совхоз, им устанавливались определённые нормы выработки, при этом администрация университета заботилась о питании и обеспечении таких работников, а также о «поощрении лучших ударников... их премировании» заранее закупленными дефицитными промтоварами: от чулок, носок и трусов до кофточек и полуботинок²¹.

Красновидовский совхоз был важным элементом хозяйственной инфраструктуры университета. Приказ об организации весенней посевной кампании в совхозе занимал 4 листа и определял масштабные задачи. При этом «план посева» в размере 230 га был определён Наркомпросом. Ставилась задача засева фуражных и зерновых культур (с распределением посева по каждой из культур), определялся план по сбору, предполагавший «вырастить не менее 400 тыс. штук доброкачественной капусты и 50 тыс. томатной рассады для полного обеспечения посадок капусты и помидор соб-

¹⁶ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 67. Л. 150. Д. 69. Л. 47.

¹⁷ Там же. Д. 70. Л. 21.

¹⁸ Там же. Д. 69. Л. 109.

¹⁹ Там же. Л. 110.

²⁰ Там же. Л. 41, 96.

²¹ Там же. Л. 68–70.

ственной рассадой». Уже к 15 марта должны были приступить к закладке парников, закупить и починить необходимый сельскохозяйственный инвентарь. Директор совхоза Шабанов к 15 марта должен был отчитаться о готовности к посевной. В апреле наступала пора обучения основам агротехники 185 специально отобранных на факультетах студентов. В самом совхозе к посевной готовили кузницу и электростанцию²².

Порядок и учёт сельхозпродукции были столь строгими, что загруженная в конце сезона в сентябре 1944 г. в Красновидово горохом, помидорами, капустой и салатом университетская машина пришла в Москву с явной недостачей в десятки килограмм: результатом явилось возбуждение юридической службой МГУ уголовного преследования учетчицы²³.

Идти вперёд и развиваться

Военное время не препятствовало расширению инфраструктуры университета. Так, 7 марта 1944 г. состоялось правительственное решение, обязывающее Московский областной педагогический институт «передать Большевскую биологическую станцию Московскому ордена Ленина Государственному университету им. М.В. Ломоносова»²⁴. При этом МГУ должен был обеспечить прохождение на станции практик студентов МОПИ.

Но в военную пору происходило не только присоединение и расширение инфраструктуры. В октябре 1944 г. состоялось заседание, его итогом стало принятие ВКВШ и Наркомпроса решение о преобразовании факультета международных отношений в самостоятельный Институт международных отношений (ныне всем известный МГИМО). Приказом по МГУ от 13 ноября 1944 г. создавалась передаточная комиссия: передаче подлежали студенты с соответствующими делами по учебной части, а также штат преподавателей и сотрудников. Передавались библиотека факультета, а также фонд из 200 мест в общежитии Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева, занимаемый до этих пор студентами МГУ. В тот момент на двух курсах факультета обучалось 429 человек и работал штат преподавателей и лабораторных, составлявший 56 человек, 19 сотрудников деканата во главе с деканом И.Л. Удальцовым и технический персонал²⁵.

Военное время стало периодом масштабного трудоустройства в университет. В том числе его усиления за счёт привлечения по совместительству или перехода в штат учёных из Академии наук СССР. При этом приём на работу происходил не только в начале учебного года. Так, в декабре 1944 г. в университет трудоустраивались сразу пять докторов наук, в их числе Б.А. Рыбаков²⁶. С января 1944 г. на штатные должности в МГУ были переведены будущие академики Е.А. Косминский и М.Н. Тихомиров²⁷. В

²² Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 70. Л. 117.

²³ Там же. Д. 69. Л. 57.

²⁴ Там же. Д. 70. Л. 126.

²⁵ Там же. Д. 67 а. Л. 170–182.

²⁶ Там же. Л. 65–66.

²⁷ Там же. Л. 17.

августе 1944 г. в университет на должность профессора кафедры оптики был приглашён академик С.И. Вавилов, кафедры атомного ядра – академик И.В. Курчатов²⁸.

Порядок занятий, режим

Наркомпрос чётко регламентировал работу сети вузов, и даже в военное время систематизировал и анализировал предпринимаемые меры. В 1943 и 1944 гг. правительством принят был ряд постановлений, направленных на дальнейшее укрепление и развитие дела народного образования в стране», об этом свидетельствовал и прирост бюджета в 1944 г. на 45 %²⁹. Построение учебного года в военных условиях, по крайней мере в 1944 г., также несколько отличалось от современного: первый семестр начинался со 2 октября и продолжался до 31 января 1945 г.; экзаменационная сессия шла с 1 по 20 февраля, и после коротких каникул с 1 марта стартовал второй семестр, продолжавшийся до 16 июня³⁰.

Отдельное внимание Комитетом по делам высшей школы и ректоратом уделялось работе аспирантуры; план приёма в неё составлял 175 человек. В октябре 1944 г. ее эффективность была признана самой слабой на истфаке и философском факультете. Из четырёх отчисленных аспирантов трое приходились на истфак и кафедру марксизма-ленинизма! Приказ, разбирающий все недостатки подготовки аспирантов и устанавливающий особую ответственность руководителей, заведующих кафедрами и деканатов занял четыре листа машинописи³¹.

Приём в университет был строго регламентирован Всесоюзным комитетом по делам высшей школы. МГУ было разрешено произвести набор 1560 студентов. По окончании основного приёма, вероятно, по ходатайству ректората, план приёма был увеличен на 120 человек, распределённых между юридическим (10), философским (10), химическим (10), биологическим (30), филологическим (40) и историческим (20) факультетами³².

Разумеется, в военную пору проводилась всеобщая военная подготовка обучающихся по четырём профилям: пехота (мужчины всех факультетов за исключением физмата, геолого-почвенного, химического и физического); медсестры (женщины-студенты всех факультетов, кроме исключений); артиллерия (студенты мехмата, геолого-почвенного, химического); связь (студенты физического факультета)³³.

Примечательно, что именно в военный период было принято решение Наркомпроса о сокращении сроков обучения на ряде факультетов. Так, с апреля 1944 г. обучение на историческом, филологическом, экономиче-

²⁸ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 67а. Л. 157.

²⁹ Народное образование в РСФСР в 1944 году. Отчет народного комиссариата просвещения РСФСР. М., 1945. С. 3.

³⁰ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 67. Л. 105.

³¹ Там же. Л. 90.

³² Там же. Л. 91.

³³ Там же. Л. 88.

ском, юридическом, географическом, факультетах журналистики и международных отношений устанавливался в 4 года (исключением было направление «Восточные языки и литература»), на остальных – 5 лет³⁴.

Дисциплина и порядок, строгое соблюдение служебных обязанностей были характерными чертами милитаризации общества, всех практик и порядков, в том числе ведомственных и корпоративных (университетского в частности). Даже опоздания преподавателей могли повлечь серьёзные дисциплинарные последствия вплоть до увольнения с сопутствующим снятием с социального обеспечения. Так, в летнюю сессию 1944 г. доцент А.Ф. Иващенко опоздал на экзамен на полтора часа, а известный историк (тогда доцент) Б.Б. Кафенгауз не пришёл вовсе, перепутав расписание. Обоим вынесли выговор ввиду того, что нарушение было единичным и произошло вследствие путаницы / невнимательности³⁵. В то же время дело ушедшего за полчаса до окончания рабочего дня университетского дворника после его увольнения еще и было передано в суд «согласно Указу от 26.VI. 1940 г.» (т. е. по основанию отнюдь не военного времени)³⁶.

Праздники военного времени

В военную пору руководство университета не забывало и о моральном поощрении коллектива. Государственные праздники даже не становясь выходными, являлись достойными празднования и чествования отличившихся. 23 февраля вышел приказ по университету с такими формулировками: «Московский ордена Ленина Государственный университет им. М.В. Ломоносова вместе с Великим Советским народом, с чувством глубочайшей любви и энтузиазма приветствует доблестную Красную армию, героически борющуюся за честь, свободу и независимость нашего отечества, в день её славного 26-летия. В день 26-й годовщины Красной армии за образцовое выполнение оборонных заданий» объявлялась благодарность и премия 6 преподавателям и сотруднику, а также «118 товарищам, работавшим под их руководством». Отдельно поощрялись лучшие доноры и бойцы МПВО и члены Комиссии по оказанию помощи семьям фронтовиков. Приказ завершался примечательной резолюцией: «Да здравствует Великий Советский народ, его героическая Красная армия и Военно-морской флот, упорно изгоняющие немецко-фашистских извергов из пределов нашей Родины! Смерть немецким мерзавцам». Как ни странно, но перед подписанием ректор вычеркнул финальную формулу «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина – отдадим все наши силы на помочь фронту!»³⁷.

Не меньшего внимания был удостоен коллектив и в Международный женский день 8 марта. Приказ ректора, изданный в этот день объявлял благодарность и премировал «лучших женщин университета» по всем факультетам и подразделениям. Приказ также содержал значимую преамбулу:

³⁴ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 67. Л. 71–71 об.

³⁵ Там же. Д. 64. Л. 25.

³⁶ Там же. Л. 36.

³⁷ Там же. Л. 102.

«Третий год Международный Женский день – 8 марта советские женщины отмечают в условиях ожесточенной Великой отечественной войны. В этом году наступление Красной армии сопровождается все новыми и новыми историческими победами. Красная армия гонит захватчиков с нашей родной земли, создавая тем самым нормальные условия для работы тыла. Советская женщина плечом к плечу с бойцами на фронтах отстаивает честь и независимость нашей Родины, она героически трудится в тылу в помощь фронту. Женщины Московского университета с первых дней войны проявили патриотизм к Родине. Многие студентки сменили учебу и книги на борьбу, на защиту отечества и вместе с другими воспитанниками университета с оружием в руках отстаивали честь нашей Родины...»³⁸.

Смоленский пединститут: трудное восстановление

За период оккупации было уничтожено 5 из 6 общежитий, обсерватория и биологическая станция значительно разрушено учебное здание СГПИ. Через месяц после освобождения от оккупации Смоленской области Совнарком принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства города Смоленска», предусматривавшее возобновление с 1 января 1944 г. деятельности пединститута с установленным в 500 человек числом обучающихся. Решение это не было выполнено по объективным обстоятельствам, также как и возобновление занятий в 1944 г. Весь год ушёл на поиски ресурсов для реализации партийных и ведомственных решений о восстановлении СГПИ. Так, 7 марта 1944 г. Наркомпрос принял постановление № 163 «О неотложных нуждах по восстановлению Смоленского гос. пединститута им. К. Маркса»³⁹.

В результате авианалета 25–26 июня 1944 г. была сожжена кровля и четвёртый этаж учебного корпуса, нижние этажи получили серьезные повреждения, а сметная стоимость восстановительных работ кратно возросла до 2 млн руб. После этого рокового налёта МГУ им. Ломоносова по своей инициативе взял шефство над восстанавливаемым вузом, с января 1945 г. начал передавать ценное оборудование и книги (к формированию книжных фондов подключились также Ивановский и Куйбышевский, Калининский и Вологодский пединституты). Ключевой проблемой оставалась кадровая. Лишь начавшаяся летом 1945 г. демобилизация и возвращение ряда преподавателей и аспирантов сформировала условия для возобновления занятий.

Летом 1945 г. в работу по восстановлению СГПИ включился Смоленский обком ВКПб. В обширной повестке заседания бюро обкома от 6–9 июня был поставлен вопрос «О восстановлении Смоленского государственного педагогического института». Первый план был амбициозным, он обязывал директора пединститута Соболева объявить и произвести набор 480 человек, из них 270 – на первый курс. Горстройтрест был обязан в два этапа произвести ремонт всех четырёх этажей учебного корпуса, завершив

³⁸ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 64. Л. 125.

³⁹ Народное образование в РСФСР в 1944 году. С. 145.

его к 1 октября 1945 г. К 1 сентября в вуз должны были поставить простейшую мебель (500 учебных столов, 1500 табуретов 100 скамеек и т. д.). При этом обком «просил ЦК ВКПб обязать Наркомпрос РСФСР» направить в СГПИ всех его преподавателей, командировать на работу недостающие кадры, выделить оборудование и большое количество матрацев и постельного белья⁴⁰.

Торжественный акт возобновления деятельности СГПИ состоялся 17 сентября, а первые занятия начались только 29 октября 1945 г. Они шли в три смены, поскольку на 19 сформированных групп имелось лишь 5 аудиторий. Зимой 1946 г. удалось ввести ещё 3 учебных комнаты и занятия стали двухсменными. Полное восстановление учебного корпуса растянулось на пять лет. Первые занятия шли в здании без крыши, в неотапливаемых помещениях, при отсутствии света – большинство разбитых окон было заколочено фанерой. Часть занятий проводили в помещениях мединститута. Общежитием служил также учебный корпус, где в 11 аудиториях разместили до 50 человек, вынужденных спать на столах и скамейках. Студентов привлекали на работы по заготовке дров и сельхозработы⁴¹. Контингент значительно увеличился в 1946/47 учебном году, перевалив за тысячу⁴².

Сейчас очевидно, что восстановление страны, её образовательной, в частности вузовской, инфраструктуры стало возможно благодаря огромным усилиям коллегиев вузов, трудовому энтузиазму и ответственности, жертвенности и самоотдаче администраторов, педагогов и студентов, ставших «единым восстановительным фронтом», обеспечившим ещё одну победу – победу в деле восстановления университетских центров после войны. Открытия вузов, проведённые в сложнейших условиях, первые наборы решали ключевую социальную задачу – социализации, формирования профессиональных и карьерных траекторий многих фронтовиков, сформировавших поколение послевоенных преподавателей, а в конечном итоге – советскую университетскую интеллигенцию второй половины XX в. Восстановление «университетов победы» проходило в обстановке острого дефицита ресурсов, но не сопровождалось ведомственной борьбой и затягиванием трудноразрешимых вопросов: высокая консолидация общества стала одним из решающих факторов скорого восстановления страны и её образовательных центров.

Об авторе:

КАИЛЬ Максим Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой, кафедра истории России, Смоленский государственный университет, (ул. Пржевальского, 4, 214000 г. Смоленск, Рос-

⁴⁰ Государственный архив новейшей истории Смоленской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1762. Л. 23.

⁴¹ Там же. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 64. Л. 45-47, 52–62.

⁴² Смоленский государственный педагогический институт имени К. Маркса. С. 65–67.

сийская Федерация), e-mail: mvkail@mail.ru, orcid.org/0000-0002-2635-5091

UNIVERSITIES OF THE GREAT WAR. SOCIAL HISTORY OF MOSCOW STATE UNIVERSITY AND SMOLENSK PEDAGOGI- CAL INSTITUTE ON THE PATHS OF VICTORY 1944-1945

Maksim Vl. Kail'

Smolensk State University, *Smolensk, Russia*

The article is devoted to the reconstruction based on the materials of the MSU Archive of the social realities of the activities of the main university of the Soviet Union – Lomonosov Moscow State University in the period after the return of the university from evacuation to Ashgabat and Sverdlovsk (1944-1945), as well as the regional educational center – Smolensk State Pedagogical Institute, which became sponsored by MSU. The plot focuses on the restart of the university on the way to the great victory, the solution of infrastructural and social issues, the regime and order of activity, the social characteristics of the structures of the university center, the students of the wartime, as well as the participation of MSU in the reconstruction of sponsored universities. The social history of the educational center in the circumstances of an unprecedented war is another facet in the study and understanding of the significance of the Great Patriotic War in national history, the history of higher education..

Keywords: *The Great Patriotic War, Lomonosov Moscow State University, Smolensk Pedagogical Institute, higher education, social history, teachers, personnel, management*

About the author:

KAIL' Maksim Vl. – head of Russian history department, Smolensk state University, Przhevalskogo st., 4, 214000 Smolensk, Russian Federation, mvkail@mail.ru, orcid.org/0000-0002-2635-5091

Статья поступила в редакцию 15.08.2023 г.

Подписана в печать 15.11.2023 г.

.

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47).047–083

DOI 10.26456/vthistory/2023.3.034–046

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ОСОБОГО СТАТУСА ЖЕНЩИНЫ В СТАРООБРЯДЧЕСТВЕ

В.В. Керов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Статья посвящена выяснению и уточнению гендерного статуса и гендерных функций женщины в старой вере. Исследователи описали социальные факторы формирования такого статуса, однако остались неясными факторы конфессиональные, а также богословское обоснование этого статуса самими старообрядцами. Роль женщины в старой вере была связана с тем, что именно женщины выполняли образовательные функции (прежде всего в отношении религиозного образования); они контролировали исполнение религиозных норм в семье и подчас в общине; вели уставную службу вне храма. В итоге, в старообрядчестве женщина приобрела статус более высокий, чем в среде паствы синодальной церкви. В старой вере такой статус подвергся сакрализации, начатой протопопом Аввакумом и аргументированной старообрядцами самой сутью христианства.

Ключевые слова: Россия, XVII–XX в., история женщин, гендерный статус, старообрядчество, конфессиональные факторы.

В старообрядчестве женщина занимала место, отличное от её гендерного статуса в остальной части православного социума. С самого начала изучения старообрядчества исследователи писали о высоком статусе и значительной роли женщины в старообрядчестве, в том числе в распространении старой веры, общественно-религиозной жизни¹. Авторы даже из числа гонителей отмечали, что «женщина при движении раскола по его принципам идет рядом с мужчиной»².

В начале XX в. отдельные либеральные авторы развили этот тезис до абсурда, заявив, что уже в XVIII в. в «женских старообрядческих скитах... впервые поднят и выдвинут самой жизнью вопрос о равноправии женщин».

¹ Андреев В.В. Раскол и его значение в народной русской истории: исторический очерк. СПб., 1870. С. 251–253; Пругавин А.С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М., 1905. С. 87; и др.

² Смирнов П.С. Значение женщины в истории русского старообрядческого раскола // Христианское чтение. 1902. № 3. С. 330.

ны... и здесь она установила свои общественные и гражданские права», справедливо, впрочем, отмечая, что уже в тот период женщина «заняла по-чтное место как просветительница масс, как ярая сторонница традиций старины... выступая не просто в качестве помощницы, но нередко становясь самостоятельной энергичной руководительницей общественного дела наравне с мужчиной, и не только в мирских, но и церковных делах»³.

В современной литературе общим местом стало положение о том, что в старообрядческих семьях именно женщины выступали руководительницами религиозной жизни, они играли большую роль в жизни конфессиональной общины⁴. Об этом же пишут этнографы, делая заключение о том, что женщина в староверии «играла важную роль в сохранении и консервации его культуры»⁵. Эти выводы подтверждают новейшие исследования: «Женщина-старообрядка имела высокий статус, поскольку играла значительную роль в сохранении старой веры»⁶.

Зарубежные авторы также коснулись этой проблематики⁷.

В то же время права автор, сделавшая заключение о том, что высота статуса и самостоятельности женщины-старообрядки несколько преувеличена в литературе. Женщины-старообрядки в действительности были более зависимыми «и от мужчин-старообрядцев, и от социальных и юридических условий российского общества», чем это указано во многих работах⁸. Так, например, по данным современных историков, письма руководительниц Лексинской киновии к выговскому настоятелю наполнены «изъявлением полной покорности», кинеовиарх «совместно с соборными братьями определял правила внутренней жизни женского монастыря и контролировал его руководящий состав на всех уровнях»⁹.

Общим историографическим выводом, однако, представляется тезис того же автора о том, что женщина-старообрядка «могла отправлять важ-

³ Ясевич-Бородаевская В.И. Борьба за веру. Историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству в его последовательном развитии. СПб., 1912. С. 327.

⁴ См., напр.: Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М., 2011. С. 102–132.

⁵ Данилко Е.С. Старообрядчество на Южном Урале: очерки истории и традиционной культуры Уфа, 2002. С. 118.

⁶ Тикас Ч.О. Женщина в беспоповском старообрядческом сообществе во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Санкт-Петербургской, Новгородской, Вологодской и Олонецкой губерний): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. С 26.

⁷ См., напр.: Paert I. Old Believers, religious dissent and gender in Russia, 1760–1850. Manchester; New York, 2003.

⁸ Тикас Ч.О. Указ. соч. С. 26, 27.

⁹ См.: Старицын А.Н. Староверческие поселение в Поморье в конце XVII – начале XVIII в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2021.

ные функции и в религиозной, и в общественной сфере, что представлялось необычным для традиционного российского сознания»¹⁰.

Важно, что, по мнению самих ревнителей древнего благочестия, «в старообрядчестве женщина получила преимущества» и, поэтому, «во многом её статус уравнивался с мужским»¹¹. Дело доходило до того, что, «предоставляя» женщинам право заниматься «мужским» делом, мужчины-старообрядцы в свою очередь не гнушались иногда «женскими» занятиями. Так, например, в середине XIX в. те из крестьян-старообрядцев Центральной России, кто не уходил зимой на промыслы, подчас пряли «вместе с женщинами и девками»¹².

Исследователи в целом описали социоконфессиональные факторы формирования гендерного статуса женщины в старообрядчестве, в том числе условия гонений на старую веру, проблему нехватки или отсутствия священства, однако не выявили собственно конфессиональные факторы, прежде всего связанные с религиозными представлениями и религиозными традициями. Следует также обобщить основные особенности конфессиональной роли женщины в старообрядчестве. Кроме того, важно, как сами старообрядцы обосновывали высокий статус женщины в сообществе, в том числе в богословском аспекте. Соответственно, объектом исследования является положение и функции женщин в старообрядческой общине. Предмет – конфессиональные факторы статуса женщин в старообрядчестве и его богословское обоснование.

В работе использованы принцип историзма и системный подход. В основе анализа лежит историко-гендерный подход, который в данном случае предполагает анализ «социально-исторических явлений с учетом фактора пола» и «гендерного взаимодействия», а также «изучение опосредованной отношениями полов социальной действительности, ее изменений» с учетом «гендерного опыта» конкретной исторической эпохи и региона¹³. Применены традиционные методы исторического исследования: историко-генетический, историко-сопоставительный и историко-типологический, а также функциональный метод системного анализа и историко-нарративный метод.

Статус женщины в старой вере реализовывался в целом ряде аспектов. Во-первых, в старообрядчестве возникла широкая образовательная сеть, уровень грамотности здесь был несколько выше, чем у соответствую-

¹⁰ Тикас Ч.О. Указ. соч. С. 26.

¹¹ Кириллов И.А. Наш грех // Старая Русь. 1912. № 5. С. 79.

¹² Синицын И.И. Отчет «О расколе в Ярославской губернии» // Сборник правительственные сведений о раскольниках / сост. В. [В.] Кельсиев. Лондон, 1864. Вып. 4. С. 166. См. о том же у современных староверов: Куприянова И.В. Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4(41). С. 327.

¹³ Пушкарёва Н.Л. Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования. Харьков; СПб., 2001. Ч. I. С. 276, 303, 304 и др.; Её же. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007. С. 160–235.

юющих социальных групп из паства синодальной церкви. А в самой старой вере «грамотнее был женский пол», в ряде местностей «число грамотных женщин относилось к числу грамотных мужчин даже как 9 к 1»¹⁴. И старообрядческая грамотность поддерживалась в значительной мере женщинами – в старой вере преподавание было их прерогативой. Центры обучения создавались, прежде всего в скитах, в особенности, в женских.

Вне обителей старообрядцы учились у старших в семье и у наставников, «наибольшей же частию... у девок келейниц, явных или тайных», которых полиция считала самыми «вредными сектаторами». Во всех согласиях такие учительницы, посвятившие себя изучению духовных книг и обучению детей, пользовались высоким авторитетом. В различных локальных группах разных согласий такие старообрядки именовались «книжницами», «богомолками», «наставницами», «духовными матерями», «мастерицами», «псаломщицами» и др. В середине XIX в. в Центральной России была распространенной практика, когда богатые предприниматели из староверов финансировали «тетенькины школы» с десятками учеников и, что важно, учениц¹⁵.

Не менее важен для повышения статуса женщины был тот факт, связанный с первым явлением, что женщины активно участвовали в духовной жизни, полемике и даже в уставной деятельности. Это признавали и гонители старой веры. В начале XVIII в. будущий митрополит Димитрий Ростовский писал о Ростовской епархии: «... почти в каждом городе изобретается особая вера; простые мужики и *бабы* (здесь и далее курсив наш. – В.К.) догматизируют и учат о вере». Миссионер официальной церкви, приехавший в Стародубье в 1723 г., с неодобрением (и очевидным преувеличением) отметил: «что двор, то учитель, а что *баба*, то *типик*». В первой половине XIX в. другой «борец с расколом» – Феофилакт Тверской повторял: у старообрядцев «что мужик – то вера, что *баба* – то *устав*»¹⁶. Со-

¹⁴ Смирнов П.С. Указ. соч. С. 332.

¹⁵ Кириллов И.А. Указ. соч. С. 80; Синицын И.И. Записка [об экспедиции (1852) для статистического исследования народонаселения Ярославской губернии] // Сборник правительственные сведений о раскольниках. Вып. 4. С. 46, 47; Синицын И.И. Отчет «О расколе в Ярославской губернии» // Там же. С. 166–167; Краткая записка о современном состоянии раскола в Повенецком уезде // Бурцев А.Е. Материалы для истории раскола из собрания А.Е. Бурцева. Б/м, б/г. С. 16 (третья пагинация); Стадников А.В. Московское старообрядчество и государственная конфессиональная политика XIX – начала XX в. М., 2002. С. 103 и др.; Пономарева Г. Русские староверы Эстонии. Тарту, 2006. С. 21; Пругавин А.С. Старообрядцы и образование // Старая Русь. 1912. № 2. С. 30; Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Киев, 1895. Вып. 1. С. 219, 234; Леонтьева С.И. Обучение грамоте в старообрядческой среде Ветковско-Стародубского региона // Старообрядчество как историко-культурный феномен. Гомель, 2003. С. 150–156; Волкова Т.Ф. К проблеме наставничества на Нижней Печоре (Феодосия Ефимовна Чупрова) // Мир старообрядчества. М.; Бородулино, 1996. Вып. 3: Книга, традиция. Культура. С. 161–172.

¹⁶ Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения. М., 1997. Кн. VIII. С. 327; Лилеев М.И. Указ. соч. С. 280; Кельсиев В./В.] Предисловие // Сборник правительственные сведений о раскольниках. 1860. Вып. 1. С. XV.

хранились полемические письма керженецких старообрядок, написавших иеромонаху стародубского Покровского монастыря, предложившего принимать священников и мирян от господствующей церкви без миропомазания. Руководительницы керженских скитов выступили категорически против «нового и раздорного случая», приходящего «в противность правилам святых отец». Старообрядки ссылались также на «древле-отеческое предание», напоминали авторам «нововводства» о Страшном Суде и т. п.¹⁷. Отмечены и другие факты участия женщин в староверческой полемике¹⁸.

Кроме того, в условиях государственных репрессий против старообрядчества и, соответственно, высокой ценности личных усилий подвижников старой веры женщины активно участвовали в строительстве и развитии общин. Уже в период раннего старообрядчества в конце XVII в. женщины стали выступать в роли ситуативных лидеров, «при необходимости берущих на себя функции управления... в кризисных ситуациях, например, под воздействием апокалиптических проповедей или во время проведения сысков старообрядцев», проявляли «стойкость в вопросах вероисповедания»¹⁹. В начале XVIII в. в «Винограде российском» Семена Денисова и в «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова в словах о лучших людях общежительства, в отличие от дониконовской традиции, значительное место заняли женщины, и не только «большухи над женщинами», но и простые сестры – старица Агрипина, вдова Евдокия Андреевна, другие старицы, вдовы и девицы.²⁰ В XVIII–XX вв. большое число женщин руководило моленными, «кельями» и пр., становилось духовными наставниками и руководителями общин, особенно скитских²¹.

Женщины в старообрядчестве в условиях нехватки священников могли быть исповедниками наравне с мужчинами. Так, в одном из списков Дьяконовых ответов начала XVIII в. говорится: «Не точию же мужеи, но и

¹⁷ См.: Письмо Керженское, ко отцу Михаилу (от женской обители) // Сборник для истории старообрядчества, издаваемый Н. [И.] Поповым. М., 1864. Т. 1. С. 224–227.

¹⁸ Архангелов С.А. Среди раскольников и сектантов Поволжья: историко-бытовые очерки раскола и сектантства в Нижегородском крае. СПб., 1900. С. 135.

¹⁹ Бородкин А.В. Женщины в раннем старообрядчестве (по материалам сыскных дел Вологодского и Пощеконского уездов) // Исторические, философские, политические, юридические науки, культурология и искусствоведение. Тамбов, 2011. № 5 (11). Ч. IV. С. 33.

²⁰ Денисов С. Виноград российский или описание пострадавших за древлеправославное благочестие М., 1906; Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 117–478.

²¹ О старообрядческом женском иночестве см.: См.: *Архимандрит Палладий (Пьянков)* Обозрение пермского раскола, так называемого «старообрядства». СПб., 1863. С. 9, 14, 15, 40 и др.; Синицын И.И. Из секретной записи о Раскольниках в Ярославской губернии в 1852 году // Сборник правительенных сведений о раскольниках. Вып. 2. 1861. С. 13; Варадинов Н.В. История Министерства Внутренних Дел. Соч. М., 1863. Кн. VIII: История распоряжений по расколу. С. 645 и др.; Смирнов П.С. Значение женщины в истории русского старообрядческого раскола. С. 328–333; Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Указ. соч. С. 102–132.

жен д[у]ховными матерьями писание именует»²². В Поморские ответах, созданном в 1723 г. главном апологетическом тексте ревнителей древнего благочестия, высокоавторитетном для всех согласий, утверждалось право женщин крестить²³.

В Лексинском женском монастыре сами «Христова честнейшего ста-дование» постницы наблюдали за чином церковных богослужений в соответствии с монастырским уставом. Выго-Лексинский киновиарх Семен Денисов прямо называл таких «доброревностейших» общежительниц «уставщицами»²⁴.

Позже, даже при наличии священника, женщины оказывали огромное влияние в вопросах веры и богослужения, вплоть до того, что в некоторых местностях они «останавливали, при отправлении треб, попа, если поп делал ошибку... вмешивались в чтение, если, по их мнению, поп пропускал что-либо при чтении»²⁵. Во многих старообрядческих согласиях, по свидетельству современников XIX в., женщина принимала деятельное участие в религиозной жизни, в том числе участвовала в богослужении, особенно часто в крещении. Старообрядки «по домам» читали Псалтырь («читали свечу»), Часы, вечерни, заутрени, вели «уставную службу»²⁶. В целом, старообрядческие общины «предоставляли женщинам возможности, которые [официально православное] общество не могло предложить»²⁷.

Впрочем, следует учитывать, что число старообрядок, «отправляющих религиозные функции» вне семьи, «было невелико», особенно у беспоповцев²⁸. Лишь в XX в. в условиях трансформации «традиции религиозного учительства» и утраты «былого уровня конфессиональной книжности», ситуация в беспоповских региональных общинах настолько изменилась, что женщины все больше «стали выполнять традиционно мужские обязанности в богослужении»²⁹.

Женщина в старообрядчестве, по мнению современников, «представляла элемент самый устойчивый»³⁰. Женщины-старообрядки «по начитанности в книгах и закоснелому упорству брали верх над мужчинами» и по-

²² Цит. по: Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Указ. соч. С. 102.

²³ Поморские ответы. Напечатаны с подлинника. [М., 1911]. С. 535.

²⁴ Денисов Семен Послание на Лексу // Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства: в 2 т. М., 2008. Т. 1. С. 164.

²⁵ Варадинов Н.В. Указ. соч. С. 463.

²⁶ Архангелов С.А. Указ. соч. С. 135; Мельников П.И. Очерки поповщины // Мельников П.И. Полн. собр. соч. СПб.; М., 1898. Т. 13. С. 372.

²⁷ Коровушкина И.П. Отношение к браку, супружеству, семейному статусу женщины у старообрядцев-беспоповцев Москвы и Петербурга (1750-е – 1850-е гг.) // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999. С. 223.

²⁸ См.: Тикас Ч.О. Указ. соч. С. 23.

²⁹ Об этой тенденции на примере Верхокамья см.: Смилянская Е.Б. Женское служение в старообрядческой общине конца ХХ в. (из наблюдения полевого археографа) // Одиссей: человек в истории. 2013. Женщина в религиозной общине: Запад/Восток. М.: Наука, 2014. С. 90–114.

³⁰ Смирнов П.С. Указ. соч. С. 332.

этому оказывали большое влияние на мужей, что признавалось самими представителями власти³¹. По данным «статистических» антистарообрядческих экспедиций МВД, старая вера «поддерживалась преимущественно женщиной»³². По донесениям губернаторов середины XIX в., старообрядчество «свободнее и сильнее укореняется между женщинами»³³.

В старообрядческих семьях «вопросами веры» чаще заведовали именно женщины³⁴. По данным исследователя Печерских староверов, женщина ценилась мужчиной-старовером, «конечно, и как жена, и как хозяйка, но ещё и как знаток и хранительница староверства». Мужу, занятому хозяйственными делами, «и никогда и невозможно соблюдать и хранить в чистоте все обычай и обряды», – пытался объяснить причины этого российский фольклорист и этнограф. Поэтому жена брала на себя «изучение и сохранение правил древнего благочиния», пела духовные стихи, читала Псалтырь, заучивала церковные службы и часто спрашивала их: пела на молебнах и панихидах (вела «чин отпевания по древнему обряду»), строго следила за соблюдением постов. Часто можно было услышать от устьцылема на вопрос об обрядности: «”это бабы знают, у них спроси”. Духовная сторона жизни устьцылема, следовательно, “бабье дело”»³⁵. Это было характерно не только для Поморья: во многих согласиях и регионах женщина почти всегда являлась руководительницей религиозной жизни семьи: «... она следит, чтобы дети ее молились “истово”, она внушает им раскольнические понятия и т. п.»³⁶.

К началу XX в. в старообрядчестве вообще, а особенно у поповцев, окончательно сложилась ситуация, когда женщине отводилось почти «равное место с мужчинами в общественно-приходской жизни». В 1905 г. в условиях всеобщей политизации женщины участвовали и в общественных собраниях староверов³⁷. На Всероссийском старообрядческом съезде 1905 г., впрочем, «после весьма продолжительного обмена мнений» собрание «большинством голосов» постановило «допускать на приходские собрания совершеннолетних женщин с правом голоса, но без права быть избираемыми в должностные лица»³⁸. Образовывались «женские комитеты» для помощи в обслуживании храмов, в ряде общин женщины избирались в члены совета (в частности, в московской Рогожской общине и в некоторых

³¹ Варадинов Н.В. Указ. соч. С. 526.

³² Синицын И.И. Записка [об экспедиции (1852) для статистического исследования...]. С. 46, 49 и др.

³³ Варадинов Н.В. Указ. соч. С. 630.

³⁴ Там же. С. 463.

³⁵ Ончуков Н.Е. О расколе на Низовой Печоре // Живая старина. СПб., 1901. Вып. 3–4. С. 446–447.

³⁶ Архангелов С.А. Указ. соч. С. 135.

³⁷ Например, см.: Мельгунов С.П. Старообрядчество и освободительное движение. М., 1906. С. 5.

³⁸ Труды шестого Всероссийского съезда старообрядцев в Нижнем Новгороде 2–5 августа 1905 г. Нижний Новгород, 1905. С. 11, см. также с. 21.

других), в старосты и казначеи³⁹. Важную роль играли женщины-старообрядки и в предпринимательской деятельности.

Исследователи объясняли социальную и конфессиональную активность женщин-старообрядок, их относительно высокий статус в сообществе единоверцев прежде всего условиями гонений со стороны государства и официальной церкви, нехваткой священства и его отсутствием в беспоповских согласиях и т. п. Однако ряд авторов предложил и собственно религиозные факторы.

Уже в начале XX в. историки обратили внимание на преемственность религиозных гендерных традиций, восходивших к языческой эпохе, когда «вещие жонки в древней Руси отличались великим могуществом». Даже «в пору утверждения христианства и долго потом русские женщины стояли на стороне язычества, ревниво хранили его вековые предания, сопротивлялись, хотя и пассивно, новой вере». Дело было в том, что женщина Древней Руси во все века неизменно была проникнута «настроением религиозного консерватизма: сначала она сохраняла старую русскую веру, когда на смену ее пришла новая греческая, а после “старый” русский обряд, когда на его место вводили греческие же “новшества”»⁴⁰.

Хотя древнерусское общество отнюдь не ограничивало деятельность женщин, церковная идеология «в целом неодобрительно относилась к женской активности»⁴¹. В старообрядчестве же эти ограничения были полностью сняты, в том числе благодаря отсутствию собственной иерархии в течение почти двух веков существования этой ветви русского православия.

Приверженность русских женщин твёрдой вере осознавалась уже одним из отцов-основателей старообрядчества протопопом Аввакумом. Обращаясь к боярыне Ф.П. Морозовой и княгине Е.П. Урусовой, протопоп воскликнул, что они «женскую немощь отложише, мужскую мудрость восприявша, дьявола победиша и мучителей посрамиша». Аввакум поэтому фактически инициировал сакрализацию статуса женщин в старой вере, прямо признавая, кроме того, их право на духовное руководство единоверцами и их вдохновление: «Вы забрала церковные и стражи дома господня... Вы руководство заблуждшим в райские двери... всем вся бысте ко исправлению и утверждение во Христа Иисуса»⁴².

Продолжили богословское обоснование высокого статуса женщины в старообрядчестве киновиархи Выго-Лексинского общежительства. С. Денисов в своём обращении к общежительницам подчеркивал, что их трудо-подвиганию «преначальный Бог благоугождению возвеселится», а их

³⁹ Мельников Ф.Е. История древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул, 1999. С. 478; Кириллов И.А. Указ. соч. С. 80

⁴⁰ Смирнов С./И.] «Бабы богомерзкие» // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 – 5 декабря 1909 года). М., 1909. Ч. 1. С. 219, 233, 243.

⁴¹ Пушкирева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 69.

⁴² Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991. С. 110.

«тищание и усердие исплетет» им «предражайшие и всекрасные небесные венцы»⁴³. При обосновании в Поморских ответах права женщин крестить их авторы во главе с Андреем и Семеном Денисовыми ссылались на жития св. равноапостольной Феклы, ученицы ап. Павла и св. Мариамны, сестры ап. Филиппа: «И также священницы крещаху, так и не священнии мужи и жены, в неприсутствие священников крещаху»⁴⁴.

На Выгу вообще относились к женщинам с большим пietетом («крепкие помощницы и заступницы Матери Божией», – обращался к насельницам экклесиарх, отец-основатель Выговского анклава Петр Прокопьев⁴⁵), как к руководительницам⁴⁶, так и к простым сестрам-постницам, которым, в частности, был посвящён известный духовный стих, исполнявшийся на тот же мажорный напев, что и тексты поздравительных псалм отцам общежительства: «Россия вся слухом веселится духом, / Зреть украшены соборы, драги в них приборы./Дев прекрасных лики, пение их, клики, / Всех не в мале привлекает, дух тем оживляет» и т. д.⁴⁷.

Старообрядцы начала XX в. связывали положение женщины в старой вере не только с русским православием, но с христианством вообще, которое «настолько возвысило женщину в обществе и государстве, что теперь даже трудно ясно и представить себе то униженное положение в котором её застала евангельская проповедь Христова учения». «Господь спаситель своим личным отношением к женщине, как сосуду Божию, носительнице Его образа, – вот как Он возвеличил её!»⁴⁸. Выдающийся старообрядческий деятель, начетчик Ф.Е. Мельников, также утверждал со ссылкой на послания Игнатия Богоносца и так называемые Летописи Барония, что статус женщины в старой вере связан с тем, что женщины «с апостольских времен почитались в Церкви как сотрудницы Божии»⁴⁹.

Действительно, другой старообрядец, попечитель одного из московских храмов, подчёркивал: «Кто первый пришёл на гроб Христа помазати Его после крестной смерти и погребения? Женщины. Кому первым Христос явился после воскресения? Женщине. Кого Бог удостоил быть первым провозвестником воскресения Христа? Женщин... Бог наградил женщину такими великими дарами, которые, конечно, не могут быть без особой благодати Божией»⁵⁰.

⁴³ Денисов Семен Послание на Лексу. С. 166.

⁴⁴ Поморские ответы. Напечатаны с подлинника. С. 535.

⁴⁵ Юхименко Е.М. Литературное наследия Выговского старообрядческого общежительства. Т. 1. С. 448–450.

⁴⁶ Там же. Т. 2. С. 148–152, 174–176, 428–429.

⁴⁷ Писания выговцев: Сочинения поморских старообрядцев... С. 345–349.

⁴⁸ Р.П. Женщина в христианстве // Церковь. Старообрядческий церковно-общественный журнал. 1911. № 19. С. 455–456.

⁴⁹ Мельников Ф.Е. Указ. соч. С. 478.

⁵⁰ Пантелейев А.А. К вопросу о пении женщин в храме // Церковь. Старообрядческий церковно-общественный журнал. 1911. № 19. С. 465.

Соответственно, по мнению староверов, именно женщины «явили наиболее яркий пример глубокой и бескорыстной преданности и любви к Спасителю. Не ожидая в будущем царствии Мессии для себя ни славы, ни сидения одесную Господа, они все время шли вслед Ему, служа своим именем и трудами»⁵¹.

Таким образом, гендерная роль женщины в старой вере выражалась в том, что именно стойкие в вере и конфессионально консервативные женщины выполняли образовательные функции (прежде всего, в отношении религиозного образования); они контролировали исполнение религиозных норм в семье и подчас в «обществе»; участвовали в богослужении вне храмов, а иногда и в храмах; в ряде общин на разных этапах развития старообрядческого сообщества регулировали ход службы и фактически исполняли функции начётчиков; являлись жертвовательницами и благотворителями. На ранних этапах некоторые женщины осуществляли организационные функции в общине. В результате, в старообрядчестве женщина имела статус более высокий, чем в среде паствы синодальной церкви.

В старой вере этот статус прошел процесс сакрализации, начатый ещё протопопом Аввакумом и аргументированный старообрядцами вплоть до начала XX в. самой сутью христианства.

Сакрализованный статус женщины, однако, распространялся далеко не на всех. Речь шла лишь о «достойных женах», старицах, черницах, благотворительницах и т. п. И в XIX, и в начале XX в. мужчины-старообрядцы в принципе осуждали в духовных стихах и «сатирах» тех женщин в старой вере, кто начинал одеваться в модные и «нескромные» платья или характеризовался «неправильным» поведением: «за обедней напереди женщины или девушки стоят, /На которых больше икон люди глядят, /Ибо у них груди почти совсем наруже, Но что сего Богу противнее и хуже?»⁵².

Однако к любой женщине относилось сформулированное самими староверами мнение о том, что «по своей отзывчивости, по своей чистоте сердечной и теплоте чувства религиозного она может стоять впереди холодного и рассудительного, более колеблющегося духом сомнения мужчины»⁵³.

Список литературы:

1. Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М.: Кучково поле, 2011. 702 с.
2. Бородкин А.В. Женщины в раннем старообрядчестве (по материалам сыскных дел Вологодского и Пошехонского уездов) // Исторические, философские, политические, юридические науки, культурология и искусствоведение. Тамбов, 2011. № 5 (11). Ч. IV. С. 31–33.

⁵¹ Р.П. Женщина в христианстве. С. 456.

⁵² Рождественский Т.С. Памятники старообрядческой поэзии. М., 1909. С. 67, 69 и др.

⁵³ Р.П. Женщина в христианстве. С. 455

3. Волкова Т.Ф. К проблеме наставничества на Нижней Печоре (Феодосья Ефимовна Чупрова) // Мир старообрядчества. М.; Бородулино: Археогр. лаб. МГУ, 1996. Вып. 3: Книга, традиция, культура. С. 161–172.
4. Данилко Е.С. Старообрядчество на Южном Урале: очерки истории и традиционной культуры Уфа: Гилем, 2002. 218 с.
5. Коровушкина И.П. Отношение к браку, супружеству, семейному статусу женщины у старообрядцев-беспоповцев Москвы и Петербурга (1750-е – 1850-е гг.) // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М.: РОССПЭН, 1999. С. 217–242.
6. Куприянова И.В. Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4(41). С. 326–330.
7. Леонтьева С.И. Обучение грамоте в старообрядческой среде Ветковско-Стародубского региона // Старообрядчество как историко-культурный феномен: мат-лы Междунар. науч.-практич. конф. Гомель: УО ГГУ им. Ф. Скорины, 2003. С. 150–156.
8. Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. 557 с.
9. Пономарева Г. Русские староверы Эстонии. Тарту: Изд-е Общества развития и культуры староверов Эстонии, 2006. 176 с.
10. Пушкирова Н.Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
11. Пушкирова Н.Л. Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования. Харьков; СПб., 2001. Ч. 1.
12. Смилянская Е.Б. Женское служение в старообрядческой общине конца ХХ в. (из наблюдения полевого археографа) // Одиссей: человек в истории. 2013. Женщина в религиозной общине: Запад/Восток. М.: Наука, 2014. С. 90–114.
13. Стадников А.В. Московское старообрядчество и государственная конфессиональная политика XIX – начала XX в. М.: Изд-во объед. «Мосгорархив», 2002. 256 с.
14. Paert I. Old Believers, religious dissent and gender in Russia, 1760–1850. Manchester; New York: Manchester univ. press, 2003. X, 257 p.

Об авторе:

КЕРОВ Валерий Всеволодович – доктор исторических наук, профессор, кафедра социальной и экономической истории России, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, (119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1), e-mail: vvkerov@gmail.com; ORCID 0000-0003-4853-1102

«THEY FOLLOWED HIM ALL THE TIME, SERVING WITH THEIR ESTATE AND WORKS»: CONFESSORIAL FACTORS OF THE SPECIAL STATUS OF WOMEN IN THE OLD BELIEVERS

Valeriy V. Kerov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

The article is devoted to clarifying and clarifying the gender status and functions of women in the Old Believe. The researchers generally described the social factors in the formation of such a status, but the confessorial factors, as well as the theological justification of this status by the Old Believers themselves, remained unclear. The gender role of women in the Old Believe was related to the fact that it was women who performed educational functions (primarily in relation to religious education); they controlled the implementation of religious norms in the family and, sometimes, in the community; conducted statutory services outside the temple. As a result, in the Old Believers, a woman acquired a higher status than among the flock of the Synodal church. In the old faith, such a status went through the sacralization, begun by Archpriest Avvakum and argued by the Old Believers with the very essence of Christianity.

Keywords: *Russia, XVII–XX centuries, history of women, gender status, Old Believers, confessorial factors.*

About the author:

KEROV Valeriy Vsevolodovich – Doctor of History, Professor, the Department of Social and Economic History of Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadsky Ave., p. 1, Moscow, Russia, 119571), e-mail: vvkerov@gmail.com; ORCID 0000-0003-4853-1102

References:

- Belyakova E.V., Belyakova N.A., Emchenko E.B., *Zhenshhina v pravoslavii: cerkovnoe pravo i rossijskaya praktika*, M., Kuchkovo pole, 2011. – 702 s.
- Borodkin A.V., *Zhenshhiny v rannem staroobryadchestve (po materialam sysknykh del Vologodskogo i Poshexonskogo uezdov)*, Istoricheskie, filosofskie, politicheskie, yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie, Tambov, 2011, № 5(11), Ch. IV, S. 31–33.
- Volkova T.F., *K probleme nastavnichestva na Nizhnej Pechore (Feodos'ya Efimovna Chuprova)*, Mir staroobryadchestva, M., Borodulino, Arxeogr. lab. MGU, 1996, Vyp. 3, Kniga, tradiciya, kul'tura, S. 161–172.
- Danilko E.S., *Staroobryadchestvo na Yuzhnom Urale: ocherki istorii i tradicionnoj kul'tury*, Ufa, Gilem, 2002. – 218 s.
- Korovushkina I.P., *Otnoshenie k braku, supruzhestvu, semejnemu statusu zhenshhiny u staroobryadcev-bespopovcev Moskvy i Peterburga (1750-e –*

- 1850-e gg.), Social`naya istoriya. Ezhegodnik. 1998/1999, M., ROSSPEN, 1999, S. 217–242.
- Kupriyanova I.V., *Staroobryadcheskaya sem`ya: religiozno-kul`turnaya dominanta*, Mir nauki, kul`tury, obrazovaniya, 2013, № 4(41), S. 326–330.
- Leont`eva S.I., *Obuchenie gramote v staroobryadcheskoj srede Vetkovsko-Starodubskogo regiona*, Staroobryadchestvo kak istoriko-kul`turnyj fenomen: mat-ly` Mezhdunar. nauch.-praktich. konf., Gomel`, UO GGU im. F. Skoriny`, 2003, S. 150–156.
- Mel`nikov F.E., *Kratkaya istoriya drevlepravoslavnoj (staroobryadcheskoj) cerkvi*, Barnaul, Izd-vo BGPU, 1999. – 557 s.
- Ponomareva G., *Russkie staroverы Estonii*, Tartu, Izd-e Obshhestva razvitiya i kul`tury` staroverov E`stonii, 2006. – 176 s.
- Pushkareva N.L., *Zhenshhiny Drevnej Rusi*, M, Mysl`, 1989. – 286 s.
- Pushkareva N.L., *Gendernaya problematika v istoricheskikh naukah // Vvedenie v gendernye issledovaniya*, Khar`kov, SPb., 2001, Ch. 1.
- Smilyanskaya E.B. *Zhenskoe sluzhenie v staroobryadcheskoj obshchine konca XX v. (iz nablyudeniya polevogo arheografa)*, Odissej: chelovek v istorii. 2013. Zhenshchina v religioznoj obshchine: Zapad/Vostok, M., Nauka, 2014, S. 90–114.
- Stadnikov A.V., *Moskovskoe staroobryadchestvo i gosudarstvennaya konfessional`naya politika XIX – nachala XX v.*, M., Izd-vo ob`ed. «Mosgorarxiv», 2002. – 256 s.

Статья поступила в редакцию 25.07.2023 г.

Подписана в печать 15.11.2023 г.

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470.342)“18/19”+281.93+323.35+269
DOI 10.26456/vthistory/2023.3.047–064

ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ В ПОРЕФОРМЕННУЮ ЭПОХУ В ВЯТСКОЙ ЕПАРХИИ

А.В. Скутнев

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»,
г. Вятка, Россия

Цель статьи – изучить изменения в осуществлении миссионерской деятельности Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в. Миссионерская деятельность в этот период превращается в одну из приоритетных задач государства. В некоторых епархиях едва ли не каждый приходский священник хотя бы раз в жизни выступал в роли миссионера. Это касается не только епархий на востоке и западе страны, но и ряда центральных епархий. Например, Вятской, где миссия активно проводилась. Складывается целая система: с подготовкой миссионеров, строгой отчетностью, созданием специальных миссионерских общественных организаций и школ для населения. Государство и Церковь часто действовали вместе. Дела о раскольниках, сектах и случаях отпадения от православия рассматривались также в МВД. Однако, Церковь при реализации миссии использовала в основном те инструменты, которые были в ее распоряжении: образование и просвещение. В результате миссионерской работы культурный уровень среди нерусских народов вырос, была создана местная письменность, построены храмы, сохранена местная история.

Ключевые слова: Русская православная церковь, миссионерская деятельность, духовенство.

Во второй половине XIX в. миссионерская деятельность стала одним из приоритетных направлений Русской православной церкви (РПЦ). При этом миссия проводилась не только на окраинах империи, но и в ее центральных районах. С. Г. Рункевич утверждал, что развитие миссии в Поволжье началось при Александре II.¹

История миссионерской деятельности в епархиях далеких от границ в последнее время привлекает внимание многих исследователей². Таким образом на примере миссии можно рассмотреть эволюцию церкви.

¹ Рункевич С.Г. Русская церковь в XIX в. СПб., 1901. С. 167.

² Кочеткова Е.И. Миссионерская деятельность Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX вв. (к историографии вопроса, 60-е гг. XX – нач.

Миссия привела к целому направлению в церковной публицистике. В 1860-е гг. появляются как миссионерские периодические издания, которые читаются по всей стране: «Записки Миссионерского Общества», «Миссионер», «Миссионерское обозрение» и др. Также в целом вся церковная публицистика была охвачена статьями священников о жизни и верованиях своей паствы из числа нерусских народов.

Инициатором нового курса выступало государство. Логично, что миссионерскую деятельность можно рассматривать и как продолжение церковных реформ, потому как многие миссионерские организации были результатом возрождения прихода, оживления отношений Церкви и прихожан. На это обстоятельство указывают, например, М.Ю. Нечаева и А.В. Сапсай³.

Задачей миссионерской деятельности было распространение православия, в рамках которого можно выделить несколько направлений. Главными считались внутренняя миссия – среди старообрядцев, сектантов, католиков и других христианских конфессий на территории Российской империи, и внешняя миссия – среди нехристианского населения, как в России, так и за рубежом. Между собой эти направления тесно пересекались.

Вятская епархия была одной из епархий Европейской части России, где духовенство значительного числа приходов вынуждено было проводить миссионерскую работу. Последний дореволюционный вятский архиепископ Никандр в первом отчёте о состоянии епархии указал: «Вятская епархия, населённая инородцами, старообрядцами, сектантами и лицами нехристианских вероисповеданий, более чем какая-либо из других центральных епархий нуждается в потребном количестве церквей и священнослужителей»⁴. Из 607 приходов епархии в начале XX в. 247 были населены «раскольниками» и 263 нерусскими гражданами⁵. Если учесть частые перемещения с места на место, то можно с уверенностью сказать, что едва ли не каждый приходской священник Вятской епархии хотя бы раз в жизни выступал в роли миссионера.

В национальном плане около 78 % населения епархии составляли этнические русские, проживавшие во всех уездах губернии. Далее шли собственно так называемые «инородцы»: удмурты (вотяки) – 12 %, марийцы (черемисы) – 5 %, татары – 4 %. Нерусское население проживало довольно компактно в южных и юго-восточных уездах: Сарапульском, Глазовском, Елабужском, Малмыжском и Уржумском. В некоторых деревнях этого ре-

XXI вв.) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 75–83.

³ Нечаева М.Ю. Единение во имя Христа: Православные общественные организации Среднего Урала середины XIX – начала XX в.). Екатеринбург, 2008. С. 170; Сапсай А.В. К вопросу о динамике численности и состава православных общественных организаций во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Пермской епархии) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 81. С. 37.

⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2632. Л. 11.

⁵ Там же. Д. 1889. Л. 200.

гиона русских вообще не было. Это обстоятельство затрудняло знакомство «инородцев» с русской культурой и православием. По числу старообрядцев Вятская епархия занимала пятое место по России, уступая только Донской, Оренбургской, Томской и Погоцкой епархиям⁶. Также в Вятской епархии было немало представителей сект, таких как хлысты, скопцы, духоборы и молокане. Но официальная статистика причисляла их к старообрядцам⁷.

Немалая доля нерусского населения спустя несколько столетий после вхождения этих территорий в российское государство элементарно не знала русского языка. Также многочисленные источники свидетельствуют, что нерусское население (удмурты и марийцы, а это почти 17 % населения) сохраняли языческие традиции и находились в состоянии «двоеверия». Хотя из всех народов Поволжья удмурты наряду с мордвой считались полностью христианизированными⁸.

Как писал священник Я. Мултановский, «у черемисов сохраняются остатки языческого культа в виде “куста заповедного леса” – природных храмов»⁹. Крещеные марийцы, как и удмурты, зачастую не знали молитв и икон, устраивали общественные моления и жертвоприношения. Священники рощи мари оставались до 1917 г. нетронутыми, их тщательно скрывали от духовенства. Столкнувшись с напором православной миссии, за спиной которой, как правило, стояло государство, язычники нередко прибегали к изощрённому обману. Так, крестьянин с. Токтайбеляк Уржумского уезда Павел Петухов в 1901 г. уверял соплеменников, что нужно ходить в лес и там приносить жертвы. Он в 1891 г. ездил в Вятку, был увещан и принял христианство, но, вернувшись, стал лгать, что сам архиерей дозволил ему и прочим «черемисам» ходить в лес для жертвоприношений¹⁰.

Вторым по численности народом на территории Вятской епархии были удмурты. Многие священнослужители отмечали, что если и происходит «обрусение» удмуртов, то чисто внешнее, когда усваивается только внешнеобрядовая сторона христианства¹¹. Другие миссионеры писали, что вожаки всячески при совершении языческих обрядов особенно отмечают «не принимать к участию в общем собрании тех, кои причащались или носили детей к св. причастию». В таких языческих собраниях принимало участие до 12 тыс. чел.¹²

Церковь официально признавала такую ситуацию. Финно-угорские народы, в данном случае удмурты и марийцы, разделялись миссионерами

⁶ Вятские епархиальные ведомости (далее – ВЕВ). 1898. № 21. С. 1101.

⁷ Машковцев А.А., Машковцева В.В. Старообрядцы и сектанты Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX века: взаимоотношения с региональными властями и православной церковью. Киров, 2015. С. 23.

⁸ Народы Поволжья и Приуралья. М., 2000. С. 473.

⁹ Центральный государственный архив Кировской области (далее – ЦГАКО). Ф. 170. Оп. 1. Д. 272. Л. 6 об.

¹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1889. Л. 186–187.

¹¹ Архив Русского географического общества. Разряд X. Оп. 1. № 6. Л. 8.

¹² ВЕВ. 1869. № 15. С. 340.

на три группы: «руссковеров», «язычествующих» и язычников. И «руссковеры» и «язычествующие» были крещены, однако первые вполне оставили, а вторые продолжали отправлять языческие обряды. Большинство удмуртов и мари были «язычествующими».

В середине XIX в. государство попыталось построить централизованную систему миссионерской деятельности. Вступив на престол, Александр II одним из первых издал указ от 31 марта 1855 г. «об учреждении Миссионерского отделения для приготовления деятелей к обращению раскольников в православие в семинариях Казанского духовно-учебного округа». К этому округу относилась и Вятская губерния. Священнослужителям тех приходов, близ которых или в составе которых проживали раскольники, ежегодно вместе с отчетами о состоянии церквей и приходов предписывалось «особо представлять Его Преосвященству описания расколов, находящихся в их приходах с изложением их учения, основании оного, истории, обрядов и всех особенностей расколов»¹³.

В 1854 г. в Казанской духовной академии были учреждены три миссионерских отделения: «противомусульманское отделение», готовившее миссионеров для обращения татар в православие, а также монгольское и черемисо-чувашское. Студенты этих отделений усиленно изучали языки, основы этнографии, быт и религию нерусских народов.

По указу Его Императорского величества от 25 мая 1867 г. преосвященные должны были «оказать содействие в приискании между духовенством епархии желающих и способных лиц к принятию обязанностей миссионеров и к дальнейшему образованию в петербургском университете по восточному факультету языкам татарскому и монгольскому»¹⁴.

Изменения в духовной школе явно указывали на то, что православная миссия выходила на новый уровень. С середины XIX в. миссионеров стали готовить специально.

Сбор материалов для успешного ведения миссионерской работы становился более тщательным. Указом от 29 июля 1865 г. в каждой епархии все церковные приходы в начале января должны были предоставлять преосвященному ведомость о возвратившихся в православие старообрядцах и сектантах, присоединенных к православию иноверцах и крещенных православными священниками детях иноверных родителей, а также подписок, даваемых иноверцами, вступающими в брак с православными, о крещении и воспитании детей их в православной вере за целый год¹⁵.

Данные по епархиям и до этого собирались регулярно, хотя успехи были и относительно небольшие. Так, с 1863 г. в Вятских епархиальных ведомостях ежегодно публиковались сведения в рубрике «Успехи православия». В 1862 г. в Вятской епархии в православие перешли 60 человек,

¹³ ЦГАКО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 39. Л. 3 об.

¹⁴ Там же. Ф. 248. Оп. 1. Д. 57. Л. 138.

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Т. XL. 1865. № 42345.

большинство из сект (31 чел.) и язычества (23), из католицизма всего один человек, из лютеранства – 4, из ислама – 2, из иудаизма – 2¹⁶.

Несмотря на то, что законодательно осуществление миссионерской деятельности предоставлялось только РПЦ, это не означает, что не было встречных попыток среди православного населения со стороны других конфессий.

О распространении раскола между пермяками Глазовского уезда, которые также считались полностью крещеными, писал местный священник Н. Н. Блинов¹⁷. Немало было и случаев уклонения удмуртов в старообрядчество и сектантство¹⁸. С 1864 по 1914 гг. число старообрядцев в отдельно взятом Орловском уезде увеличилось с тысячи до 10680 чел.¹⁹ Безусловно, на это повлиял естественный прирост населения, но десятикратное умножение приверженцев старой веры объяснить только этой причиной невозможно.

Пытались вербовать новых адептов и представители ислама. Вятский епархиальный миссионер отмечал, что «татары – мусульмане, не только до фанатизма преданы своей вере и как твердыня стоят против слабых просветительных средств православных миссионеров, но, кроме того, совершают и не без успеха, пропаганду своей веры среди своих соседей – бесермян, вотяков и черемис»²⁰.

Государство помогало охранять православие. Дела о старообрядцах, сектах и случаях отпадения от православия рассматривались в МВД. Сообщения по ним губернатор получал из собственных источников. На местах в уездах исправники вместе со священнослужителями пристально следили за «раскольниками». В случае обнаружения новой секты и полицейские, и священники немедленно сообщали об этом своему начальству. Например, в 1867 г. уржумский волостной старшина обнаружил новую раскольническую секту «таница вера»²¹. В том же году сарапульский уездный исправник обнаружил иконоборческую секту²².

РПЦ с радостью принимала эту помощь от органов полиции и даже настаивала на установлении контроля. Иногда, как, например, в 1883 г. в отношении распространителя раскола в Сарапульском уезде крестьянина И. Сальникова, по требованию духовного начальства возбуждались уголовные дела²³. Общероссийские миссионерские съезды даже обращались с призывом именно о административном решении распространения сектантства²⁴.

¹⁶ ВЕВ. 1863. № 9. Отдел духовно-литературный. С. 266.

¹⁷ Блинов Н.Н. Дань своему времени // Урал. 1981. № 2. С. 179.

¹⁸ ВЕВ. 1913. № 3. С. 60.

¹⁹ ЦГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 721. Л. 2.

²⁰ ВЕВ. 1913. № 3. С. 63.

²¹ ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 130. Д. 1478.

²² Там же. Д. 408.

²³ Там же. Оп. 65а. Д. 11.

²⁴ Кочеткова Е.И. Указ. соч. С. 77.

А.Ю. Полунов утверждает, что отличием православной миссии от западных аналогов была, во-первых, ее связь с государством, а во-вторых, сочетание принудительных и культурно-просветительских мер²⁵.

Огромную роль в миссионерской деятельности РПЦ, как и в других христианских религиях, сыграли церковные братства и миссионерские общества. До начала 1860-х гг. церковные братства как единичные случаи существовали только в западных епархиях, однако постепенно братства стали появляться и в центральных епархиях. П.А. Валуев с разрешения Александра II разработал проект правил о братствах. По определению Синода от 29 мая 1864 г. правила были доведены до епархиальных архиереев²⁶.

В результате с 1864 по 1880 г. было основано 63 братства. Занимались они в основном благотворительностью, устройством и обеспечением православных школ. Были сравнительно крупные братства в западных епархиях (Ковенское Николаевское братство – 245 чел., Полоцкое братство св. Николая – 170 чел.) и небольшие (Виленское Свято-духовское – 70 чел.). Средства собирались с трудом, так что Синод даже решил дотировать 8 братств по 250 руб., жертвовал деньги и наследник престола (Александр Александрович пожертвовал только Ковенскому Николаевскому братству 4000 руб.)²⁷.

Церковные братства в западных губерниях не стали значительным явлением в деле миссии. Это связано с тем, что братства здесь служили политической цели правительства – русификации края. С. В. Римский утверждает, что и в великорусских епархиях братства не получили распространения и не оставили заметного следа в приходской жизни²⁸. Позволим себе не согласиться с этим высказыванием. По крайней мере, в Поволжье роль церковных братств была весьма существенна. Православную миссию в Вятской епархии во второй половине XIX в. вообще нельзя представить без деятельности церковных братств.

В 1865 г. было основано «Миссионерское общество для содействия распространению христианства между язычниками», переименованное в 1870 г. в «Православное миссионерское общество». Центр его до 1869 г. находился в столице, а затем был переведен в Москву. В епархиях создавались отделения, число которых к 1896 г. увеличилось до 44, их членами состояли 14 тыс. человек²⁹. Вятское отделение общества было открыто уже в 1870 г., гораздо раньше соседних епархий (в Пермской открыто в 1872 г., в Уфимской в 1878 г.) Его роль в епархиальной жизни была достаточно заметной. Председателем был преосвященный, а заместителем выступил лично

²⁵ Полунов А.Ю. О религии и империи: миссии, обращения и веротерпимость в царской России // Отечественная история. 2003. № 5. С. 197.

²⁶ ПСЗ. Т. XXXIX. 1864. № 40863.

²⁷ Римский С.В. Православная церковь и государство в XIX веке. Ростов-на-Дону, 1998. С. 193.

²⁸ Там же. С. 194.

²⁹ Энциклопедический словарь. Репринтное издание Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон. 1893 г. М., 1990. Т. 19. С. 446.

губернатор. В общество массово вступали священно- и церковнослужители, купцы, чиновники, крестьяне епархии, хотя ежегодный взнос составлял 3 руб.³⁰ Только за первые четыре месяца со дня открытия было собрано пожертвований и взносов от вятского общества на сумму в 1569 руб.³¹.

Кроме противоязыческого «Православного миссионерского общества», в Вятской епархии возникли два братства, имеющие цель бороться с расколом. С 1 октября 1882 г. начало работать Братство святителя и чудотворца Николая в Вятке. Через десять лет, 21 ноября 1892 г. к нему добавилось Вознесенское братство в Сарапуле.

В Поволжье большое значение имело открытие в 1867 г. братства св. Гурия, основной задачей которого являлась борьба с расколом и сектантством. Деятельность этого братства затронула и Вятскую епархию.

Эти братства также находились под покровительством лично епархиального архиерея и вятского губернатора. Почётными членами состояли видные архиереи и светские чиновники общероссийского значения: великий князь Сергей Александрович, киевский губернатор Ф.Ф. Трепов. Симфония светской и духовной властей в миссионерском деле проявилась достаточно полно. Государство было кровно заинтересовано в искоренении раскола и язычества. Император и императрица состояли покровителями и почетными членами многих миссионерских обществ и братств.

Учреждение в 1868 г. Сарапульского викариатства, включавшего Сарапульский, Елабужский и Малмыжский уезды, а позднее, в 1889 г. Глазовского викариатства на территории одноименного уезда, также доказывает значимость миссионерской деятельности во второй половине XIX в. Эти викариатства включали в себя уезды с преимущественно нерусским населением, а значит, викарии могли более пристально наблюдать за распространением православия в подведомственных приходах. В дальнейшем на территории этих уездов предполагалось создать самостоятельную епархию.

Епархиальный архиерей за год совершал несколько поездок по своей епархии с целью личного знакомства с текущим положением дел. В Вятской епархии по традиции преосвященный обязательно посещал храмы, расположенные в местах, населённых старообрядцами и нерусскими гражданами: \например, в 1901 г. архиепископ Вятский и Слободской Алексий совершил три поездки, он посетил Яранский, Уржумский, Глазовский, Слободской и Орловский уезды; акцент был сделан на места проживания инородцев и раскольников³².

Вся епархия была разделена на миссионерские округа во главе с окружными миссионерами. Им обязаны были помочь и благочинные священники. Каждодневно же осуществлять миссионерскую деятельность приходилось окружным миссионерам и приходскому духовенству. Чаще всего эти миссионерские округа совпадали с территориями уездов. Да и сами

³⁰ ВЕВ. 1870 №21. С. 441.

³¹ Там же. С. 443.

³² РГИА. Ф.796. Оп.442. Д.1889. Л.185

окружные миссионеры являлись, за недостатком средств, священниками одного из подведомственных приходов. Общую координацию их работы осуществляли центральные и местные органы. О состоянии дел епархиальные миссионеры сообщали лично архиерею и в центральные комитеты братств. Однако не стоит считать, что любой приходской священник мог стать миссионером, и уж тем более что назначение на эту должность происходило только по желанию начальства. Сохранилась резолюция епископа Вятского и Слободского Аполлоса за 1879 г. о том, что «священникам в приходах, в которых есть раскольники объявить, что если они к миссии будут относиться равнодушно, оставляем за собой одно право... заменить их более энергичными и способными на посту миссионерского дела»³³.

Регулярно работали миссионерские съезды, где православные проповедники могли обменяться накопленным опытом и выработать общие мероприятия. Отдельно собирались священнослужители раскольнических и инородческих приходов. Такие съезды действовали и на уровне благочиний, и на уровне епархий, и даже на общероссийском уровне. Первый миссионерский съезд состоялся в Москве в 1887 г. Всего до 1917 г. таких съездов было пять. В основном на этих съездах решались задачи борьбы с расколом.

В начале XX в. централизация в миссионерской деятельности ещё более усилилась. Вероятно, власть не совсем удовлетворяли её результаты. В 1908 г. для координации всей миссионерской работы был создан Миссионерский Совет в Вятке. Подобные советы создавались по всей империи. В 1915 г. решено было объединить его с Вятским Братством Святителя и Чудотворца Николая в единое Вятское епархиальное братство Святителя и Чудотворца Николая, взявшее под опеку и внешнюю, и внутреннюю миссию.

РПЦ пыталась обучать миссионерской деятельности будущих священников. Дети приходского духовенства еще до начала самостоятельной трудовой деятельности включались в миссионерскую работу. В семинариях появился специальный предмет «история и обличение русского раскола». Но, вероятно, предмет был трудный или не вызывал живого интереса, так как успеваемость по этому предмету была ниже среднего: по свидетельствам окончивших Вятскую духовную семинарию по истории и обличению русского раскола на «2» и «3» училось 64,3 % учеников³⁴.

Также в качестве эксперимента одно время преподавались языки местного нерусского населения. В Вятской духовной семинарии преподавали марийский, удмуртский и татарский языки. Однако этот процесс был не всегда гладким. Вначале было устроено обучение марийскому языку, хотя вторым по численности народом в епархии были удмурты. И только после просьб, в том числе и в печати, священнослужителей, был введен удмуртский язык³⁵. В начале XX в. для приходского духовенства стали проводить курсы «инородческих» языков. Однако если говорить о знании

³³ ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 181 а.

³⁴ ГАКО. Ф. 215. Оп. 2. Д. 34.

³⁵ ВЕВ. 1869. № 15. С. 335–341.

приходским духовенством языков, стоит констатировать, что эта задача так и не была решена. В 1905 г. вятский священник обращал внимание Вятской духовной консистории на то, «сколько священников в черемисских селах совершенно не знающих черемисского языка в настоящее время»³⁶.

Была ещё одна причина, которая хотя и не имела решающего значения, но, тем не менее, оказывала определённое воздействие на миссионерскую деятельность приходского духовенства. Речь идёт о материальной заинтересованности священнослужителей, проживавших в приходах, населенных нерусскими этносами и старообрядцами. Основной источник содержания вятского духовенства – плата за требоисправления – напрямую зависел от прихожан. Так, священник Христорождественской церкви с. Зюздино К. Кочкин в 1879 г. рапортовал в Вятскую духовную консисторию, что раскольничий «лжепоп» И. Русских собрал с его прихожан 300 руб. и 30 пудов хлеба³⁷. Следовательно, этой достаточно большой суммы недосчитался причт Христорождественской церкви. В третьей части приходов Вятской епархии нерусское и старообрядческое население составляло большинство, а значит, для местного приходского духовенства распространение православия было единственным способом заставить добровольно давать средства на своё содержание и благоустройство храмов.

В отчёте за 1901 г. архиепископ Вятский и Слободской Алексий отмечал, что «храмы в приходах, где живут инородцы и раскольники далеко не так благоустроены, как в приходах с православным населением. Почти все они отличаются теснотою помещения, отсутствием благолепия и недостатком утвари церковной и церковных одеяний»³⁸. В то время как для русских приходов внешнее состояние храмов было едва ли не главным моментом веры.

Направленность на народное образование и просвещение была наиболее ярко выражена в миссионерской деятельности РПЦ. Практически все соглашались с тем, что для язычников и старообрядцев «просвещение есть единственное средство вывести их из этого состояния»³⁹. Повышенная образовательный уровень населения, государство с помощью духовенства решало целый ряд проблем. Во-первых, отставание образования вело к общему отставанию страны от европейских держав и сводило возможность модернизации к нулю. Во-вторых, считалось, что грамотное население перестанет исповедовать нецивилизованные формы религии. В-третьих, раскол многие напрямую связывали с невежеством крестьян.

Потребность в образовании у нерусских народов была очень велика. В своем рапорте за 1867 г. вятский епархиальный миссионер А. Тихвинский сообщал, что «грамотность мало распространяется между ними и ни в одном селе, кроме Войского, черемисские дети не учатся ни в училище, ни

³⁶ ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 254. Л. 82 об.

³⁷ Там же. Д. 181 а. Л. 32.

³⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1889. Л. 187.

³⁹ Русское духовенство. Берлин, 1859. С. 44.

в школе»⁴⁰. Получение образования из уст священника с акцентом на духовную сторону постепенно уводило нерусское население от язычества в православие.

В Вятской епархии создание миссионерских школ началось с 1871 г., а братских – с 1883 г. после учреждения соответствующих местных комитетов Православного миссионерского общества и Братства святителя и чудотворца Николая. Они работали на основе «Главных начал, на которых должна быть устроена на будущее время система образования инородцев» проф. Н.И. Ильминского. Сущность этой школьно-просветительской системы заключалась в двух основных пунктах: обучении нерусских народов на родном языке и подготовке учителей «инородцев»⁴¹.

Необходимо отметить, что стихийно школы для детей язычников возникали и до этого. Приходские священники заводили их, не дожидаясь указаний от епархиальных властей, по своему личному внутреннему желанию. Так, священник с. Новопоселянского Сарапульского уезда И. Утробин, несмотря на незнание языка, устроил школу для детей некрещеных марийцев и убедил земскую управу выделить деньги на уже нанятого им на свои средства переводчика из марийских крестьян. Вятский комитет Православного миссионерского общества сразу после учреждения вынужден был решать вопрос о таких стихийных школах, в частности выделив на Новопоселянскую школу 30 руб. в год. Подобные школы священно- и церковнослужители открывали и для детей крещеных татар и удмуртов. Всем таким стихийным школам миссионерское общество в первые годы своего существования выделяло небольшие суммы, а, окрепнув, приняло их на свое попечение⁴².

Миссионерские школы динамично развивались. С одной противораскольнической школы и 17 школ миссионерского общества в 1884 г. количество школ увеличилось до 42 противораскольнических и 67 миссионерских школ в 1903 г. Число учеников возросло с 13 до 871 в противораскольнических и с 517 до 2325 в миссионерских школах. Накануне указа о веротерпимости 1905 г. братские школы переживали расцвет.

Проследим, кто учился в этих школах. В 1872 г. национальных («инородческих») школ в ведении Православного миссионерского общества в Вятской епархии было 9. В них обучался 221 ученик (80 марийцев, 69 татар, 65 русских, 8 удмуртов). Все ученики исповедовали православие, кроме 23 марийцев-язычников и 2 мусульманина⁴³. В 1907 г. таких школ было уже 72. В них обучалось 2127 детей (740 татар, 714 марийцев, 427 удмуртов, 194 русских, 82 бесермян), из них 93 язычника и 8 старообрядцев⁴⁴.

⁴⁰ ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 137. Л. 1200.

⁴¹ Зеленин Д.К. Н.И. Ильминский и просвещение инородцев. СПб., 1902. С. 2.

⁴² ЦГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.

⁴³ Отчет Вятского комитета Православного миссионерского общества за 1872 год. Вятка, 1873. С. 9.

⁴⁴ Отчет Вятского комитета Православного миссионерского общества за 1907 год. Вятка, 1908. С. 4.

Немного иной ситуация была в 47 школах Вятского братства св. Николая. Число детей старообрядцев в них неизменно росло. В 1892 г. детей старообрядцев обучалось всего 176. Накануне первой русской революции их число увеличилось до 406 чел. В 1907 г. из 988 обучавшихся учеников 530 были православными и 484 старообрядцами⁴⁵.

Судя по этим цифрам, миссионерские и братские школы были действительно востребованы – первые среди нерусских народов, а вторые среди старообрядцев. В них охотно учились дети нерусских жителей и старообрядцев. 87 % детей в национальных школах были нерусскими. Светские и церковные власти посчитали процент детей старообрядцев в школах епархии в 1902 г. Оказалось, что в братских школах он равнялся 39 %, в то время как в земских школах было всего 1,9 %, а в церковно-приходских 0,8 % старообрядцев⁴⁶.

Нельзя не учитывать и тот факт, что косвенно миссионерские школы оказывали существенное влияние на взрослых. По словам одного из священников: «... воздействие школ простирается даже на взрослых раскольников. Раскольники-отцы интересуются тем, чему учатся их дети и заходят в школы. Учителя этим пользуются и стараются беседами расположить к себе и своему делу». Подобным образом учитель П. Костин обратил в православие 10 крестьян, а учитель И. Маракулин – 6 человек⁴⁷.

В 1875 г. в Вятке протоиереем и одновременно приходским священником С.Н. Кашменским была открыта Братская школа. В школе особое внимание уделялось изучению раскола и умению борьбы с ним. В неё поступали по своему желанию грамотные крестьяне 25–35 лет из заражённых расколом приходов. Школа включала мужское и женское отделение. Ученики пользовались готовой квартирой с отоплением и освещением, получали на время обучения по 6 руб. в месяц на питание, по окончании же шестимесячных курсов получали деньги на дорогу по 3 коп. на версту и одну лошадь⁴⁸.

Для успеха миссии важна была и распространяемая печатная продукция. Из центра присыпались специально издаваемые книги и брошюры «противораскольнического» и христианского содержания. И, что очень важно, выходило немало периодических изданий: «Миссионерский противомусульманский сборник» (с 1876 г.), «Миссионерский сборник» (с 1891 г.), «Миссионерское обозрение» (с 1891 г.), и собственно «противораскольнические»: «Православный собеседник» (с 1855 г.), «Братское слово» (с 1886 г.).

Епархиальные власти пытались не отставать и издавали немало соответствующих брошюр. В Вятке регулярно выходили периодические и специальные издания. Каждый год печатались подробные отчеты Комитета Православного миссионерского общества и Братства святителя и чудо-

⁴⁵ Отчет Вятского братства святителя и чудотворца Николая за 1905–1906 г.г. Вятка, 1907. С. 20

⁴⁶ ВГВ. Приложение. 1902. № 65. С. 2.

⁴⁷ ЦГАКО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 194. Л. 20 об.

⁴⁸ Там же. Д. 19. Л. 3 об.

творца Николая. В «Вятских епархиальных ведомостях» регулярно помещались различные статьи о работе, успехах и трудностях миссии, статьи миссионеров.

Огромное значение для успеха православной миссии имело совершение богослужений на местных языках. Это был поистине переворот в отправлении богослужения. В 1883 г. после многолетних споров епархиальным архиереям было предоставлено право разрешать богослужение на «инородческих» языках по одобренным переводам. К 1893 г. во всех православных миссиях, действующих в России и за ее пределами, в церквях звучал с амвона нерусский язык⁴⁹.

Можно констатировать, что до указа о веротерпимости 1905 г. случаи привлечения к православию новых адептов были регулярны и достаточно часты. Приходские священники каждый год приводили в православие новых верующих. Кто-то крестил 1–2 человека, а кто-то сотни. Так, священник с. Кильмезь Малмыжского уезда Александр Столбов крестил 185 язычников, за что был награжден орденом Св. Анны 3-й степени⁵⁰. Число крещеных Столбовым впечатляет. Однако в прессе не было сказано об этом ни слова, в то время как о случаях крещения в западных епархиях незамедлительно сообщалось. Например, о присоединении к РПЦ 100 штундистов приходским священником в Херсонской епархии с помпой писало «Православное обозрение»⁵¹. По подсчетам В.В. Машковцевой, в период 1861–1905 гг. вятские миссионеры ежегодно присоединяли к официальной церкви от 31 до 450 староверов⁵².

После 1905 г. миссионерская деятельность не прекратилась. Хотя первые годы количество выходов из православия было значительным: в 1905–1908 гг. число отпавших от православия, впервые в истории Российского государства превысило число присоединившихся почти в два раза. Либеральная газета «Вятская речь» даже говорила о массовом переходе в магометанство и язычество, а также о недовольстве по этому поводу обер-прокурора Синода⁵³. Но уже в 1909 г. ситуация изменилась, и число входов на 2 тысячи превысило число выходов. А к 1914 г. число присоединившихся к православию в целом по России составило 18966 чел., а вышедших 10636 чел.⁵⁴

Случаи обращения в православие после объявления свободы вероисповедания доказывают, что упреки в адрес миссии РПЦ в ее несостоительности без государственной поддержки не отвечают действительности. В

⁴⁹ Доброклонский А. Руководство по истории русской церкви. Вып. 4. М., 1893. С. 7.

⁵⁰ ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 114. Л. 868.

⁵¹ Православное обозрение. Т. 1. январь. М., 1891. С. 119.

⁵² Машковцева В.В. Конфессиональная политика государства по отношению к старообрядцам во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Вятской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2002.

⁵³ Хроника // Вятская речь. 1908. № 29. С. 3.

⁵⁴ Фирсов С.Л. Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996. С. 660.

1912 г. в Вятской епархии без учета старообрядцев было обращено в православие 64 человека: 61 язычник и 3 мусульманина. При этом не было зафиксировано ни одного случая отпадения от православия⁵⁵. К православию было присоединено 171 старообрядец и 8 сектантов⁵⁶.

В пореформенную эпоху миссионерская деятельность РПЦ приобрела четкую структуру, которая действовала в таком виде вплоть до 1917 г.

Миссионерская работа РПЦ велась достаточно активно, однако результаты ее не были равнозначны затраченным действиям. Существовали определенные препятствия, в частности:

- разбросанность нерусских и неправославных деревень и отдаленность многих из них от приходского храма и пастырского влияния;
- разноплеменность состава населения некоторых приходов, требующая от приходского пастыря-миссионера многое. Например, знание не двух, а нескольких языков;
- недружелюбное отношение к другим народам русских крестьян;
- отсутствие сочувствия к отправлению богослужения на родном языке совместно с церковно-славянским в смешанных приходах;
- замкнутость, необщительность и преданность своим обычаям нерусских и неправославных;
- пропаганда ислама, раскола и сектантства, которая даже если не достигала прямого результата, то восстанавливалась против православия;
- сравнительно небольшие средства, отпускаемые на миссию;
- неподготовленность огромного числа духовенства к миссионерской работе;
- вмешательство государства и его органов в дело миссии.

Данные проблемы, с которыми сталкивалась православная миссия, позволили современным авторам говорить о том, что «миссионерская деятельность не впечатляла продуманностью. На основе знаний и опыта, полученных в семинарии, можно было добиться разве что обратного эффекта»⁵⁷. С этим невозможно не согласиться. Не нужно забывать и то, что миссию инициировало государство. С.М. Васина, считает, что духовенство относилось к миссионерской деятельности как к обязанности со стороны государства и поэтому результаты ее были «неутешительны»⁵⁸.

С другой стороны, миссионерская работа велась РПЦ в течение столетий, из чего следует, что даже самый посредственный опыт мог быть учтен впоследствии для улучшения православной миссии.

⁵⁵ Отчет Вятского комитета Православного миссионерского общества за 1914 год. Вятка, 1915. С. 10.

⁵⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2632. Л. 27.

⁵⁷ Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство в России во второй половине XIX – начале XIX вв. М., 2002. С. 21.

⁵⁸ Васина С.М. Приходское духовенство Марийского края в XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2003.

Можно полагать, что миссионерская деятельность РПЦ достигла своего пика к периоду 1909–1917 гг. Этого мнения придерживается в частности Н.И. Герасимова⁵⁹. По результатам переписи 1897 г. среди финно-угорских народов Вятской епархии православными были 97,9 %, хотя среди русских число приверженцев официальной церкви было 95,9 %, а остальные были старообрядцами. Среди татар в том числе удалось добиться некоторых результатов – 9,7 % были православными⁶⁰.

Деньги на миссию находила сама церковь. Так, расходы Вятского комитета православного миссионерского общества только на финансирование школ увеличились с 900 до 7432 руб., а Братство святителя и чудотворца Николая увеличило траты на свои школы с 2941 до 9531 руб.⁶¹ Главными статьями доходов были проценты с неприкосновенного капитала и пожертвований всего населения. Духовенство по решению епархиального съезда вносило 1 % заработка, а также, если состояло членами братств ежегодно до 3 руб.

Большую часть членов обществ, конечно же, составляло приходское духовенство, но и представителей других слоев населения было достаточно. 38 % членов Братства святителя и чудотворца Николая и 15 % членов Комитета православного миссионерского общества были чиновниками, купцами, крестьянами. После указа о веротерпимости 1905 г. почти половина членов братства и миссионерского общества перестала платить членские взносы и вышла из их состава. Миссия продолжилась без государственной поддержки.

Миссия во многом меняла самих священно- и церковнослужителей. Чтобы работа была успешной требовался иной тип православного священника. Необходим был образованный священник, знающий языки и культуру нерусских народов, умеющий вести спор, чтобы противостоять раскольникам и сектантам, язычникам и мусульманам. Кроме того, он должен был обладать высокими моральными качествами. Личный фактор был едва ли не решающим в отношениях с паствой, а значит, во многом определял успех миссии. Вот как говорили о личности миссионера дореволюционные авторы: «Личность священника и его поведение имеют доминирующее значение. Недостаток в нем замеченный, служит к унижению не только его личности, но и к унижению той церкви которой он служит»⁶².

Оценивать конфессиональную политику России и миссионерскую деятельность можно с различных точек зрения. Она может отличаться изначально, в зависимости от отношения к РПЦ и проводимой ею христианиза-

⁵⁹ Герасимова Н.И. Культурообразующая роль религии в процессе формирования чувашского этноса: автореф. дис. ... канд. культурологии. Киров, 2003. С. 109.

⁶⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. X. Вятская губерния / под.ред. Н.А. Тройницкого. Вятка, 1904. С. 6.

⁶¹ Отчеты Вятского комитета Православного миссионерского общества с 1872 по 1914 гг.; Отчеты Вятского братства святителя и чудотворца Николая с 1885 по 1907 гг.

⁶² Яблонский В. К вопросу о веротерпимости // Странник. 1905. Март. С. 460.

ции. Можно говорить, что исчезала самобытность дохристианской религии. Советские историки говорили о церкви как о проводнике русификации.

Однако насильственными методами РПЦ практически не пользовалась. Среди методов православной миссии на первом месте стояли ненасильственные не административные методы в виде просвещения, образования и увещевания. Именно эти возможности и были в распоряжении церкви. В 1885 г. Синодом были утверждены правила, выработанные Иркутским собором архипастырей, которые требовали от миссионеров «действовать на инородцев кротко, научением и убеждением, а не принуждением»⁶³. С этим согласны и главные исследователи в сфере конфессиональной политики в Вятской епархии А.А. Машковцев и В.В. Машковцева⁶⁴.

Из объективных положительных сторон принятия нерусскими народами Вятской епархии православия можно выделить следующее: грамотность этих народов в разы выросла. Из среды местного населения, обучавшегося в церковной школе, произошла будущая национальная интеллигенция, принявшая впоследствии духовные ориентиры русской интеллигенции. Система обучения Н.И. Ильминского по своей сути выработала систему школьного образования народов Востока России.

Строительство храмов РПЦ привело к тому, что нерусские этносы узнали о современных архитектурных и живописных образцах. Азбука, которую изобрели миссионеры, позволила этим народам изучать письменность. Удмуртскую азбуку «Лыдзон» создал в 1860-х гг. вятский приходский священник Н.Н. Блинов. И.М. Кедров составил «Букварь для черемис горного наречия», а Н.И. Золотницкий «Салдалык кнеге» для чувашей. Национальную историю и литературу систематизировали тоже приходские священники: Г.Е. Верещагин, И.Н. Луппов, Н.Н. Блинов.

Конфессиональная политика, реализуемая РПЦ, говорит и об определённой гибкости, умении подстраиваться под решение проблемы. Миссия в пореформенную эпоху, безусловно, была активизирована под напором государства и администрации, но вместе с тем государство спустило её реализацию на РПЦ как своё ведомство. Церковь могла предложить неправославному населению, прежде всего, свои образовательные и другие услуги в русле православной культуры, опираясь только на собственные личные ресурсы.

Список литературы:

1. Васина С.М. Приходское духовенство Марийского края в XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2003.
2. Герасимова Н.И. Культурообразующая роль религии в процессе формирования чувашского этноса: автореф. дис. ... канд. культурологии. Киров, 2003.

⁶³ Добролюбский А. Руководство по истории русской церкви. Выпуск 4. М., 1893. С. 3.

⁶⁴ Машковцев А.А., Машковцева В.В. Старообрядцы и сектанты Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX века: взаимоотношения с региональными властями и православной церковью. Киров, Изд-во «Радуга-ПРЕСС». 2015. С. 97.

3. Кочеткова Е.И. Миссионерская деятельность Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX вв. (к историографии вопроса, 60-е гг. XX – нач. XXI вв.) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 75–83.
4. Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство в России во второй половине XIX – начале XIX вв. М.: Новый хронограф. 2002. 272 с.
5. Машковцев А.А., Машковцева В.В. Старообрядцы и сектанты Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX века: взаимоотношения с региональными властями и православной церковью. Киров: Изд-во «Радуга-ПРЕСС». 2015. 219 с.
6. Машковцева В.В. Конфессиональная политика государства по отношению к старообрядцам во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Вятской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2002.
7. Нечаева М.Ю. Единение во имя Христа: Православные общественные организации Среднего Урала середины XIX – начала XX в.). Екатеринбург: Изд-во Екатеринбургской епархии, 2008. 194 с.
8. Полунов А.Ю. О религии и империи: миссии, обращения и веротерпимость в царской России // Отечественная история. 2003. № 5. С. 197–202.
9. Римский С.В. Православная церковь и государство в XIX веке. Ростов-на-Дону, 1998.
10. Сапсай А.В. К вопросу о динамике численности и состава православных общественных организаций во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Пермской епархии) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Выпуск 81. С. 36–51.
11. Фирсов С.Л. Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та: Изд-во СПбГУ, 1996. – 664 с.

Об авторе:

СКУТНЕВ Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, кафедра теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», (610000, г. Киров, Российская Федерация, ул. Красноармейская, 26), e-mail: Skutnev@mail.ru

ORTHODOX MISSION IN THE POST-REFORM ERA IN THE VYATKA EPARCHY

A.V. Skutnev

Vyatka State University, Kirov, Russia

The article's main goal is to research the changes in the implementation of the missionary activity of Russian Orthodox Church from the second half of the XIX up to the beginning of the XX century. Missionary activity becomes one of the government's most prioritised goals. In some dioceses the majority of parish priests at least once in their life took the role of the missionary man. This includes not only the eastern and western dioceses, but some of the central, too, for example, the diocese of Vyatka, where the missionary goal was actively worked upon. There was a development of a whole system with missionaries' preparation, strict reporting, development of special missionary social organisations and schools for the overall population. The government and the church had often worked together. The cases about the Old Believers, cults and cases of apostasy from the Orthodox Church were also investigated by the Ministry of Internal Affairs. Nevertheless, while developing the mission, the Church had used mostly the instruments that were under its command – education resources. As a result of the missionary work the level of culture among non-Russian nations has increased, local writing systems were created, churches were built, the local history has been preserved.

Keywords: Russian Orthodox Church, Missionary activity, clergy.

About the author:

SKUTNEV Aleksey Vladimirovich – Candidate of History, Associate Professor, Head of Department, Department of Theory and History of State and Law, Vyatka State University, (610000, Kirov, Russian Federation, Krasnoarmeyskaya St., 26), e-mail: Skutnev@mail.ru

References:

- Vasina S.M., *Prihodskoe duhovenstvo Marijskogo kraja v XIX–XX vv. [Parish clergy of the Mari region in the 19th - 20th centuries]*, Avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk, Cheboksary, 2003.
- Gerasimova N.I., *Kul'turosozidatel'naja rol' religii v processe formirovaniya chuvashskogo jetnosa [The culture-creating role of religion in the process of formation of the Chuvash ethnic group]*, Avtoreferat dis. ... kandidata kul'turologii, Kirov, 2003.
- Kochetkova E.I., *Missionerskaya deyatel'nost' Russkoj pravoslavnoj cerkvi vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. (k istoriografii voprosa, 60-e gg. XX – nach. XXI vv.)*, Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta, Gumanitarnye nauki, 2010, № 2, S. 75–83.

- Leont'eva T.G., *Vera i progress: pravoslavnoe duhovenstvo v Rossii vo 2j pol. XIX – nach. XIX v. [Faith and progress: Orthodox clergy in Russia in the 2nd half. XIX - early XIX century]* M., 2002.
- Mashkovcev A.A., Mashkovceva V.V., *Staroobrjadcy i sektanty Vjatskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka: vzaimo-otnoshenija s regional'nymi vlastjami i pravoslavnoj cerkov'ju [Old Believers and sectarians of the Vyatka province in the second half of the 19th – early 20th centuries: relationships with regional authorities and the Orthodox Church]*. Kirov, 2015.
- Mashkovceva V.V., *Konfessional'naja politika gosudarstva po ot-nosheniju k staroobrjadcam vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka (na materialah Vjatskoj gubernii) [Confessional policy of the state in relation to Old Believers in the second half of the 19th - early 20th centuries (based on materials from the Vyatka province)]*: Avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk. Kirov, 2002.
- Nechaeva M.Ju., *Pravoslavnye obshhestvennye organizacii Srednego Urala serediny XIX – nachala XX v.) [Orthodox public organizations of the Middle Urals in the mid-19th – early 20th centuries]*, Ekaterinburg, 2008.
- Rimskij S.V., *Pravoslavnaja cerkov' i gosudarstvo v XIX veke [Orthodox Church and State in the 19th Century]*. Rostov-na-Donu, 1998.
- Polunov A. Yu., *O religii i imperii: missii, obrashcheniya i veroterpimost' v carskoj Rossii, Otechestvennaya istoriya*, 2003, № 5, S. 197–202.
- Sapsaj A.V., *K voprosu o dinamike chislennosti i sostava pravoslavnnyh obshhestvennyh organizacij vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. (na primere Permskoj eparhii) [On the question of the dynamics of the number and composition of Orthodox public organizations in the second half of the 19th - early 20th centuries. (on the example of the Perm diocese)]*, Vestnik Pravoslavnogo Svatoto-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta, Serija 2, Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2018, № 81.
- Firsov S.L., *Pravoslavnaya cerkov' i gosudarstvo v poslednee desyatiletie sushchestvovaniya samoderzhaviya v Rossii*, SPb., Izd-vo Rus. hristian. gumanitar. in-ta, Izd-vo SPbGU, 1996. – 664 s.

Статья поступила в редакцию 15.08.2023 г.

Подписана в печать 15.11.2023 г.

АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 94(470.331)”16/19”+904
DOI 10.26456/vthistory/2023.3.065–077

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПЛАНИРОВКЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗАТЬМАЦКОГО ПОСАДА ТВЕРИ

Д.Н. Воробьев

Тверской государственный университет,
г. Тверь, Россия

В статье представлены результаты археологических исследований учебно-научной лаборатории по археологии Тверского государственного университета в г. Твери по Беляковскому пер., д. 42 в 2016 г. На основе анализа планиграфии и стратиграфии раскопа, а также выявленных археологических комплексов, индивидуальных и массовых находок показано, что период наибольшей активности на данном участке приходится на конец XVIII–XX вв. Особое внимание уделено полученным в ходе раскопок средневековым материалам, среди которых выделяются ямы, содержащие остатки подпольных сооружений жилых построек каркасно-столбовой конструкции. Сопоставление полученных сведений с результатами других археологических исследований в этом районе города позволило сделать вывод о том, что зафиксирована самая окраина средневековой усадебной застройки западной части Затьмацкого посада Твери, первоначальное освоение которой началось в XIII в., а наибольшая интенсивность жизни, вероятно, пришлась на XIV–XVI вв. Приводятся данные письменных источников об этой части Затьмачья в эпоху Средневековья.

Ключевые слова: Тверь, Затьмацкий посад, Затьмачье, археологические исследования, археологические раскопки, Средневековье, усадебная застройка.

В июле 2016 г. учебно-научной лабораторией по археологии Тверского государственного университета под руководством автора статьи были проведены археологические раскопки на территории объекта культурного наследия федерального значения «Затьмацкий посад (Затьмачье), г. Тверь» на участке строительства многоквартирного жилого дома по адресу: г. Тверь, Беляковский пер., д. 42.

Исследованный участок расположен в центральной части современной Твери (рис. 1), на территории бывшего Затьмацкого посада, в 650 м к югу от правого берега р. Волги и в 1,06 км к западу от левого берега р. Тьмаки, в западной части квартала, образованного Беляковским (бывший Предтеченский) переулком, ул. Роговик (бывшая 2-я Борисоглебская), пе-

реулком Трудолюбия (бывший Троицкий) и ул. Веры Бонч-Бруевич (бывшая 1-я Борисоглебская). В 300 м к северо-западу от участка расположена церковь Иоанна Предтечи (1809 г.), в 440 м к северо-востоку – Борисоглебская церковь (1771 г.), в 725 м к юго-востоку – Троицкая церковь («Белая Троица») (1564 г.).

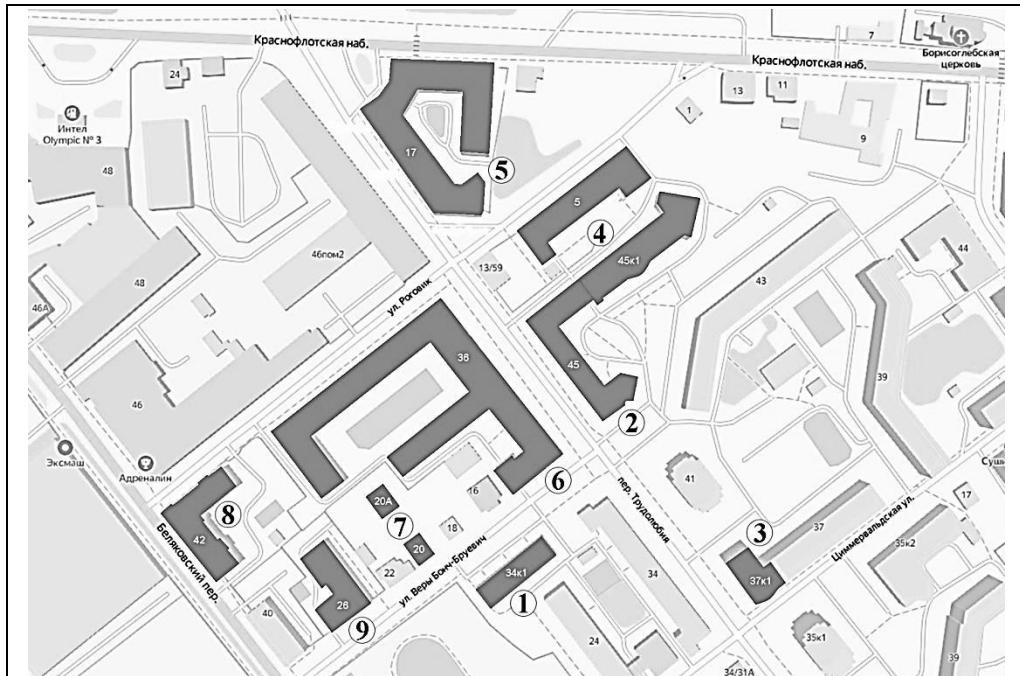

Рис. 1. Фрагмент карты г. Твери с выделенными зданиями, при строительстве которых проводились археологические исследования.

(1 – работы О.М. Олейникова 1994–1995 гг.; 2 – работы О.М. Олейникова 1995 г.; 3 – работы О.М. Олейникова 1999–2000 гг.; 4 – работы О.М. Олейникова 2000–2003 гг., Н.Е. Персова 2004 г.; 5 – работы И.А. Сафаровой, С.А. Кунгурцевой 2007 г.; 6 – работы Т.Р. Сабирова, А.Б. Ивановой 2007–2008 гг.; 7 – работы К.М. Свирина 2010 г.; 8 – работы Д.Н. Воробьева 2016 г.; 9 – работы А.В. Лагуткина 2018 г.).

В раскопе площадью 1927 м² в верхней части был зафиксирован повреждённый культурный слой, образовавшийся в результате строительной и хозяйственной деятельности в XX в. и содержащий в переотложенном состоянии немногочисленные находки более раннего времени. Ниже залегал слой серо-коричневой супеси, также сильно повреждённый, а местами полностью уничтоженный, формировавшийся на протяжении более длительного периода, вероятно, начиная с XIII в. и вплоть до XX в. Общая мощность выявленных культурных напластований составила 0,13–1,24 м, в материковых ямах до 2,75 м.

На площади раскопа отмечены траншеи и колодцы коммуникаций, остатки фундаментов жилых и хозяйственных построек в виде лент и столбовых опор, подпольные, мусорные и выгребные ямы середины – второй половины XX в.

На уровне поверхности материка выявлено и изучено 567 материковых ям и две частокольные канавки. Среди ям подавляющее большинство относится к столбовым (400 ям), 70 хозяйственных ям неясного назначения, 50 мусорных, 10 являются частями траншей и приямками под коммуникации, 4 ямы представляют собой остатки погребов, один из которых содержал конструкцию из красных кирпичей, а два из бревён, впоследствии они использовались в качестве мусорных ям, два колодца и два туалета, также впоследствии используемые в качестве мусорных ям, одна выгребная яма. 47 ям были интерпретированы как остатки подпольных конструкций жилых и нежилых построек, одна – как заглублённая часть хозяйственной постройки. Большинство ям хронологически относится к XIX–XX вв.

Коллекция индивидуальных находок достаточно разнообразна и включает 126 изделий из цветного металла, железа, стекла, глины, камня, кости и пластика. Большая часть находок датируется советским периодом. Керамическая коллекция представлена 2549 фрагментами гончарных сосудов (поливных (1157 фр.), лощеных (78 фр.), ангобированных (38 фр.) и без дополнительной обработки поверхности (1009 фр.)), а также фаянсовой посуды (267 фр.). Основная часть керамического комплекса по имеющимся аналогиям относится к периоду XVIII / XIX–XX вв.

Полученные материалы свидетельствуют о том, что период наибольшей активности на данном участке приходился на конец XVIII–XX вв., что можно объяснить началом реализации регулярного плана г. Твери. По «красным» линиям вновь проложенных Предтеченского (Беляковского) переулка и улице 2-й Борисоглебской (Роговик) были построены жилые дома, остатки которых в виде фундаментов и подпольных ям зафиксированы в раскопе, на приуроченных к ним участках возводились хозяйственные постройки, копались мусорные ямы и колодцы. Наибольшее количество комплексов и находок относится к концу XIX–XX вв., причём многие комплексы продолжали функционировать на протяжении всего этого периода. Участки и дома используются вплоть до начала XXI в. Нужно заметить, что современная уличная застройка в целом сохраняет принципы регулярного плана, заложенные во второй половине XVIII в.

Наибольший интерес представляют полученные в ходе раскопок средневековые материалы. В Средневековье данная территория входила в границы Затьмацкого посада Твери. Источники сообщают об активной жизни на посаде, начиная с XIV в. Особенно много упоминаний о Затьмачье относится к середине – второй половине XV в. в связи с пожарами¹. Большой урон Твери нанес пожар 1449 г., в результате которого городские укрепления были полностью уничтожены: «В тот же день погорел город Тверь, и стена вся, и князя великого двор, и церкви, и дворы все»². Один из источников называет даже Тверь «бывшим градом». Однако были воздвиг-

¹ Полное собрание русских летописей. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 497 (под 1467 г.), 499 под 1483 и 1484 гг.).

² Там же. Стб. 494.

нуты новые оборонительные сооружения. В 1452 г. в связи с непосредственной угрозой нападения на Тверь литовского князя Казимира по приказу тверского князя Бориса Александровича территории городских посадов – Загородье и Затьмачье – впервые получили укрепления и были окружены рвом и острогом³.

Анализ писцовых книг XVII в. позволяет утверждать, что в середине XVI в. Затьмачий посад был плотно заселён. Писцовая книга 1626 г. фиксирует достаточно развитую уличную планировку посада и большое количество церквей (более 10 храмов), и при этом – значительное количество пустых дворов и пустых дворовых мест, появившихся в Твери, видимо, в результате «Государева разгрома» 1569 г. и литовского разорения начала XVII в. Судя по писцовым описаниям, наиболее плотной была застройка вдоль левого берега Тьмаки, в той части Затьмачья, которая примыкала к Тверскому кремлю, и вдоль берега Волги. Менее заселёнными были территории западной части посада, где располагается исследованный участок⁴.

Основными писцовыми топонимическими ориентирами для участка по Беляковскому переулку являются ул. Борисоглебская (Большая) (современная Краснофлотская наб.), церковь Бориса и Глеба, а также церковь Иоанна Предтечи – все расположенные севернее, ближе к берегу Волги⁵. С юга к Большой улице примыкала улица Пирогова: «Идучи в Пирогову улицу, место пусто черное Антипка Орлова умер; а ныне то место пашет сын ево Васка Орлов; место пусто черное Васки Черепягина, умер, а ныне то место пашет посадской человек Степка алмазник из оброку; место пусто бывал храм Климонт. Слободка Одешкина пуста, что бывала у Климонта Святаго, а пашут каменщики, а то место вдоль 88 саж., а поперег 55 саж.»⁶. Судя по всему, исследованный участок по Беляковскому пер. располагался в пределах «слободки Одешкина» или в непосредственной близости от нее. Как церковь св. Клиmenta, так и слободка на 1626 г. были заброшены, земли частично распахивались.

Писцовая книга 1685–1686 гг. содержит подробные сведения о Затьмачком посаде, в том числе и по отношению к исследованному участку. Отчасти эти данные совпадают с информацией 1626 г. (упоминаются Борисоглебская улица, слобода Одешкина и церковь св. Клиmenta. По-прежнему церковное место пусто, земли слободы пашутся посадскими людьми, дворы упомянуты только по ул. Пироговой⁷), но более подробно в сравнении с писцовой книгой 1626 г. описаны земли Одешкиной слободы: «Да сторон тое земли в остроге, через переулок от Одежкиной слободки по Пирогову улицу посадцкие земли пустых дворовых мест. По мере четыре

³ Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Тверская область: В 6 ч. / Отв. ред. Г.К. Смирнов. М., 2002. Ч. 1. С. 163.

⁴ Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова и подьячего Богдана Фадеева 1626 года. Город Тверь. Тверь, 1901. С. 95–121.

⁵ Там же. С. 96–97.

⁶ Там же. С. 100.

⁷ Писцовая и межевая книга Твери 1685–1686 годов. М., 2014. Л. 203 об., 209 об.

десятины. Что бывали исстари дворы посадцких людей. От тое посадцких земли, через переулок по той же Пироговой улице идучи к Борису и Глебу в Большую улицу, налеве места пусты, что бывала слободка Одешкина, а дана была под дворы тверским каменщиком и кирпичником. Мерою той земли, по писцовой книге Потапа Нарбекова, длиннику восьмидесят восемь сажень, поперешнику пятьдесят пять сажень. Да по сторон тое земли, от тое ж Пироговой улицы к острогу промеж дорож места пусты черные, что бывали истари дворы посадцких людей. По мере тое земли восьм десятин. А владеют тою землею посадцкие люди. И в том числе подле Пироговой улицы кладбища пусто, что бывала церковь Кли蒙та папы Римского»⁸.

Таким образом, анализ тверских писцовых книг 1626 и 1685–1686 гг. показывает, что на протяжении всего XVII в. западная часть Затьмацкого посада, где располагается исследованный участок, находилась в запустении и использовалась в основном в хозяйственных целях.

Археологические данные в целом подтверждают сведения письменных источников. В ходе работ 2016 г. часть фрагментов гончарных сосудов, обнаруженных в слое серо-коричневой супеси, можно датировать XV–XVII вв. Единичные фрагменты керамики XIV–XVII вв. в переотложенном состоянии также отмечены в повреждённом культурном слое (балласте), в ряде столбовых, хозяйственных, мусорных и подпольных ям более позднего времени.

Особого внимания заслуживают зафиксированные в северной части раскопа ямы, содержащие остатки подпольных сооружений жилых построек каркасно-столбовой конструкции (№ 300, 319, 403). Самы постройки, вероятно, были наземными со срубной конструкцией стен. Ямы расположены в один ряд по линии запад–восток, расстояние между ямами № 300 и 319 – 14 м, между ямами № 319 и 403 – 9,5 м. Ямы подпрямоугольной формы с почти вертикальными стенками, имеют одинаковую ориентировку – по сторонам света с небольшим отклонением к западу. О размерах под полов можно говорить весьма условно, так как ямы № 300 и 403 попали в раскоп частично, а яма № 319 сильно повреждена перекопами траншей под коммуникации и фундаментом жилого дома более позднего периода. Размеры ям по верху: яма № 300 – 5,5(С3–ЮВ)х5 м, яма № 319 – 4,6(С3–ЮВ)х4 м, яма № 403 – 5,6(С3–ЮВ)х4,8 м. Яма № 300, вероятно, является остатками под полов двух жилых построек, первая из которых погибла в результате пожара (на уровне пласти 5 в южной части ямы зафиксированы угольные прослойки и остатки обгоревших деревянных конструкций), а вторая была заново возведена практически на том же месте, немного сместившись к северу.

Внутри ям зафиксированы остатки конструкций в виде столбовых ям: в яме № 300 отмечено 5 столбовых ям (4 – в северной части, 1 – в южной (возможно, связана с погребом более позднего времени)), в ямах №№ 319 и 403 – по 4, а также деревянной обшивки стенок в виде полос древесного

⁸ Писцовая и межевая книга Твери 1685–1686 годов. Л. 242.

тлена: в северной части ямы № 300 начинают прослеживаться на уровне пласта 7 (35 см от материкового дна), в яме № 319 на уровне пласта 5 (50 см от материкового дна), в яме № 403 на уровне пласта 5 (60 см от материкового дна). Полезное пространство внутри подполов примерно составляло: в яме № 319 – 3,3(С3–ЮВ)х2,8 м, в яме № 403 – 4(С3–ЮВ)х4 м. В яме № 300, судя по обгоревшим остаткам конструкции в южной части на уровне пласта 5 (на уровне материка конструкция не прослеживается), размер изначального подпола составлял приблизительно 3,3(С3–ЮВ)х2,8 м. Остатки конструкции в северной части вошли в раскоп частично, поэтому размер подпола можно оценить лишь по южной стенке – 4 м.

Строительные засыпки (забутовки) пространства между материковыми стенками котлована и впущенными в него деревянными конструкциями представлены материковым желтым, рыжим и белым песком с вкраплениями серо-коричневой супеси. Ширина варьируется от 10 см в нижней части до 80 см в верхней. Остатки печей в ямах не были зафиксированы, хотя отдельные вкрапления красной обожженной глины отмечены в яме № 300 на уровне пласта 7, в яме № 319 на уровне пласта 2.

Находок в ямах обнаружено немного. Коллекция керамики в яме № 300 представлена 167 фрагментами гончарных сосудов, в яме № 319 – 75, в яме № 403 – 95. Фрагменты из нижних пластов могут быть отнесены к XIII – первой половине XV в., в верхних пластах встречается керамика разного времени – XV/XVI–XVII вв., XVIII–XIX вв. Зафиксированы два сосуда с клеймами на дне. На одном фрагменте из пласта 5 ямы № 300 отмечено клеймо в виде «птичьей лапы», на другом из пласта 4 ямы № 403 – в виде буквы «ферт». По наблюдению В.А. Лапшина, клейма на донцах горшков в Твери были распространены до 1385 г., после чего их число резко сократилось. Исключение составляют клейма с изображением «птичьей лапы», которые встречаются и в первой половине XV в.⁹ В пласте 6 ямы № 319 также найдено малое московское пуло, относящееся по классификации П.Г. Гайдукова к типу пул с названием города (№ 406. Тип 3. Вар. 1), датируемым концом XV–XVI вв.¹⁰

Несмотря на то, что зафиксированные к западу, юго-западу и югу от ямы № 300 две частокольные канавки имеют разную ориентировку (канавка № 1 по линии запад–восток (с небольшим отклонением к северу), канавка № 2 по линии север–юг (с небольшим отклонением к западу)) и лишь в канавке № 1 был обнаружен фрагмент керамики XIV–XVI вв., вероятно, обе могут быть отнесены к этому периоду и, по-видимому, они обозначали границы усадеб.

⁹ Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб., 2009. С. 130.

¹⁰ Гайдуков П.Г. Медные русские монеты конца XIV–XVI вв. М., 1993. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russianchange.narod.ru/coins/gaid/mc3.html> (дата обращения: 11.07.2023).

Аналоги подобных подпольных сооружений весьма характерны для Твери XIV–XVI вв.¹¹ Постройки и частоколы этого периода, имеющие схожую ориентировку, ранее были зафиксированы и на других раскопках в данном районе города, располагавшихся к северо-востоку и востоку от исследованного участка.

В 1999–2000 гг. экспедицией ТГОМ под руководством О.М. Олейникова проводились исследования на участках строительства жилого дома по пер. Трудолюбия, д. 37, корп. 1 и прокладки коммуникаций к нему (см. рис. 1). Исследования показали наличие культурных слоёв XIII–XX вв. Было прослежено 4 этапа застройки. Самый ранний датируется XIII–XIV вв. В это время на исследуемой территории существовала усадебная застройка вдоль улицы, ширина которой 4 м и имела направление с северо-востока на юго-запад (от кремля в юго-западном направлении). Дорога и усадьбы были огорожены частоколами. Во второй период (конец XIV – начало XVI вв.), как отмечает автор, жизнь была не такой интенсивной. В третий период (XVIII – начало XX вв.) на изучаемом месте уже существовала современная планировка улиц с огородами и домами. Четвертый период связан с хозяйственной и строительной деятельностью второй половины XX в.¹²

На протяжении 2000–2004 гг. экспедицией ТГОМ под руководством О.М. Олейникова и Н.Е. Персова (в 2004 г.) проводились масштабные работы на участках строительства жилого комплекса по пер. Трудолюбия, д. 45, корп. 1 и ул. Роговик, д. 5, а также прокладки подземных коммуникаций к нему (рис. 1). Общая площадь исследований составила 5892,9 м². В ходе работ были выявлены отложения культурного слоя XIII–XX вв. мощностью от 0,5 до 3 м (с учетом ям в материке). Собраны также материалы эпохи камня (мезолит), керамика эпохи бронзы, раннего железного века, найденные в средневековом культурном слое в переотложенном состоянии. Исследования показали, что первоначальное заселение данной территории было осуществлено в XIII – начале XVI вв. В это время здесь была усадебная застройка с частоколами. Наличие подпольных, хозяйственных и столбовых ям этого времени свидетельствует о постоянной жизни на изучаемой территории в XIII–XVI вв. Наибольшая интенсивность жизни, по наблюдению авторов раскопок, приходится на XV–XVI вв. С этим периодом они связывают зафиксированные многочисленные свидетельства бронзолитей-

¹¹ Персов Н.Е., Солдатенкова В.В. Стратиграфические и конструктивные особенности средневековых подполь (по материалам тверского Затьмачья) // Тверской археологический сборник. Тверь, 2011. Вып. 8. Т. II. С. 233–249.

¹² Олейников О.М. Отчет о проведении охранных археологических исследований на участке строительства жилого дома № 37 по пер. Трудолюбия на территории б. Затьмачского посада г. Твери в 1999 г. Тверь, 1999 // Архив Главного управления по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области (далее – ГУГООКНТО). № 198; *Он же*. Отчет о проведении охранных археологических исследований на участке прокладки подземных коммуникаций к пристройке к дому № 37 по пер. Трудолюбия на территории б. Затьмачского посада г. Твери в 2000 г. Тверь, 2000 // Архив ГУГООКНТО. № 228.

ного дела (шлаки, фрагменты литейных тиглей и др.), а также кузнецкого производства (замки и их детали, ключи, ножи, иглы, большое количество железного шлака, фрагменты обмазки горнов или предгорновых ям). Как отмечают исследователи, со второй половины XVI в. вплоть до начала XVIII в. изучаемая территория приходит в запустение и используется, вероятно, только под сады, огороды и пашни. Слои и находки XVII – начала XVIII вв. на исследованных участках ими не обнаружены. Со второй половины XVIII в. данная территория вновь интенсивно застраивается¹³.

В 2007 г. экспедицией ТНИИР–Центра были проведены археологические работы в квартале, ограниченном ул. Роговик, Краснофлотской наб. и пер. Трудолюбия (Краснофлотская наб., д. 17) (см. рис. 1). Под руководством И.А. Сафаровой исследован раскоп общей площадью 4571 м² под строительство жилого комплекса, а также траншея под водопровод. Под руководством С.А. Кунгурцевой были исследованы ещё 5 траншей под прокладку коммуникаций к строящемуся жилому комплексу общей протяженностью 604,5 м. В результате работ установлено, что использование этой территории началось еще в каменном веке. С первой половины XIII и до XX в. на данном участке фиксируется жилая и хозяйственная застройка. Как показали исследования, наиболее интенсивное освоение территории происходит в XIV – начале XVII вв., позднее сменившись кратковременным запустением. В XVIII в. начался новый этап застройки участка, а с XIX в. складывается планировка данного квартала, которая сохранилась до современности. В процессе археологических работ исследованы остатки 46 построек (из них 30 отнесено к периоду Средневековья), 11 хозяйственных сооружений (колодцы и погреба), а также 96 канавок (от частоколов). Выделено 15 этапов застройки данного участка. На раскопе и траншеях коммуникаций собрана большая коллекция индивидуальных находок (1225

¹³ Олейников О.М. Отчет о проведении охранных археологических исследований на участке строительства жилого дома по пер. Трудолюбия, 45 на территории б. Затьмацкого посада г. Твери в 2000 г. Тверь, 2001 // Архив ГУГООКНТО. № 226; *Он же*. Отчет об охранных археологических исследованиях экспедиции ТГОМ на участке прокладки подземных коммуникаций к строящемуся жилому дому по пер. Трудолюбия, 45 на территории б. Затьмацкого посада г. Твери в 2001 г. Тверь, 2002 // Архив ГУГООКНТО. № 283; *Он же*. Отчет об охранных археологических исследованиях экспедиции ТГОМ на участке строительства 3-й очереди жилого комплекса по пер. Трудолюбия, 45 и на участке строительства 1-й очереди жилого комплекса по пер. Трудолюбия и ул. Роговик на территории б. Затьмацкого посада г. Твери в 2002 г. Тверь, 2003 // Архив ГУГООКНТО. № 329, 329А–Г; *Он же*. Отчет об охранных археологических исследованиях экспедиции ТГОМ на участке строительства жилого комплекса по пер. Трудолюбия, 45 и на участке строительства 1-й очереди жилого комплекса по пер. Трудолюбия и ул. Роговик на территории б. Затьмацкого посада г. Твери в 2003 г. Тверь, 2004 // Архив ГУГООКНТО. № 402; Персов Н.Е. Отчет об охранных археологических исследованиях (надзор, раскопки) на участке прокладки подземных коммуникаций к строящемуся жилому комплексу по ул. Роговик, 5, пер. Трудолюбия, 45 на территории бывшего Затьмацкого посада г. Твери в 2004 г. Тверь, 2005 // Архив ГУГООКНТО. № 506, 506А–Г.

экз.), а также клад серебряных монет начала XVII в. (714 экз.). Коллекция массовой керамики составила более 150 000 фрагментов¹⁴.

Однако на близлежащих к исследованному участку по Беляковскому пер., д. 42 с северо-востока, востока и юго-востока раскопах следов жилой застройки зафиксировано не было. В ходе работ 1994–1995 гг. на участках строительства жилого дома по ул. В. Бонч-Бруевич, д. 34, корп. 1 и прокладки коммуникаций к нему (см. рис. 1) О.М. Олейниковым установлено, что данная территория была освоена не ранее XVIII в.¹⁵ В 1995 г. им же проводились исследования на участке строительства жилого дома по пер. Трудолюбия, д. 45 (см. рис. 1). В раскопе площадью 1600 м² были прослежены частокольные канавки и отдельные материковые ямы с керамикой XIII–XIV вв., свидетельствующие о существовании на этом месте какой-то человеческой деятельности, однако следов построек данного периода выявлено не было. Наземные постройки появились на данном участке только с XVIII–XIX вв.¹⁶

В 2007–2008 гг. экспедицией ТНИИР-Центра под руководством Т.Р. Сабирова и А.Б. Ивановой были проведены масштабные исследования на участках строительства жилого дома на пересечении пер. Трудолюбия улиц Роговик и В. Бонч-Бруевич (переулок Трудолюбия, д. 36) (см. рис.). Раскопками было изучено 5128,87 кв. м. В результате работ установлена значительная перемешанность культурного слоя, как следствие долговременной хозяйственной деятельности и поздних перестроек (наличие в нем множественных перекопов, строительного и бытового мусора, кирпичных кладок и т. п.). По мнению авторов раскопок, включение данной территории в черту городской застройки происходит только на рубеже XVIII–XIX вв. Судя по немногочисленным находкам гончарной керамики XV–XVI вв., исследованный участок входил в зону хозяйственной деятельности (использовался как пашни, огороды, выгоны), начиная с эпохи Средневековья, однако отложившиеся в этот период слои были полностью переработаны в течение XIX – первой половины XX вв. Зафиксировано большое количество столбовых, хозяйственных, мусорных ям, остатки наземных жилых построек с заглубленными подпольями, погребов, колодцев, частоколов, а

¹⁴ Сафарова И.А. Отчет об охранных исследованиях на территории Затьмацкого посада г. Твери в 2007 г. Тверь, 2008 // Архив ГУГООКНТО. № 787, 787А–Ю; Кунгурцева С.А. Отчет об охранных археологических работах на территории Затьмацкого посада г. Твери в 2007 г. Тверь, 2008 // Архив ГУГООКНТО. № 759.

¹⁵ Олейников О.М. Отчет о проведении охранных археологических исследований (надзор) на участке строительства жилого дома по ул. В. Бонч-Бруевич на территории б. Затьмацкого посада города Твери в 1994 г. Тверь, 1994 // Архив ГУГООКНТО. № 71; *Он же*. Отчет о проведении охранных археологических исследований (надзор) на участке прокладки подземных коммуникаций к строящемуся жилому дому по ул. В. Бонч-Бруевич на территории б. Затьмацкого посада г. Твери в 1995 г. Тверь, 1995 // Архив ГУГООКНТО. № 124.

¹⁶ Олейников О.М. Отчет о проведении охранных археологических исследований на участке строительства жилого дома по пер. Трудолюбия на территории б. Затьмацкого посада г. Твери в 1995 г. // Архив ГУГООКНТО. № 120.

также собрана значительная коллекция предметов быта, керамической, стеклянной и фаянсовой посуды, монетных находок, преимущественно конца XIX–XX вв.¹⁷

В 2010 г. экспедицией ТвГУ под руководством К.М. Свирина по ул. В. Бонч-Бруевич, д. 20 были проведены археологические раскопки на участках строительства двух частных жилых домов (см. рис.). Общая площадь исследований составила 361 м². Установлено, что культурные отложения в пределах раскопов перемешаны в результате активной строительной и хозяйственной деятельности в XIX–XX вв. Отдельные ямы (в том числе и частокольная канавка) содержали единичные фрагменты керамики, относящейся к XIV–XVII вв. Однако выраженного слоя, жилых, производственных и хозяйственных комплексов эпохи Средневековья зафиксировано не было. Большая часть комплексов и находок датирована периодом конца XVIII – начала XX вв.¹⁸

В 2018 г. экспедицией ТвГУ под руководством А.В. Лагуткина при исследовании раскопа площадью 1351,5 м² по ул. В. Бонч-Бруевич, д. 26 (см. рис.) также было установлено, что период наибольшей активности здесь приходится на конец XVIII–XX вв. Лишь единичные фрагменты керамической посуды, зафиксированные в переотложенном состоянии, отнесены к концу XV–XVII вв. Из индивидуальных находок наибольший интерес представляет булавка типа «пус йеппи» (деталь одежды для прикальвания женского головного платка), достаточно широко распространенная в городских материалах XIV–XV вв., в том числе и на Затьмачье г. Твери. Впрочем, в Поволжье подобные изделия встречаются и в более позднее время XVII–XVIII вв. Множественные вопросы вызвали обнаруженные в центральной части раскопа два скопления человеческих костей (237 фрагментов черепов, 136 зубов, 451 фрагмент трубчатых костей верхних и нижних конечностей), сваленные без определенного порядка в слегка заглубленную яму, разрушенную вторично мусорной ямой второй половины XX в. Находки из этих скоплений (два проволочных перстнеобразных височных кольца, загнутоконечное височное кольцо со следами проволочной обмотки, височное перстнеобразное узелковое кольцо, пряжка полукруглой формы) указывают на то, что они происходят из остатков погребений древнерусского времени. Учитывая переотложенный характер костей, отсутствие на раскопе признаков курганных захоронений (например, рови-

¹⁷ Сабиров Т.Р. Отчет об археологических исследованиях на территории Затьмацкого посада г. Твери летом 2007 г. Тверь, 2008 // Архив ГУГООКНТО. № 785, 785А–Ж; Иванова А.Б. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Затьмацкого посада г. Твери в 2007 г. Тверь, 2008 // Архив ГУГООКНТО. № 744, 744А–Б; Она же. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Затьмацкого посада г. Твери в 2008 г. Тверь, 2009 // Архив ГУГООКНТО. № 813/1, 813/1А–Д.

¹⁸ Свирин К.М. Отчет об археологических исследованиях на участках строительства в г. Твери по ул. В. Бонч-Бруевич, уч. № 20 и ул. Брагина, д. 38 («Затьмацкий посад г. Твери») и по ул. Исаевская Слобода, 15 («Затверецкий посад г. Твери») в 2010 году. Тверь, 2012 // Архив ГУГООКНТО. № 933А.

ков) или могильных ям, руководитель работ сделал предположение, что кости вместе с вещами были принесены сюда извне, из разрушенного в более позднее время курганного или грунтового могильника. Следов средневековой жилой застройки в раскопе не зафиксировано. Вероятно, к этому периоду можно отнести лишь частокольную канавку, ориентированную по линии север–юг (с небольшим отклонением к востоку), однако датировка обнаруженных в ней фрагментов керамики оказалась затруднительна¹⁹.

Отсутствие находок жилых построек на близлежащих к исследованному участку раскопах, вероятно, может свидетельствовать о том, что нами зафиксирована самая окраина средневековой усадебной застройки этой части Затьмацкого посада.

Таким образом, проведённые Тверским государственным университетом в 2016 г. археологические исследования в г. Твери по Беляковскому пер., д. 42 показали, что первоначальное освоение данной территории начинается в XIII в. Скорее всего, в это время здесь была ещё хозяйственная окраина, на которой, впрочем, возникает и жилая застройка. Наибольшая интенсивность жизни, вероятно, приходится на XIV–XVI вв., когда здесь появляется усадебная застройка, на что указывают, прежде всего, остатки подпольных ям жилых построек и частоколов этого периода, а также немногочисленные находки в переотложенном состоянии фрагментов гончарной керамики. Полученные материалы не позволяют однозначно говорить о наступившем в XVII–XVIII вв. запустении территории, фиксируемом в тверских писцовых книгах 1626 и 1685–1686 гг. (это обстоятельство отмечают многие исследователи этой части Затьмацкого посада г. Твери), и использовании её исключительно под сады, огороды и пашню. Скорее можно предположить, что данная территория на протяжении всего средневекового периода являлась городской окраиной. Оформившаяся в древности планировка с ориентацией по сторонам света принципиально меняется только в конце XVIII–XIX вв., и в таком виде она сохраняется до настоящего времени.

Список литературы:

1. Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 540 с.
2. Гайдуков П.Г. Медные русские монеты конца XIV–XVI вв. М.: Наука, 1993. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russianchange.narod.ru/coins/gaid/mc3.html> (дата обращения: 11.07.2023).
3. Персов Н.Е., Солдатенкова В.В. Стратиграфические и конструктивные особенности средневековых подполь (по материалам тверского Затьмачья) // Тверской археологический сборник / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. Вып. 8. Т. II. С. 233–249.

¹⁹ Лагуткин А.В., Лагуткина Е.В., Свирин К.М. Работы Тверского госуниверситета в г. Твери // Археологические открытия. 2018 год. М., 2020. С. 65–66.

4. Лагуткин А.В., Лагуткина Е.В., Свирина К.М. Работы Тверского государственного университета в г. Твери // Археологические открытия. 2018 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2020. С. 65–67.

Об авторе:

ВОРОБЬЕВ Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, исторический факультет, Тверской государственный университет (170100, Россия, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31, каб. 207), e-mail: vdnxa@yandex.ru

NEW INFORMATION ON THE LAYOUT OF THE MEDIEVAL ZATMATSKY POSAD OF TVER

D.N. Vorobjev

Tver State University, Tver', Russia

The article presents the results of archaeological research of the Educational and Scientific Laboratory of Archeology of Tver State University in Tver on Belyakovskiy Lane, 42 in 2016. Based on the analysis of the planography and stratigraphy of the excavation, as well as the identified archaeological complexes, individual and mass finds, it is shown that the period of greatest activity at this site falls at the end of the XVIII–XX centuries. Special attention is paid to the medieval materials obtained during the excavations, among which pits containing the remains of underground structures of residential buildings of frame-pillar construction stand out. A comparison of the information obtained with the results of other archaeological studies in this area of the city allowed us to conclude that the very outskirts of the medieval estate development of the western part of the Zatmatsky Posad of Tver was recorded, the initial development of which began in the XIII century, and the greatest intensity of life probably occurred in the XIV–XVI centuries. The data of written sources about this part of Zatmache in the Middle Ages are given.

Keywords: *Tver, Zatmatsky posad, Zatmache, archaeological research, archaeological excavations, the Middle Ages, estate development.*

About the author:

VOROBJEV Dmitry Nikolaevich – the Candidate of History, the Docent, the Dept of Russian History, Tver State University (170100, Russia, Tver, Trekhsvyatskaya str., 16/31, off. 207), e-mail: vdnxa@yandex.ru

References:

- Lapshin V.A., *Tver' v XIII–XV vv. (po materialam raskopok 1993–1997 gg.)*. SPb., Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2009, 540 s.

- Gajdukov P.G., *Mednye russkie monety konca XIV–XVI vv.*, M., Nauka, 1993, [Jelektronnyj resurs], URL: <http://www.russianchange.narod.ru/coins/gaid/mc3.html>
- Persov N.E., Soldatenkova V.V., *Stratigraficheskie i konstruktivnye osobennosti srednevekovykh podpolov (po materialam tverskogo Zat'mach'ja)*, Tverskoj arheologicheskij sbornik, Otv. red. I.N. Chernyh, Tver', Triada, 2011, Vyp. 8, T. II, S. 233–249.
- Lagutkin A.V., Lagutkina E.V., Svirin K.M., *Raboty Tverskogo gosuniversiteta v g. Tveri, Arheologicheskie otkrytiya*. 2018 god, Otv. red. N.V. Lopatin, M., IA RAN, 2020, S. 65–67.

Статья поступила в редакцию 15.08.2023 г.

Подписана в печать 15.11.2023 г.

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(450).094

DOI 10.26456/vthistory/2023.3.078–085

БОРЬБА ЗА ПРАВА ЖЕНЩИН В ИТАЛИИ В 1920–1930-Е ГГ. В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЖЕНСКОГО СЕКРЕТАРИАТА КОМИНТЕРНА¹

Н.В. Богачёв

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
г. Тверь, Россия

Статья посвящена деятельности Международного женского секретариата Коминтерна в Италии в период 1920–1930-х гг. На основе анализа архивных материалов фонда Международного женского секретариата Коминтерна РГАСПИ (Ф. 507), исследуются основные направления деятельности Международного женского секретариата Коминтерна по решению женского вопроса в Италии, положение итальянских женщин в условиях фашистской диктатуры, сотрудничество Коммунистической партии Италии и Международного женского секретариата Коминтерна. В заключении делается вывод о том, что период 20–30-х гг. XX в. стал важным для Международного женского секретариата Коминтерна и Коммунистической партии Италии с точки зрения аналитической и просветительской деятельности. В это время удалось сформировать круг основных направлений в рамках общей работы среди женщин, а также развить агитационную кампанию среди них.

Ключевые слова: политика Коминтерна в Италии, Международный женский секретариат Коминтерна, марксистский феминизм, женская эмансипация, Коммунистический Интернационал, Коминтерн, III Интернационал, женское движение в Италии, феминизм, Италия, фашизм.

Изучение политики Международного женского секретариата Коминтерна (далее – МЖС) в отношении женщин в Италии в 1922–1945 гг. позволяет не только более полно понять специфику процесса женской эмансипации в данной стране, но и определить основные особенности и принципы деятельности в условиях перехода Международного женского Секретариата Коминтерна на нелегальное положение. Анализ же этих особенностей, в свою очередь, даёт возможность определить специфику работы как данно-

¹ Научный руководитель – заведующая кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета, д.и.н., доц. А.В. Белова.

го структурного органа Коминтерна, так и всего Коммунистического Интернационала в нелегальных условиях.

Проблема женского вопроса в фашистской Италии в контексте деятельности Коминтерна слабо изучена в зарубежной и отечественной историографии.

Так, в работах европейских и американских исследователей итальянского фашизма и деятельности Коминтерна в его условиях, среди которых можно выделить таких авторов, как Ф. Боркенау², Ф. Клаудин³, Р. Бурдерон⁴, Э. Нольте⁵, К. Макдермott и Дж. Агню⁶, Ж.Ж. Мари⁷, М. Малагрека⁸, В. де Грация⁹, Р. Босворт¹⁰, процесс марксистской женской эмансипации в Италии под руководством Коммунистического интернационала целенаправленно практически не исследуется, за исключением упоминания отдельных эпизодов его политики и описания положения итальянских женщин в период 1922–1945 гг.

В отечественной историографии как советского, так и постсоветского периодов также не акцентируется внимание на проблеме влияния Коминтерна на женское движение в годы фашистской диктатуры в Италии. В исследованиях К.К. Ширини¹¹, Б.Н. Бессонова¹², А.С. Белоусова¹³, Н.П. Комоловой, М.Б. Корчагиной, К.В.В. Дамье¹⁴, Н.В. Устрялова¹⁵, несмотря на проведённое обширное описание как самой фашистской диктатуры в Италии, так и борьбы с ней Коминтерна, анализ женского вопроса в данной стране и деятельности МЖС Коминтерна по его решению практически не проводится.

² Borkenau F. World Communism: A history of the Communist International. Ann Arbor, 1971.

³ Claudin F. The Communist Movement from Comintern to Cominform. Harmondsworth, 1975.

⁴ Бурдерон Р. Фашизм идеология и практика. М., 1983.

⁵ Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск, 2001.

⁶ McDermott K. Agnew J. The Comintern. A History of International Communism from Lenin to Stalin. L., 1996.

⁷ Marie J.J. The Women's Section of the Comintern, from Lenin to Stalin // Political and Historical Encyclopedia of Women. N. Y., 2003. P. 275–285.

⁸ De Grazia V. How fascism ruled women Italy, 1922–1945. Berkeley, 1992.

⁹ Malagreca M. Lottiamo Ancora Reviewing One Hundred and Fifty Years of Italian Feminism // Journal of International Women's Studies. 2006. №4. P. 69–89.

¹⁰ Босворт Р.Дж. Границы фашистского тоталитаризма // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2016. № 4. С. 112–120.

¹¹ Шириня К.К. Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны (1934–1939 гг.). М., 1979.

¹² Бессонов Б.Н. Фашизм идеология, политика. М., 1985.

¹³ Белоусов А.С. Режим Муссолини и массы. М., 2000.

¹⁴ Комолова Н.П., Корчагина М.Б., Шириня К.К., Дамье В.В. Коминтерн против фашизма // История Коммунистического Интернационала 1919–1943: Документальные очерки / Под ред. А. О. Чубарьин; М., 2002. С. 74–116.

¹⁵ Устрялов Н.В. Италия – колыбель фашизма. М., 2012.

Цель данной статьи – выявить формы борьбы Международного женского секретариата Коминтерна за права женщин в Италии в 1920–1930-е гг.

Сразу после прихода фашистской партии к власти в Италии произошли существенные изменения в гражданских правах и свободах женщин и отношения к ним как социальной группе. Наиболее показательно это проявилось в рамках производства. На момент 1927 г. в итальянской промышленности было задействовано 1 млн. 10 тыс. женщин, из которых 866 тыс. составляли работницы. В основном женщины в фашистской Италии были заняты в текстильной и швейной отраслях и составляли 474,3 тыс. и 155,9 тыс. соответственно. К другим сферам промышленного производства, привлекавшим женщин, относились также бумажная, кожевенная и меховая, пищевая, химическая, полиграфическая, обрабатывающая, металлургическая и лесная отрасли, а также сельское хозяйство¹⁶. Их развитие постепенно приводило к увеличению общего числа работниц. Основным фактором этого роста была значительная разница в размере оплаты труда мужчин и женщин, особенно в период кризиса 1930-х гг.¹⁷ При этом женщинам был закрыт доступ на административные и руководящие должности¹⁸.

Условия труда женщин-работниц на предприятиях оставались тяжёлыми. Например, на производстве искусственного шелка происходили случаи отравления сероуглеродом. Сам процесс работы и её условия приводили к развитию различных болезней у женщин. По статистике в 1930 г. на шелкопрядильных предприятиях Рима на 2383 рабочих имелось 2434 случая заболеваний, а в течение 5 месяцев 1937 г на 1337 рабочих было 1556 случаев¹⁹.

К 1930-м гг. происходит повышение внимания к женщинам как к человеческому ресурсу для войны. Фашисты проводили активную программу по их милитаризации, вводили обязательную боевую подготовку и внедряли военную и политическую дисциплину²⁰. Согласно данным фашистского бюро печати, к осени 1926 г. число фашистских женских союзов достигло 1185²¹.

Большая роль также отводилась традиционалистской и религиозной пропаганде среди женщин²², выражавшаяся в организации вечерних религиозных курсов, политизированных экскурсий, театральных представлений²³. В избытке для женщин создавались различные программы по обучению рукоделию, кулинарии, машинописи. При этом получение образова-

¹⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 507. Оп. 2. Д. 221. Л. 12.

¹⁷ Там же. Л. 96.

¹⁸ Белоусов А.С. Указ. соч. С. 126.

¹⁹ РГАСПИ Ф. 507. Оп. 3. Д. 92. Л. 41.

²⁰ Там же. Оп. 2. Д. 221. Л. 96.

²¹ Устрилов Н.В. Указ. соч. С. 186.

²² Босворт Р. Указ. соч. С. 118.

²³ РГАСПИ. Ф. 507. Оп. 2. Д. 221. Л. 98.

ния итальянскими женщинами определялось как нечто второстепенное, а его стоимость во всей Италии для девушек была выше, чем для юношей²⁴.

Одним из ключевых в фашистской пропаганде среди женщин был вопрос о деторождении. «Вы должны быть хранительницами домашнего очага, вы должны своим бдительным вниманием, своей неизменной любовью дать первую чеканку потомству, которое мы хотим видеть многочисленным и храбрым»²⁵, – декламировал Муссолини на одном из митингов с участием женщин, призывая их к увеличению рождаемости. С целью его поощрения фашистами была разработана и внедрена система наград для преуспевших в этом деле городов и провинций, льготы для женатых мужчин и молодых матерей. В Италии сформировался даже определённый церемониал, предполагавший, что при первой встрече с дочею женщина должна была называть не только имя и фамилию, но и количество своих детей²⁶.

Большое внимание фашистами уделялось воспитанию девочек и девушек, активно вовлекавшихся в молодёжные военизированные организации, а также привлекавшихся к участию в военизированных и политических парадах и манифестациях. По статистическим данным, составленным МЖС Коминтерна, в период с января 1933-го по май 1934 г. количество девочек до 15 лет и девушек в обязательных для участия молодёжных фашистских организациях «Figlie della lupa» («Дочери волчицы»), «Piccole italiane» («Маленькие итальянки») и «Giovane Fascista» («Молодые фашисты») увеличилось с 811760 до 1671772 человек²⁷.

Международный женский секретариат и Коминтерн начали вести борьбу с итальянским фашизмом сразу с 1922 г. Они поддержали предложение Коммунистической партии Италии (далее – КПИ) об её уходе в подполье для недопущения распуска партии и продолжения ею политической работы²⁸. К 1926 г. подвергшиеся значительным репрессиям в трёхлетний период с 1923 г. итальянские коммунисты полностью перешли на нелегальное положение. Они сумели сохранить связь с Коминтерном, часть архива партии, смогли не только сохранить уровень поддержки в народе, но и за счёт создания новых коммунистических ячеек усилить отделения партии в тех провинциях Италии, где раньше они были слабы²⁹.

При этом положение КПИ в Италии оценивалось Коминтерном как крайне тяжёлое. Во многом из-за фашистских репрессий на производстве. К 1923 г. количество безработных среди коммунистов достигло 50–60 %. Фабриканты стали массово увольнять всех рабочих, как мужчин, так и женщин, заподозренных в связях с КПИ³⁰, из-за чего постепенно началась эмиграция рабочего населения – основного избирателя компартии. Ослаб-

²⁴ Белоусов А.С. Указ. соч. С. 126.

²⁵ Нольте Э. Указ. соч. С. 282.

²⁶ Белоусов А.С. Указ. соч. С. 105.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 507. Оп. 2. Д. 221. Л. 96–97.

²⁸ Комолова Н.П., Корчагина М.Б., Шириня М.Б., Дамье В.В. Указ. соч. С. 67–68.

²⁹ Там же. С. 83.

³⁰ Там же. С. 84.

лению итальянских коммунистов способствовал роспуск боевых организаций партии и нарушение их снабжения оружием, что свело на нет любые попытки вооружённой борьбы³¹.

Исходя из сложившихся обстоятельств политическая деятельность КПИ и Коминтерна в Италии, в том числе и в отношении женщин, в межвоенный период выразилась в значительной степени в агитационной и просветительской работе, направленной на «завоевание работниц на предприятии», для чего начался выпуск массовых популярных журналов для трудящихся женщин, прокламаций и небольших агитационных памфлетов³².

Существенное внимание МЖС уделял ежегодному проведению в Италии Международного женского дня как средства объединения работниц-коммунисток. Работа по подготовке и проведению празднования «8 марта» преследовала также цели по закреплению влияния МЖС и КПИ среди женщин, их вовлечению в партию и околопартийные организации, созданию новых объединений работниц, кружков крестьянок, вербовке рабочих и сельских корреспонденток³³.

МЖС рекомендовал КПИ ввиду сложившихся условий работы заострять внимание на лозунгах Международного женского дня, объясняя необходимость связи интернациональных лозунгов с национальными. Особый акцент полагалось делать на злободневных требованиях работниц конкретных предприятий, как, например, запрет обысков работниц при уходе с работы, против фашистов, дежурящих в женских в уборных и т. п.³⁴

Несмотря на выработанную программу, работа среди женщин в Италии до 1931 г. шла довольно медленно. КПИ удалось установить связи с крупными производствами в Ломбардии, Пьемонте и других областях, но проблема малого числа женщин в партии по-прежнему сохранялась³⁵.

Во второй половине 30-х гг. ХХ в. Муссолини начал активно усиливать подготовку к войне. Была предпринята кампания по увеличению населения, усиlena пропаганда среди женщин по стимулированию рождаемости. Начались активные репрессии за abortionы. Причём в большей степени им подвергались именно женщины-работницы и крестьянки, в то время как представительницы аристократии часто избегали преследования за счёт коррупции и использования личных связей во властных кругах³⁶.

Большой вклад в ущемление прав женщин внесла «Национальная организация для защиты материнства и младенчества» («ОНМ»). Прикрываясь филантропическими лозунгами о сохранении жизни и здоровья матери и ребенка, она лоббировала закон об «обязательном заявлении о беременности». В этом законе предписывалось следить за беременностью главным

³¹ Комолова Н.П., Корчагина М.Б., Шириня М.Б., Дамье В.В. Указ. соч. С. 85.

³² РГАСПИ. Ф. 507. Оп. 3. Д. 90. Л. 74.

³³ Там же Л. 81.

³⁴ Там же Л. 80.

³⁵ Там же. Д. 92. Л. 6.

³⁶ Там же. Л. 107–108.

образом крестьянок и работниц, заставляя их скрывать своё положение от работодателей, поскольку обнаружение беременности или заявление о ней нередко грозило им увольнением за несколько месяцев до родов из-за нежелания владельцев предприятий оплачивать декретный отпуск³⁷.

В связи со сложившимся положением МЖС и КПИ стали проводить среди работниц агитацию, призывая их бороться противочных смен для женщин, репрессий из-за абортов, за свободу деторождения, увеличение заработной платы, 8-часовой рабочий день и 2-месячный отпуск до и после родов³⁸.

МЖС и КПИ вели также борьбу за права женщин-заключённых. К 1930-м гг. их положение было очень тяжёлым. Нередко женщины умирали в тюрьме из-за плохих условий содержания и скучного пайка. Зарплата женщин в тюрьмах оценивалась в среднем в 8–20 лир в месяц³⁹, что было ничтожной суммой при средней зарплате работниц на фабриках в 8–9 лир в день⁴⁰. При этом отбывающие срок женщины ещё и отдавали 2–3 лиры от месячного дохода на страхование от инвалидности и старости, поскольку эта программа была введена фашистами во всех тюрьмах с 1931 г. Также практиковалось отчисление 12 % от зарплаты в качестве налога⁴¹.

Тяжёлым бременем для многих женщин в тюрьме стал также уход за их новорожденными детьми. По закону матери могли содержать при себе детей до двухлетнего возраста, однако большинство младенцев просто не доживало до этих лет в тюрьмах из-за неприемлемых условий и отсутствия надлежащего питания. По мере возможности МЖС старался акцентировать внимание на этом вопросе в рамках агитационных кампаний и конференций⁴².

Таким образом, период 1920–1930-х гг. для МЖС Коминтерна и КПИ стал временем аналитической и агитационной работы в фашистской Италии. Итальянские коммунисты после прихода к власти фашистов оказались на нелегальном положении и не имели достаточных сил для каких-либо активных действий, в том числе и среди женщин. При этом за эти годы им удалось уберечь часть архива партии, восстановить связь с Коммунистическим Интернационалом, а также не только сохранить, но и усилить уровень поддержки *народом*. Международный женский секретариат в тесном контакте с КПИ сумел в эти годы сформировать ряд вопросов для работы среди женщин Италии, в числе которых были охрана материнства и младенчества, увеличение заработной платы женщин, установление двух месячного отпуска до и после родов. Удалось организовать агитационную кампанию по привлечению женщин в коммунистическую партию, сформировать выпуск массовых изданий для трудящихся женщин. Определённый вклад МЖС Коминтерна также внёс в обнародование положения женщин и их детей в тюрьмах Италии в процессе агитации и на конференциях разного уровня.

³⁷ РГАСПИ Ф. 507. Оп. 3. Д. 91. Л. 108.

³⁸ Там же. Л. 108–109.

³⁹ Там же. Д. 92. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Л. 104.

⁴¹ Там же. Л. 105.

⁴² Там же. Л. 106.

Список литературы:

1. Белоусов А.С. Режим Муссолини и массы. М.: МГУ, 2000. – 368 с.
2. Босворт Р.Дж. Границы фашистского тоталитаризма // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2016. № 4. С. 112–120.
3. Бурдерон Р. Фашизм идеология и практика / Пер. с фр. Е. Феерштейн. М.: Прогресс, 1983. – 165 с.
4. Комолова Н.П., Корчагина М.Б., Шириня К.К., Дамье В.В. Коминтерн против фашизма // История Коммунистического Интернационала 1919–1943: Документальные очерки / Под ред. А.О. Чубарьян; М.: Наука, 2002. С. 74–116.
5. Нольте Э. Фашизм в его эпохе / Пер. с нем. Л. Гинцберга. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 568 с.
6. Устрилов Н.В. Италия – колыбель фашизма. М.: Алгоритм, 2012. – 238 с.
7. Шириня К.К. Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны (1934–1939 гг.). М.: Политиздат, 1979. – 406 с.
8. Borkenau F. World Communism: A history of the Communist International. Ann Arbor: University of Michigan press, 1971. – 442 p.
9. Claudin F. The Communist Movement from Comintern to Cominform. Harmondsworth: Penguin books, 1975. – 830 p.
10. De Grazia V. How fascism ruled women Italy, 1922–1945. Berkeley: University of California Press, 1992. – 384 p.
11. Malagreca M. Lottiamo Ancora Reviewing One Hundred and Fifty Years of Italian Feminism // Journal of International Women's Studies. 2006. № 4. P. 69–89.
12. Marie J.J. The Women's Section of the Comintern, from Lenin to Stalin // Political and Historical Encyclopedia of Women. New York: Routledge, 2003; P. 275–285.
13. McDermott K., Agnew J. The Comintern. A History of International Communism from Lenin to Stalin. L.: Macmillan press, 1996. – 304 p.

Об авторе:

БОГАЧЁВ Никита Вячеславович – аспирант, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет, (Россия, 170100, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31), e-mail: nik97bog@yandex.ru

THE STRUGGLE FOR WOMEN'S RIGHTS IN ITALY IN THE 1920S AND 1930S. IN THE ACTIVITIES OF THE INTERNATIONAL WOMEN'S SECRETARIAT OF THE COMINTERN

N.V. Bogachev

Tver State University, Tver', Russia

The article is devoted to the activities of the International Women's Secretariat of the Comintern in Italy during the 1920s–1930s. Based on the analysis of archival materials of the Fund of the International Women's

Secretariat of the Comintern RGASPI (F. 507), the main activities of the International Women's Secretariat of the Comintern to address the women's issue in Italy, the situation of Italian women under the fascist dictatorship, cooperation of the Communist Party of Italy and the. In conclusion, it is concluded that the period of the 20–30s of the XX century. He became important for the International Women's Secretariat of the Comintern and the Communist Party of Italy in terms of analytical and educational activities. At this time, it was possible to form a circle of main directions within the framework of general work among women, as well as to develop an agitation campaign among them.

Keywords: *politics of the Comintern in Italy, International women's secretariat of the Comintern, marxist feminism, women's emancipation, Communist International, Comintern, III International, women's Movement in Italy, feminism, Italy, fascism.*

About the author:

BOGACHEV Nikita Vyacheslavovich – Postgraduate student, Department of General History, Tver State University, (Russia, 170100, Tver', Trekhsvyatskaya str., 16/31), e-mail: nik97bog@yandex.ru

References:

- Belousov A.C., *Rezhim Mussolini i massy*, M., MGU, 2000. 368 c.
- Bosvort R. Dzh., *Granicy fashistskogo totalitarizma*, Bereginya, 777, Sova: Obshchestvo. Politika. Ekonomika, 2016, № 4, S. 112–120.
- Burderon R., *Fashizm ideologiya i praktika*, Per. s fr. E. Feershtejn, M., Progress, 1983. 165 s.
- Komolova N.P., Korchagina M.B., Shirinya K.K., Dam'e V.V., *Komintern protiv fashizma*, Istorya Kommunisticheskogo Internacionala 1919–1943: Dokumental'nye ocherki, Pod red. A.O. Chubar'yan, M., Nauka, 2002, C. 74–116.
- Nol'te E., *Fashizm v ego epohe*, Per. s nem. L. Gincberga, Novosibirsk, Sibirskij hronograf, 2001. – 568 s.
- Ustryalov N.V., *Italiya – kolybel' fashizma*, M., Algoritm, 2012. – 238 s.
- Shirinya K.K., *Strategiya i takтика Kominterna v bor'be protiv fashizma i vojny (1934–1939 gg.)*, M., Politizdat, 1979. – 406 s.

Статья поступила в редакцию 24.07.2022 г.

Подписана в печать 15.11.2023 г.

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(470.332).084.9+281.93
DOI 10.26456/vthistory/2023.3.086–099

РЕСТАВРАЦИЯ УСПЕНСКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА Г. СМОЛЕНСКА В 1949–1960 ГГ. (ИЗ ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕПАРХИИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ)¹

И.В. Бурдуков

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»,
Смоленск, Россия

Успенский кафедральный собор г. Смоленска является одной из архитектурных жемчужин России. Его история неизменно связана с одними из ключевых событий в истории России последних столетий. Собор стал свидетелем Отечественный войны 1812 г., Гражданской войны, пережил разрушение многих древних и новых храмов и Великую Отечественную войну. Однако этот храм не только выстоял, но и преобразился благодаря всем тем, кто самоотверженно трудился во благо нашей истории и духовной культуры. Один из таких эпизодов, а именно реставрация собора в послевоенный период, будет проанализирован в настоящей статье. На основе архивных источников, а именно материалов фонда уполномоченного Совета по делам РПЦ Государственного архива Смоленской области и Архива Смоленского епархиального управления, автору удалось проследить ход реставрационных работ, рассмотреть влияние различных сторон на принятие тех или иных решений по ремонту памятника архитектуры, выяснить источники финансирования, а также проблемы, которые сопровождали осуществление этого масштабного проекта.

Ключевые слова: Успенский кафедральный собор г. Смоленска, реставрация, уполномоченный, Совет по делам РПЦ, Смоленская епархия, налоговый режим, епископ Михаил (Чуб), отдел архитектуры Обкома ВКП(б).

29 июля 1941 г. Смоленск был оккупирован немецко-фашистскими захватчиками. По воспоминаниям Х.В. Гудериана здание собора после штурма города осталось невредимым². Однако, согласно информации, представлен-

¹ Научный руководитель – заведующий кафедрой истории России Смоленского государственного университета, канд. ист. наук, доцент М.В. Каиль.

² Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 2012. С. 204.

ной в статье епископа Серафима (Амельченкова), при отходе советских сил из города, велась стрельба по наступающему врагу, в результате чего был пробит навылет купол храма³. Об иных разрушениях в период оккупации никаких сведений не сохранилось. Тем не менее, возможности по ремонту здания собора в послевоенное время были ограничены, в этой связи первый этап восстановления памятника был начат епископом Смоленским и Дорогобужским Сергием (Смирновым) в конце 1940-х гг.

В 1949 г. епископ Сергий обратился к уполномоченному по делам РПЦ в Смоленской области Н.Л. Митину со следующим ходатайством: «Чтобы при ремонте в 1949 году здания кафедрального собора не производить наружной живописи (парапет) и другие»⁴. Данная просьба могла бы показаться необычной для епископа, в интересах которого было использовать все возможные средства для скорейшего восстановления величественного Успенского собора. Однако это действие имело под собой достаточно веские основания. Обязательства по ремонту собора взял на себя отдел архитектуры в лице его заведующего Белогорцева, с которым настоятель собора священник Николай Валоженич заключил договор на общую сумму – 250–300 тыс. руб. Согласно договору, епархия оплачивала строительные материалы и рабочую силу, которые предоставлял отдел. Также в договоре отсутствовал пункт, согласно которому должны были быть произведены работы по реставрации наружной живописи и парапета. Однако Белогорцев, по утверждению епископа Сергия, требовал от него дать согласие включить проведение фасадных работ, которые, согласно дополнительной смете, оценивались в 50–60 тыс. руб. Эта ситуация демонстрирует то, что отдел архитектуры Обкома ВКП(б) был монополистом в проведении ремонтных и реставрационных работ на территории региона. Также отдел имел возможности по поиску и привлечению необходимых строительных материалов, которые в указанный период были дефицитными. Это объясняется масштабными восстановительными работами, которые проводились как в областном центре, так и во всем регионе, значительно пострадавшем в результате боевых действий. В таком случае, епархия фактически не имела возможности обратиться к иным организациям для проведения неотложных работ по сохранению и восстановлению кафедрального собора. Принимая во внимание всё это, руководитель отдела пытался оказать давление на правящего архиерея с целью склонить его к проведению дополнительных работ. Более того, Белогорцев обратился к уполномоченному с просьбой воздействовать на епископа и церковный совет собора для заключения договора на осуществление указанных работ в 1949 г. Тем самым чиновник предпринимал попытку использовать административные методы для решения вопроса в свою пользу.

³ Серафим (Амельченков), еп. Бургомистр Б. Г. Меньшагин и возрождение Православной Церкви на Смоленщине в период немецкой оккупации 1941–1943 гг. // Христианское чтение. 2019. № 5. С. 178.

⁴ Государственный архив Смоленской области (далее – ГАСО). Ф. 1620. Оп. 2. Д. 9. Л. 27.

Н.Л. Митин по этому делу заключил следующее: «Исходя из того, что наружная живопись на здании собора никакого памятника архитектуры из себя не представляет, а лишь является кричащей афишой в деле укрепления религии и вызывающей недовольство каждого честного гражданина, так как рядом с разукрашенным собором еще находятся полуразрушенные немецкими варварами руины, в которых пока еще ютятся жильцы (трудящиеся города)»⁵. Данное заключение уполномоченный подкрепил своим наблюдением за теми работами, которые уже были произведены. Так, несмотря на наличие трещин в стенах храма, повреждений крыши, которая протекала, а также неудовлетворительного состояния окон и дверей, Белогорцев уделил первоочередное внимание восстановлению фасада собора. Всеми работами начальник отдела руководил лично и порой собирая совещания, участниками которых становились не только рабочие и инженеры, но и священнослужители. Всем этим, по мнению Н.Л. Митина, Белогорцев компрометировал себя как коммуниста, так как «немалую услугу оказал церковникам в деле укрепления их авторитета среди общественности»⁶.

Таким образом, уполномоченный рассмотрел это дело с «идеологической» точки зрения. Трудно понять, что понималось под «разукрашиванием», так как лишь на фронтоне собора исторически имелись росписи. По всей видимости речь шла о покраске фасада собора, которая в условиях абсолютной неустроенности быта подавляющего большинства жителей города, с точки зрения Н.Л. Митина, могла быть провокационной и неуместной. Что касается позиции Белогорцева, то она может найти объяснение в замечании уполномоченного о том, что епархией чиновнику и рабочим, осуществлявшим ремонтные работы, были выплачены суммы в размере 12 и 105 тыс. руб. соответственно⁷. В этой связи подобное сотрудничество было достаточно выгодным для начальника отдела архитектуры, который стремился его расширить всеми возможными методами. Позднее, в 1951 г., в специальной информационной справке, уполномоченный более подробно остановился на этой теме. В документе он прямо указывал, что на то, что Белогорцев вместе с инженером отдела архитектуры Зимницким «в целях личных интересов (большего заработка)»⁸ лоббировали «восстановление» парапета, которого никогда не было на здании собора.

Епископ Сергий со своей стороны проявил готовность противодействовать давлению со стороны отдела, что возымело свой эффект, так как Н.Л. Митин по вопросу ходатайств епископа и Белогорцева обратился к секретарю Обкома ВКП(б), который сделал начальнику архитектурного отдела «соответствующее внушение». Мотивы противодействия епископа Сергия трудно установить. Заключались ли они в финансовой стороне, либо же иные факторы повлияли на подобное решение. Однако сам уполномоченный

⁵ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 9. Л. 28.

⁶ Там же. Л. 29.

⁷ Там же. Л. 28.

⁸ Там же. Д. 12. Л. 1–2.

моченный отмечал, что церковный совет собора не имел средств на проведение работ⁹, о которых как необходимых, утверждал Белогорцев.

В 1950 г. эта история получила своё продолжение. Подрядчик, он же – областной отдел архитектуры, не успел завершить в срок до 1949 г. ремонтные работы, гарантировав их выполнение в 1950 г. Однако в указанный срок подрядчик отказался от продолжения ремонта без объяснения причин и рекомендовал закончить восстановительные работы «хозяйственным способом», т. е. самостоятельно. Епископ на данное сообщение получил следующий комментарий уполномоченного: «Вследствие того, что о заключении договора на ремонт собора мне не было известно, в силу этого оказать какое-либо содействие я не могу. Вам необходимо по этому вопросу договориться с заведующим отделом архитектуры, а, если не договоритесь, то, видимо, придется производить ремонт хозяйственным способом»¹⁰. Так, уполномоченный самоустранился от решения данного вопроса. Несмотря на то, что был заключен юридически обязывающий документ, каких-либо мер по устранению подобного нарушения предпринято не было. В этой связи, епархия вынуждена была самостоятельно изыскивать возможности для привлечения рабочей силы на стороне при восстановлении памятника архитектуры.

Поиск рабочих был осложнён действующей системой налогообложения. Об этом сообщал епископ Сергий уполномоченному в 1951 г. По словам архиерея, рабочих, занятых над восстановлением собора, облагали не по 5 статье, как на остальных стройках, а по 19, как кустарей и священнослужителей¹¹. В результате чего, рабочие отказывались брать заказ. Н.Л. Митин ответил на это тем, что местные финансовые органы действуют согласно разъяснению Министерства финансов и потому их решение абсолютно законно. Стоит обратить внимание на то, что рабочие числились в рядах сотрудников архитектурного отдела. Надо полагать, что подобная ситуация вела к увеличению стоимости работ для возмещения налоговых выплат рабочим.

Тем не менее неотложные работы были проведены, в результате чего стало возможным проведение следующих мероприятий по восстановлению облика кафедрального собора Смоленской епархии. Восстановление собора было продолжено при преемнике епископа Сергия (Смирнова) на Смоленской кафедре – епископе Михаиле (Чубе). Владыка Михаил в своём первом отчете за 1955 г. среди приоритетных задач подчеркнул необходимость проведения «значительного объема ремонтных и реставрационных работ» в Успенском кафедральном соборе: «Несмотря на то, что объем уже произведенных работ достаточно велик, специфика этих двух соборных храмов [в т.ч. – Троицкого собора г. Вязьма] настоятельно диктует необходимость дальнейших капитальных затрат на указанные объекты»¹². Следующий этап

⁹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 12. Л. 2.

¹⁰ Там же. Д. 10. Л. 14.

¹¹ Там же. Д. 12. Л. 48.

¹² АСЕУ. Отчет епископа Смоленского и Дорогобужского Михаила (Чуб) за 1955 г.

восстановления, согласно плану архиерея, предполагал восстановление отопительной системы Успенского собора, службы в котором проводились лишь в летнее время и по большим праздникам. Данные работы удалось завершить уже в 1956 г. Епископ Михаил в своем отчете сообщал о том, что это удалось благодаря помощи Патриархии в получении необходимых стройматериалов, а также командировании рабочей силы и общем руководстве работами¹³. Также на средства собора была отремонтирована центральная лестница, ведущая к собору, а также подпорная стена Соборной горы¹⁴. Всего за 1956 г. на ремонтные работы центральной лестницы было израсходовано 551952 руб., что составляет около 56 % от всей суммы, затраченной на восстановительные работы во всех храмах епархии¹⁵.

Согласно замечанию уполномоченного по делам Русской Православной Церкви Г.Н. Галинского, епископ Михаил при реставрации лестницы столкнулся с определёнными проблемами. Так, московская мастерская, с которой был заключён договор, ни в 1955 г., ни в 1956 г. так и не приступила к запланированным работам. Положение усугублялось тем, что городские власти в рамках реконструкции улицы Советская требовали от епархии незамедлительного проведения ремонта лестницы. С жалобой на сложившееся положение дел епископ Михаил обратился к уполномоченному, который посоветовал «действовать через Патриархию и одновременно обещал поставить об этом в известность Совет и просить воздействовать на указанную мастерскую»¹⁶.

Проведение реставрационных работ осложнялось труднодоступностью строительных материалов. Епископ Михаил (Чуб) подчеркивал данное обстоятельство в своём отчете: «Исключительно большим тормозом в работе является дефицит самых необходимых строительных материалов: кровельного железа, цемента, кирпича, строительного леса. Если местные планирующие организации не будут удовлетворять наши заявки, то капитальный ремонт ряда храмов будет поставлен под угрозу срыва»¹⁷. Каждая подобная заявка должна была сопровождаться обращением к уполномоченному, который в свою очередь уже принимал решение о запросе в профильные структуры¹⁸. Стоит отметить, что значительная часть стройматериалов приобреталась «на рынке», т. е. по высоким ценам и с учетом наличия дефицита. Последний восполнялся путем получения наряда на кирпич и лесоматериал. Также большую поддержку в получении необходимого оказывала Патриархия.

Обращает на себя внимание одно из писем Г.Н. Галинского в Совет, в котором сообщалось о том, что некие «жители г. Смоленска», направили в

¹³ АСЕУ. Отчет епископа Смоленского и Дорогобужского Михаила (Чуб) за 1956 г.

¹⁴ Рапорт П.А., Смирнова А.Т. Архитектурные достопримечательности Смоленска: путеводитель. Москва: Московский рабочий, 1976. С. 48.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 20. Л. 22.

¹⁷ АСЕУ. Отчет епископа Смоленского и Дорогобужского Михаила (Чуб) за 1956 г.

¹⁸ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 22. Л. 17.

УМВД по Смоленской области обращение о злоупотреблениях епископа Михаила (Чуба) и бывшего настоятеля Успенского собора протоиерея Н. Абрамовича. Как следует из письма, злоупотребления касались финансовой деятельности: «Патриархия посыпает каждый год деньги на ремонт собора, а между прочим ничего не делается ни на копейку... Настоятель собора Николай Абрамович взялся строить лестницу собора, где он наворовал десятки тысяч при пособничестве бухгалтера Зои Федоровой, известной растратчицы в другом учреждении, где она служила... Собор после войны стоит без ремонта и приходит в ветхость и разрушение. Иностранные туристы, посещая этот собор, восхищаются его красотой и в то же время приходят в ужас от его разрушения»¹⁹.

Подобная характеристика, в особенности, в отношении епископа Михаила не находит подтверждения в иных документах. Последний, о чём свидетельствуют результаты его усилий, стремился преобразить собор, на что привлекал средства со всех возможных источников – как с приходов епархии, так и от Патриархии и ряда архиереев. Что касается прот. Н. Абрамовича, то в его личном деле содержится письмо на имя епископа, в котором священник утверждал о наличии группы его недоброжелателей среди духовенства и мирян. В результате, как отмечает Абрамович: «Меня наградили эпитетом неудачника, бесхозяйственника, слабохарактерного администратора, почти лентяя и т. д.»²⁰. С учётом анонимности письма, а также его эмоциональности и отсутствия твёрдых аргументов, данный документ необходимо рассматривать в первую очередь, как написанный с целью сформировать резкое негативное отношение к епископу Михаилу (Чубу) и прот. Н. Абрамовичу и доставить им значительные неприятности. Тем не менее, в результате проверки ОБХСС УВД по Смоленской области выяснилось, что сам Абрамович, будучи настоятелем собора, не имея на то оснований, выдал из кассы в 1955–1956 гг. сотрудникам московской Республиканской специальной научно-реставрационной мастерской сумму в размере 16 882 руб. в качестве оплаты смет и командировок. Однако плата должна была быть произведена на счёт мастерской, а не передана частным лицам²¹. В этой связи есть основания предполагать, что Абрамович тратил средства не по целевому назначению, либо был введён в заблуждение. Это в свою очередь нанесло финансовый урон епархии. Однако, согласно мнению уполномоченного, основная причина в недостаточном темпе реставрации была именно в работе мастерской. В связи с тем, что за два года организация отремонтировала лишь центральную лестницу, Хозяйственное управление Патриархии расторгло договор с мастерской и своими силами восстановило центральное отопление в соборе²².

Основные работы по восстановлению как внешнего вида, так и внутреннего пространства собора были развернуты в 1957 г. Лишь в 1957–

¹⁹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 28. Л. 46.

²⁰ АСЕУ. Личное дело свящ. Н. Абрамовича. Рапорт от 10.01.1957 г.

²¹ Там же. Л. 45.

²² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 22. Л. 19.

1958 гг. было затрачено на эти цели порядка 800 тыс. рублей. Всего же было запланировано на реализацию реставрационных работ 3 млн. руб. Данная сумма для Смоленской епархии была неподъёмной, в результате епископ Михаил обратился в Патриархию за ассигнованием в размере 2 500 тыс. руб. Это обращение не было удовлетворено, так как, по сообщению уполномоченного, у архиерея были сложные взаимоотношения с заместителем председателя Хозяйственного управления Д.А. Остаповым. Последний также являлся келейником патриарха Алексия (Симанского) и оказывал значительное влияние на принимаемые им решения. По этой причине, епископ Михаил был вынужден обратиться к архиереям Московской, Ставропольской и Пермской епархий за помощью, которая и была оказана в размере 500 тыс. руб. Позднее финансовую поддержку оказал также митрополит Ленинградский Николай (Ярушевич), перечислив 300 тыс. руб. Кроме того, в два раза были увеличены взносы в епархиальную кассу²³.

В 1958 г. государство изменило правила обложения подоходным налогом свечные мастерские, что привело к значительному увеличению налогового бремени на подобные производства²⁴. Согласно годовому отчету за 1956 г., на продажу свечей приходилось 60 % дохода приходов Смоленской епархии²⁵. С учётом значимости доли в структуре доходов епархий, урон от принятия подобной меры был значительным. В свою очередь, Патриархия была вынуждена сократить объём помощи епархиям, в том числе Смоленской, в восстановительных работах. Своим беспокойством по этому поводу поделился и епископ Михаил с Г.Н. Галинским²⁶, сообщив ему о том, что в 1958 г. Патриархия полностью прекратила финансирование. Однако в том же году удалось завершить покраску здания собора, нанести позолоту на четыре купола. Внутренние работы состояли в реставрации росписи собора и резьбы в алтарной части, на что было затрачено более полутора миллиона рублей²⁷.

Обратной стороной этого проекта стало то, что собор был вынужден задерживать плату священникам и сотрудникам епархиального управления. Согласно же планам, в следующем 1959 г. необходимо было приступить к реставрации иконостаса, которая требовала уже порядка полутора–двух миллионов рублей.

Кроме трудностей, продиктованных внешними обстоятельствами, имелись и внутренние, связанные с осуществлением своих полномочий главным инженером собора В. Любимовым. Так, по причине его самоуправства стала возможной конфликтная ситуация вокруг восстановления фасадных элементов собора, в частности – иконы Успения на фронтоне собора. За несколько дней до завершения образа в мастерской, областным

²³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 28. Л. 13.

²⁴ См.: Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999. С. 185–186.

²⁵ АСЕУ. Отчет епископа Смоленского и Дорогобужского Михаила (Чуб) за 1956 г.

²⁶ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 28. Л. 28.

²⁷ Там же. Л. 29.

отделом архитектуры и главным управлением памятников был наложен запрет на его размещение. Это решение мотивировалось тем, что, согласно плану, данная работа не предусматривалась в связи с полной утерей исходного образа. Поэтому он был написан заново. Тем не менее, икона высотой в семь метров была размещена на фронтоне. Далее, уполномоченный обратился к епископу Михаилу с требованием убрать её, и далее описывал ситуацию следующим образом: «Епископ в своем объяснении стал изворачиваться, взваливая всю вину на инженера Любимова, который якобы вопреки его указаниям повесил икону, убеждая его, что он в Министерстве культуры добьется разрешения на вывешивание ее, а так как раньше были случаи, когда областной отдел запрещал производить некоторые работы, а Любимов добивался разрешений от главного управления, то он и сейчас думал, что это может получиться»²⁸. В итоге икона была снята, однако этот случай примечателен тем, что демонстрирует сложившуюся практику, при которой инженер собора действовал вопреки указаниям представителей областного отдела архитектуры и искал поддержки своим действиям, порой небезуспешно, в Министерстве.

В. Любимову в своём отчёте за 1958 г. Г.Н. Галинский даёт следующую характеристику: «В прошлом он был членом партии, но исключён за какие-то гадости. В Советской армии имел звание подполковника, чем он особенно бравирует при посещении советских учреждений. После демобилизации работал в Московской патриархии, где его подцепил епископ Михаил и назначил руководителем по реставрации собора с окладом 3500 руб. в месяц, да ещё пользуясь бесконтрольностью, он ворует в пять, а то и больше раз... Это тип, не имеющий у себя ничего святого, кроме страсти к деньгам, он за деньги все продаст. Это патентованный жулик и вор»²⁹. Подобная характеристика могла быть вызвана личной неприязнью Г.Н. Галинского к В. Любимову. Помимо того, что он допускал проведение некоторых работ по ремонту и реставрации собора без согласования с областными органами власти, В. Любимов также обвинялся уполномоченным в проведении экскурсий по собору. Отчеты свидетельствуют, что Г.Н. Галинский использовал все возможности для того, чтобы дискредитировать В. Любимова в глазах епископа. И в своих отчетах упоминал, что епископ Михаил стал менять свое отношение к В. Любимову. Является ли это истиной, или же уполномоченный выдавал желаемое за действительное, трудно установить. Однако даже последующие события не стали причиной того, что архиерей уволил своего ближайшего помощника в деле восстановления Успенского собора.

В 1958 г. по результатам проведенных реставрационных работ, на основании распоряжения Управления музеев и охраны памятников Министерства культуры РСФСР, была образована специальная комиссия. В ходе ее работы были выявлены многочисленные факты нанесения ущерба це-

²⁸ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 28. Л. 30.

²⁹ Там же. Л. 32–33.

лостности памятника архитектуры. Основные претензии комиссии сводились к игнорированию указаний Министерства культуры:

– В алтарной части собора была произведена запись масляными красками икон святых Варвары и Параскевы;

– Также была нарушена технология нанесения грунта при реставрации иконы Распятия в левой части алтаря, в результате чего были зашпаклеваны фрагменты авторской живописи;

– В основной части собора перед реставрацией не было произведено раскрытия первоначальной живописи;

– Многие фрагменты вместо восстановления переписывались заново;

– Производилось необоснованное удаление позолоты с элементов резьбы с последующей заменой поталью;

– Несмотря на неоднократные требования Областного отдела архитектуры об установлении маяков для наблюдения за трещинами, эта работа так и не была произведена.

В выводе комиссии содержалась следующая оценка проделанных работ: «В результате полного игнорирования предложений комиссии со стороны исполнителей работ в Успенском соборе произведена явная порча одного из ценнейших памятников города Смоленска, о чем необходимо довести до сведения Исполком Смоленского облсовета»³⁰. В результате, было принято решение о приостановке дальнейших работ до «установления методологии» реставрации живописи, резьбы и иных элементов интерьера собора. Кроме того, комиссией было постановлено:

– Привлечь специалистов реставраторов для изучения проб первоначальной живописи;

– Обратиться с просьбой в Министерство культуры РСФСР назначить специализированную мастерскую для продолжения ремонтно-реставрационных работ.

– Приостановить дальнейшие работы по реставрации иконы у жертвенника в алтарной части собора.

– Восстановить деревянные элементы резьбы на сени и киотах, замененные гипсовыми слепками.

Выводы комиссии свидетельствовали о недобросовестном выполнении реставрации. В заключении не было указано ни одного положительного факта, который бы свидетельствовал об успехах в реставрации внутреннего убранства собора. И в этой связи комиссия настаивала на смене исполнителей работ.

Через месяц последовала реакция епископа Михаила (Чуба) на это заключение. Он обратился к уполномоченному Г.Н. Галинскому с заявлением, в котором подверг резкой критике работу комиссии и профессиональные качества ее членов. Так, епископ обратил внимание на то, что копии документа были, по его мнению, без достаточных оснований, пересла-

³⁰ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 30. Л. 37–37 об.

ны уполномоченному и в Управление делами Московской Патриархии³¹. Данное замечание можно трактовать как обвинение в дискредитации смоленского епископа, который лично предпринимал значительные усилия, чтобы осуществить проект реставрации Успенского собора. Что касается обвинений в игнорировании требований Министерства культуры и областного архитектурного отдела, то епископ Михаил обратил внимание, что работы производились с санкции начальника Отдела охраны памятников упомянутого министерства А. Серегина, чьи распоряжения были отменены. При этом сами реставраторы не были приглашены к обсуждению их работы. Кроме того, архиерей утверждал о профессиональной непригодности членов комиссии, которые допустили ошибки в выводах о работе реставраторов. Так, они не увидели установленных маяков для наблюдения за трещинами, перепутали перегородку калориферной камеры со стеной собора. Далее, епископ заключает: «Список подобных абсурдов можно было бы продолжить, но они уже указаны в объяснении Любимова»³². Согласно этому утверждению, правящий архиерей в полной мере поддерживал своего помощника и доверял ему. В заключении своего обращения епископ Михаил прямо обвиняет членов комиссии в искажении фактов. Подобная оценка и некоторые иные фразы носят ярко выраженную эмоциональную окраску. По всему видно, что данный инцидент воспринимался им как откровенная провокация, направленная против него и его дела.

Сохранилась докладная записка В. Любимова, которая содержит детали тех обстоятельств, о которых шла речь в обращении к Г.Н. Галинскому смоленского епископа. Данный документ свидетельствует о том, что у руководителя комиссии, состоявшей из работников центральной реставрационной мастерской, Н.Н. Померанцева был личный интерес в том, чтобы блокировать дальнейшее проведение работ. Цель этой акции заключалась в получении центральной мастерской права на продолжение реставрации собора, которую Н.Н. Померанцев, по мнению В. Любимова, планировал возглавить. Так, утверждалось о том, что претендентом на руководство реставрацией дважды были вывезены иконы, находившиеся в хорошем состоянии, без расписок и записи в ведомости. Дальнейшая судьба икон была неизвестна. Отвечая на каждое положение критики В. Любимов утверждает, что выводы комиссии были следствием фальсификации, либо превратного истолкования³³. В заключение, главный инженер собора призывал привлечь со стороны Управления музеев и охраны памятников Министерства культуры РСФСР компетентного представителя для проверки фактов, указанных Н. Померанцевым.

Исследуя документы за 1959 г., обнаруживается письмо Г.Н. Галинского прокурору по Смоленской области Н.И. Чекалову. В нем уполномо-

³¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 30. Л. 42.

³² Там же. Л. 42–42 об.

³³ Там же. Л. 43–48.

ченный, ссылаясь на беседу с епископом Иннокентием, указывает на преступную деятельность В. Любимова, которая выражалась в следующем³⁴:

– Изготовление фальшивых нарядов на оплату рабочим, доходившую до 8 тыс. руб. в месяц., а также оплата денежных сумм несуществующим лицам, в результате чего инженер присваивал себе денежные средства;

– Приобретение у частных лиц в большом количестве сусального золота и потали, последнее он закупал за 30 руб., а продавал собору по 90 руб. В результате, по сведениям епископа, В. Любимов заработал на этом более 200 тыс. руб.

– Организация сбора драгоценных металлов в Смоленске для последующей его переплавки в одной из московских мастерских;

– Продажа приходам изделий из цветных дефицитных металлов, изготовленных нелегально. Например, в 1959 г. им было продано 12 медных подсвечников по 2–3 тыс. руб. за шт.

Таким образом, делал вывод уполномоченный, главный архитектор собора представлял собой «крупного афериста», на действия которого прокуратуре необходимо было обратить внимание. В свою очередь, данное дело было передано областному Отделу по борьбе с хищением социалистической собственности.

Примечательно, что инициатором расследования стала не Смоленская епархия в лице епископа Иннокентия, а Г.Н. Галинский. Этому можно найти объяснение в том, что, по утверждению последнего, В. Любимов пользовался покровительством личного секретаря патриарха Алексия I и по совместительству заместителя председателя хозяйственного управления Московской патриархии Д.А. Остапова. По его поручениям В. Любимов, часто посещавший Москву, нередко выезжал в командировки в другие епархии, а также имел возможность получать дефицитные стройматериалы для восстановления собора и различную утварь.

По вступлении на Смоленскую кафедру епископ Иннокентий обнаружил значительные хищения, которые были произведены В. Любимовым с помощью привлеченных рабочих, на сумму «не менее 300 тыс. руб.»³⁵. Данный факт стал известен епископу благодаря знакомству с отчетной документацией, содержащей в себе сведения о начислениях рабочим ежемесячных зарплат, половина суммы которых отдавалась В. Любимову. Таким образом, изначально вознаграждения значительно завышались. Кроме того, выяснилось, что главный архитектор собора выписывал сфальсифицированные ведомости на значительные суммы денег для оплаты работы несуществующим бригадам. В конечном итоге, эти средства В. Любимов присваивал себе, также как и разницу цены в покупке потали, завышенной в три раза. Помимо противоправных действий, связанных с реставрацией Успенского собора, архитектор организовал сбор и переработку в Москве

³⁴ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 31. Л. 47–48.

³⁵ Там же. Оп. 2. Д. 30. Л. 13.

цветных металлов³⁶. Так или иначе, архитектор был уволен со своей должности, однако никаких мер по привлечению его к уголовной ответственности принято не было.

Опираясь на имеющийся материал, становится возможным рассмотреть практику осуществления реставрации крупного памятника архитектуры в условиях ограничения не только финансовых, но и кадровых ресурсов. К этому необходимо добавить наличие дефицита строительных материалов, необходимых на восстановление народного хозяйства и жилого фонда, разрушенного войной областного центра и региона в целом. Так, основную деятельность по организации реставрации и сбору средств проводила епархия. Хотя на начальном этапе реставрации при епископе Сергию заведующий отделом архитектуры Обкома стремился взять под свой контроль реализацию масштабного проекта, в дальнейшем данное учреждение осуществляло лишь контролирующие функции. Ответственным лицом со стороны епархии в деле реставрации собора выступал главный архитектор епархии В. Любимов. Сведения о нем появляются лишь с приходом епископа Михаила (Чуба). Им закупались материалы и организовывалась работа по найму рабочих. Также, как следует из расследования деятельности архитектора епархии, в руках последнего оказалось и распределение финансовых ресурсов, которые он употреблял, по свидетельству уполномоченного и епископа Иннокентия (Сокала), в собственных целях. Тем не менее, то доверие, которым пользовался В. Любимов, объяснялось его связями в Московской Патриархии и лоббистскими возможностями по получению необходимых средств, стройматериалов и специалистов. В конечном итоге, его вина не была доказана, поэтому утверждать о причастности В. Любимова к мошенничеству было бы некорректным.

Роль уполномоченного в реставрационном процессе состояла в посредничестве между епархией и организациями, от которых зависели поставки стройматериалов. В целом, согласно отчетам, ни Н.Л. Митин, ни Г.Н. Галинский какого-либо препятствия в этом деле не создавали. Однако и тот и другой выступали резко против внешнего благоукрашения храма. И если Митин обосновывал это неуместной пропагандой религии в обществе, то Галинский утверждал о необходимости восстановить само здание, не тратя ресурсы на «лишнее». Как бы то ни было, середина 1950-х гг. была отмечена значительными доходами епархии, которые она могла употреблять на сверхнеобходимые нужды. Но даже этих средств было недостаточно. В связи с этим епископ Михаил был вынужден обращаться как в Патриархию, которая с неохотой отпускала средства, так и к другим архиереям Русской Православной Церкви. Государство в данном деле какой-либо финансовой поддержки не оказывало.

Определённую роль в восстановлении собора играли органы власти республиканского уровня, а именно – Министерство культуры РСФСР. Однако, как показывает ход исследования, в данном ведомстве также не было

³⁶ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 30. Л. 13.

единства относительно методов и форм проведения реставрационных работ. Данное положение можно характеризовать не с профессиональной точки зрения, но как реализацию собственных интересов отдельных чиновников. В этой связи, памятник архитектуры стал полем для борьбы различных групп за влияние и распределение ресурсов при его восстановлении. Что касается ресурсов, то согласно имеющимся отчетам, за период 1949–1960 гг. было израсходовано более 4.5 млн. руб., и в 1961 г., после денежной реформы – 43 290 руб. Из них 300 тыс. руб. приходится на управление епархией епископом Сергием (Смирновым), 3 391 тыс. епископом Михаилом (Чубом) и около 1 млн. руб. епископом Иннокентием (Сокалем).

Первоначальные работы по сохранению здания собора, его ремонт и реставрация основных конструкций была произведена епископом Сергием. Однако основные работы, о чем свидетельствуют и обозначенные суммы, были произведены именно епископом Михаилом. Ему удалось привлечь большие средства на осуществление масштабной реставрации как фасада, так и интерьера главного храма Смоленской епархии, восстановить отопление и центральную лестницу. Работа, которая проводилась после прихода его преемника – епископа Иннокентия, осуществлялась благодаря накопленной ранее базе, в том числе материальной. Несмотря на то, что завершение реставрации под руководством епископа Михаила было омрачено обвинениями со стороны уполномоченного в адрес ближайшего помощника архиерея В. Любимова, результат, который удалось достичь, свидетельствовал о качественном изменении состояния собора. Что не могло не способствовать и повышению сохранности памятника.

Список литературы:

1. *Серафим (Амельченков), еп.* Бургомистр Б. Г. Меньшагин и возрождение Православной Церкви на Смоленщине в период немецкой оккупации 1941–1943 гг. // Христианское чтение. 2019. № 5. С. 174–198.
2. Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М.: АИРО-XX, 1999.

Об авторе:

БУРДУКОВ Илья Витальевич – аспирант, кафедра истории и права, Смоленский государственный университет, помощник ректора по учебной работе, Смоленская православная духовная семинария, (214000, г. Смоленск, ул. Тимирязева, 5), e-mail: burdukov.1990@gmail.com

RESTORATION OF THE ASSUMPTION CATHEDRAL IN SMOLENSK IN 1949-1960. (FROM THE HISTORY OF ECONOMIC ACTIVITIES OF THE DIOCESE IN THE CONTEXT OF STATE-CHURCH RELATIONS)

I.V. Burdukov

Smolensk State University, *Smolensk, Russia*

Assumption Cathedral in Smolensk is one of the architectural gems of Russia. Its history is invariably connected with one of the key events in the history of Russia in recent centuries. The cathedral witnessed the Patriotic War of 1812, the Civil War, survived the destruction of many ancient and new churches and the Great Patriotic War. However, this temple not only survived, but was also transformed thanks to all those who selflessly worked for the benefit of our history and spiritual culture. One of these episodes, namely the restoration of the cathedral in the post-war period, will be analyzed in this article. On the basis of archival sources, namely the materials of the fund of the authorized Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church of the State Archive of the Smolensk Region and the Archive of the Smolensk Diocesan Administration, the author was able to trace the progress of the restoration work, consider the influence of various parties on the adoption of certain decisions on the repair of an architectural monument, find out the sources of funding, as well as the problems that accompanied the implementation of this ambitious project..

Keywords: *Assumption Cathedral in Smolensk, restoration, commissioner, Council for the Russian Orthodox Church, Smolensk diocese, tax regime, Bishop Mikhail (Chub), Department of Architecture of the Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks.*

About the author:

BURDUKOV Ilya Vitalievich – Postgraduate student of the Department of History and Law, Smolensk State University, Assistant to the Rector for Academic Research, Smolensk Orthodox Theological Seminary, (214000, Smolensk, Timiryazev st. 5), e-mail: burdukov.1990@gmail.com

References

- Serafim (Amel'chenkov), ep., *Burgomistr B. G. Men'shagin i vozrozhdenie Pravoslavnoi Tserkvi na Smolenshchine v period nemetskoi okkupatsii 1941–1943 gg.*, Khristianskoe chtenie, 2019, № 5, S. 174–198.
- Chumachenko T.A., *Gosudarstvo, pravoslavnaia tserkov', veruiushchie. 1941–1961 gg.*, M.: AIRO-XX, 1999.

Статья поступила в редакцию 22.08.2023 г.

Подписана в печать 15.11.2023 г.

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(470.331).084.5+37
DOI 10.26456/vthistory/2023.3.100–110

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-Е ГОДЫ¹

А.В. Плахина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

Статья посвящена изучению одного из наиболее актуальных вопросов становления системы народного образования в советской России – финансированию школ и материальному обеспечению школьных работников. На основе анализа отчётов Губернского исполнкома раскрываются проблемы и сложности, с которыми сталкивалось советское правительство и власть на местах в процессе формирования новой государственной системы образования, характеризуются методы и способы создания эффективной системы поддержки и развития школ в Тверской губернии, анализируются процессы привлечения внебюджетных средств в условиях преодоления социально-экономического кризиса в Тверской губернии. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на большое количество нерешенных проблем, власть сумела сохранить систему школьного образования в качестве важнейшего социального института.

Ключевые слова: народное образование, Тверская губерния, двухуровневое финансирование, реформирование, расходы, кадровый потенциал, школьное строительство, внебюджетные средства, плата за обучение, фонды.

Состояние системы образования в значительной мере определяется уровнем её финансирования. Проблема источников дохода всегда была актуальна для отечественной школьной системы.

Особый исследовательский интерес в данном контексте представляют 1920-е гг., когда советская власть в сложных политических и социально-экономических условиях пыталась найти наиболее подходящую модель финансирования народного образования. Обозначая в своих первых документах основные принципы социально-экономической политики, большевики декларировали бесплатное обучение в школах 1-й и 2-й ступени². Однако последствия Гражданской войны, первоочередная необходимость

¹ Научный руководитель – декан исторического факультета Тверского государственного университета, д. и. н., профессор Т.Г. Леонтьева.

² Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов. Положение о единой трудовой школе РСФСР от 16.10. 1918.

восстановления народного хозяйства, внутренние социально-политические проблемы заставили власть приступить к новой экономической политике и обратиться к режиму строжайшей экономии во всех областях народного хозяйства.

Анализ степени научной разработанности проблемы показал, что можно выделить несколько основных этапов изучения истории становления и развития школьного образования. Работы периода 1920-х гг. отражали характерные особенности поиска путей создания новой системы советского образования и брали за основу труды партийных лидеров и руководителей народного образования (В.И. Ленин, Н.К. Крупская, А.В. Луначарский)³. Труды Л.Д. Синицкого, С.А. Каменева, посвящённые вопросам организации системы советского образования, указывают на сложность про-исходящих событий, неоднозначность принимаемых решений⁴.

Второй историографический этап (середина 1930-х – середина 1950-х гг.) отличался жёсткой идеологизацией и воздействием на изучение истории просвещения идей «Краткого курса истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)». Однако стоит отметить исследование Н.А. Константина и Е.Н. Медынского «Очерки истории советской школы РСФСР за 30 лет», в котором впервые комплексно рассматриваются основные стороны системы образования: административное управление, материально-техническое обеспечение, определение содержания обучения, подготовка педагогических кадров⁵.

Третий историографический этап (середина 1950-х — конец 1980-х гг.) характеризуется появлением и расширением нового круга вопросов и проблематики. В работе Ф.Ф. Королева и З.И. Равкина «Очерки по истории советской школы и педагогике» отражено системное исследование процесса становления советского образования⁶.

Четвёртый этап (с 1991 г. по настоящее время) отличает поиск новых подходов к изучению и оценке исторических событий, междисциплинарность, объективность при анализе процесса формирования системы образования.

К моменту прихода к власти у большевиков не было разработанных планов реформирования системы народного образования. Частично использовались предложения представителей дореволюционной школы, частично – идеи марксизма. Однако чаще действовали методом проб и ошибок. Времени и квалифицированных кадров (к тому же готовых к сотрудничеству с со-

³ Крупская Н.К. Народное образование и демократия. М., 1921; Ленин В.И. О народном образовании. М., 1977; Луначарский А.В. Проблемы народного образования. М., 1923.

⁴ Каменев С.А. Советская трудовая школа. 1925; Синицкий Л.Д. Трудовая школа, ее принципы, задачи и идейные корни в прошлом. М., 1922.

⁵ Константинов Н.А. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М., 1948.

⁶ Королев Ф.Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1921–1931. М., 1961.

ветской властью) для детальной подготовки столь серьёзного и сложного мероприятия на тот период не было⁷. В результате 1920-е гг. можно охарактеризовать как время разнообразных экспериментов и новаций.

В интересах восстановления жизненно важных отраслей производства расходы на социально-культурные мероприятия, в том числе на народное образование, были значительно сокращены: к 1922 г. доля ассигнований государственного бюджета на народное просвещение уменьшилась в пять раз. В этих условиях Народный комиссариат просвещения оказался не в состоянии обеспечить нормальное функционирование образовательной системы⁸. Она была поставлена на грань выживания: началось резкое сокращение числа учебных заведений, многие школы считались действующими лишь формально, на практике они месяцами были закрыты из-за отсутствия топлива, средств, массового увольнения учителей, вынужденных искать возможность заработать и прокормиться. Народный комиссар просвещения А.В. Луначарский отмечал, что дело народного образования «душит» материальная нужда, что школа умирает на глазах, а комиссариат бессилен спасти учителя от голодной смерти⁹.

С.И. Пухальский, член Тверского горсовета и губисполкома, заведующий городским и губернским отделами народного образования, член общества изучения Тверского края, подробно осветил ключевые проблемы развития народного образования в Тверской губернии. Например, в Весьегонском уезде лишь три школы из 136, с его слов, удовлетворяли нормальным условиям обучения. В целом по губернии было катастрофически мало специальных школьных зданий, многие из которых, в свою очередь, нуждались в ремонте. Большинство школ находились в тесных помещениях, простых крестьянских избах. Отмечались недостаток освещения, недостаток воздуха, отсутствие элементарных удобств. Зимой 1920 г. регулярно не работали многие городские и сельские школы, снабжение керосином производилось лишь в Корчевском уезде. В школах Тверской губернии практически отсутствовало снабжение школьным инвентарем – один карандаш приходился на 7–10 человек, на одного ученика – 1 перо в год, 6 листов бумаги; азбуки и буквари направлялись только во вновь открываемые школы из расчёта 2–3 экземпляра на учебное заведение¹⁰.

Что касается кадрового потенциала, можно отметить острый дефицит учителей (как в губернском центре, так и на местах). В 1920 г. недостаток учителей составлял 2 тыс. чел., который не могли покрыть существующие в Тверской губернии педагогические учебные заведения: Институт народного образования – 2 (Тверь, Ржев), постоянные 3-годичные педагогические кур-

⁷ Луначарский А.В. Вновь к старым задачам! // Народное просвещение. М., 1923. № 3. С. 1.

⁸ Плюснин-Кренин Б. Под тем же знаменем // Народное просвещение. М., 1921. № 87–88. С. 2.

⁹ Луначарский А.В. О народном образовании. М., 1958. С. 237.

¹⁰ Пухальский С.И. Народное образование // Сборник материалов. 1921. С. 91.

сы – 9, одногодичные педагогические курсы – 4, общее число учащихся – 1700 чел. (выпускаются в 1921 г. – 375 чел. в 1922 г. – 470 чел.)¹¹.

В губернии отмечался общий упадок квалификации учителей. Краткосрочные курсы не могли решить проблему, так как наиболее ценные кадры уходили из этой сферы деятельности в связи со сложными материальными условиями работы. Большинству школьных работников приходилось работать в две смены, заниматься ликвидацией неграмотности среди взрослого населения и в красноармейских частях, вести внешкольную работу (организация кружков, постановка спектаклей, вечеров), проводить переписи, учёты¹².

Предельно ограниченные возможности централизованного финансирования народного образования диктовали необходимость привлечения на его содержание средства местных бюджетов. Начало двухуровневого финансирования, из центрального и местного бюджетов, было положено на рубеже 1921–1922 гг. Согласно декретам СНК от 9–10 декабря 1921 г. «О местных денежных средствах» и «О местных бюджетах», на места передавалась часть расходов на содержание массовых социально-культурных учреждений, в том числе и учебных заведений, административно-хозяйственные расходы их органов управления. На государственном бюджете оставались расходы на заработную плату служащих аппарата управления и его основные операционные расходы. Начавшись в 1921 г., процесс выделения системы местных бюджетов, формирования их структуры завершился только в 1926 г.

Практика школьного строительства в этот период показала, что в условиях реструктуризации финансирования из центрального бюджета, не завершённости процесса формирования местной бюджетно-финансовой системы, хронической нехватки средств центрального и местного бюджетов на поддержку учебных учреждений двухуровневая форма финансирования была не в состоянии предотвратить деструктивные процессы в системе школьного образования. В сложившейся ситуации власть обратилась к использованию многоканальной системы финансирования народного образования, основным компонентом которой, помимо средств центрального и местного бюджетов, являлись внебюджетные источники.

15 сентября 1921 г. СНК РСФСР было принято постановление «О мерах к улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений», которое по существу явилось первой попыткой советской власти в условиях кризиса приостановить стихийное разрушение школьной системы и урегулировать формы и методы привлечения внебюджетных средств для поддержания народного образования¹³.

Месяц спустя ЦК РКП(б) отправил на места циркулярное письмо «О порядке привлечения местных средств к расходам по содержанию просвети-

¹¹ Пухальский С.И. Указ. соч. С. 90.

¹² Там же. С. 88.

¹³ Плюснин-Кренин Б. Указ. соч. С. 2.

тельных учреждений», в котором поставил перед партийными организациями задачу оказать отделам народного образования всемерную помощь в мобилизации средств населения на нужды школы. Таким образом, в конце 1921 г. вопрос внебюджетного финансирования народного образования приобретал нормативную основу в документах государственного, партийного и ведомственного уровня. Вопросы организационно-финансового состояния системы местных бюджетов, внебюджетного финансирования впервые стали предметом обсуждения на X Всероссийском съезде Советов в декабре 1922 г. Было принято решение об укреплении материальной базы школ и расходовании 20 % доходной части бюджета местных советов на нужды народного образования, рекомендовалось активно привлекать в качестве антикризисной меры внебюджетные источники финансирования – средства населения в различных его формах. Делегаты говорили, что поиски путей поддержки школы, которые позволили бы ей выжить в тяжёлых экономических условиях, «сплошь и рядом принимали самые уродливые и ненормальные формы, это находило выражение в кустарно и неорганизованно проводимых самообложениях в сельской местности, передаче отделами народного образования учебных учреждений в частные руки, установлении платы за обучение, введении «поголовного» обложения родителей»¹⁴.

Было очевидно, что неудачный опыт местных властей по использованию средств населения в таких формах требовал пересмотра и регламентации. Как показала практика привлечения внебюджетных средств, крестьяне, понимая необходимость материальной поддержки школы, в качестве добровольной помощи соглашались выполнять работы в пользу школы, например, сделать сруб, провести мелкий ремонт. Но сбор продовольствия в пользу школ проводился с трудом. Подавляющее большинство крестьянских хозяйств после Гражданской войны, неурожая 1921 г. и его последствий испытывали серьёзные экономические трудности и были не в состоянии выполнить норму по самообложению, материально поддержать школу. Перед ними стояла гораздо более насущная жизненная проблема – преодолеть голод, выжить самим. В мае 1922 г. руководство отделов народного образования признавало, что кампания самообложения провальная¹⁵. В качестве причин провала указывались халатное отношение, самоустраниние от кампании. Однако сложившееся положение было обусловлено не только организационными причинами, но и тем, что задачи по самообложению не соответствовали материальным возможностям крестьянства. В результате проводимое добровольно-принудительными методами самообложение как источник поддержки сельской школы и учителя в 1921–1922 учебном году, на практике не оправдало себя. Неэффективность кампании и продолжающееся стихийное закрытие сельских школ побудили власти в

¹⁴ Ялозина Е. А. Многоканальное финансирование советской школы в годы НЭПа как антикризисная мера: исторический аспект вопроса // Вестник Московского государственного областного университета. Раздел: Новейшая история России. 2010. № 3. С. 82.

¹⁵ Пухальский С.И. Указ. соч. С. 92.

начале следующего учебного года обратиться к другой форме помощи населения школе – на договорных началах.

Согласно заключённым с крестьянством договорам, школы находились в ведении отделов народного образования, но содержались преимущественно за счёт местного населения, которое имело право контролировать средства, ассигнованные на расходы школе. Процесс заключения договоров зимой-весной 1923 г. проходил трудно, но, по сравнению, с неэффективным принудительным самообложением населения, добровольная договорная кампания реализовывалась на 20–25%, что всё же давало возможность поддерживать школу и учителя¹⁶. При реализации договоров проявилась и обратная сторона этого процесса. Угрожая лишением материальной поддержки, крестьянское сообщество диктовало свои условия школе: учителя, работавшие на договорных началах, обязывались преподавать письмо и арифметику в рамках дореволюционных учебных программ, а также Закон божий. Отсутствие у местных властей достаточных рычагов контроля и противодействия этой тенденции (в конце 1922 – начале 1923 гг. штаты окружных отделов народного образования были сокращены, а волостные отделы как структура полностью ликвидированы) ставило отделы народного образования перед выбором: отказаться от такой формы поддержки сельской школы или пожинать плоды договорной кампании «покрестьянски».

В условиях, когда школа рассматривалась как важный участок идеологического фронта, а постановка дела образования осуществлялась в соответствии с принципом, сформулированным X Съездом РКП(б): «Всё просвещение в коммунистическом государстве может быть только коммунистическим и никаким другим», власть не могла допустить, чтобы образовательный процесс в школе шёл вразрез с государственной просвещенческой политикой и идеологией. Весной 1923 г. исполкомы приняли решение отказаться от практики договоров с населением и приступили к поэтапному сокращению и переводу этих учебных заведений на местный бюджет¹⁷. Для поддержки школы на местах широко использовались различного рода фонды, создававшиеся из денежных и натуральных поступлений. Власть высказалась за то, чтобы на средства фондов «насаждать школы, потому что в округах нет зданий», а также закупать учебники в школы. Основным видом деятельности фондов в поддержку сельской школы стало приобретение учебников. Однако не всегда и не везде эти фонды работали активно в данном направлении. Обеспечение учебниками сельской школы в 1923/1924 учебном году осуществлялось на 15–40%¹⁸.

Наиболее стабильным источником внебюджетного финансирования школы в 1920-х гг. была её собственная хозяйственная деятельность на пришкольном участке. Возможность наделения школ земельными участка-

¹⁶ Ялозина Е.А. Указ. соч. С. 82.

¹⁷ Постановление Центрального исполнительного комитета СССР «Временное положение о местных финансах» от 12.12.1923.

¹⁸ Тверская губерния в 1926–1928 гг. Тверь, 1929. С. 192.

ми определялась постановлением СНК РСФСР от 15 августа 1921 г. «О мерах по улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений»¹⁹. Предполагалось, что полученные средства от реализованного со школьного участка урожая будут использованы на ремонт и содержание школы, её хозяйственные нужды. В свою очередь, Наркомпрос отмечал важность для школы такой статьи дохода, как урожай с земельных участков, и в своих циркулярах призывал местные власти шире использовать посевную кампанию для организации школьных участков, огородов, плантаций. Практика школьного строительства во второй половине 1920-х гг. подтверждала, что хозяйственная деятельность на пришкольном участке занимала весомое место в улучшении материально-технического состояния сельской школы, особенно при подготовке к началу учебного года, и являлась в этом смысле важным источником внебюджетного финансирования. Слабое развитие общественной местной инициативы, отсутствие пришкольных участков отмечается в Осташковском, Бежецком, Кимрском уездах²⁰.

Другим источником внебюджетного финансирования образовательных учреждений и возможного смягчения их кризисного положения была помочь школам со стороны шефских организаций и предприятий. Кампания шефской помощи разворачивается в начале 1922 г. В ходе этого мероприятия исполнкомы, как правило, прикрепляли, школы к государственным, кооперативным, общественным организациям. Многие предприятия, проявляя инициативу, добровольно брали шефство над школами. Но в 1923 г. их энтузиазм заметно ослаб, шефская помощь как источник финансирования школы начала давать сбои. Тогда власти запустили механизм административно-партийного принуждения и контроля за выполнением шефских обязательств предприятиями. В таком виде эта форма поддержки школы существовала и во второй половине 1920-х гг. Кризисное положение школы заставляло органы власти расширять базу её финансирования за счёт внебюджетных средств. В дальнейшем становилось очевидным, что чрезвычайный режим использования подобных «ресурсов» не мог быть рассчитан на длительный период и при этом оставаться достаточно эффективным²¹.

Важная роль в материальной поддержке школы в 1920-е гг. принадлежала родительским комитетам. Их финансовая деятельность строилась в соответствии с «Положением о комитетах содействия благоустройству школ» (комсодах), которые начиная с 1922–1923 учебного года были созданы при школах. Главная задача комитетов заключалась в оказании помощи школьному совету в организации материально-хозяйственной стороны жизни школы, в проведении в жизнь директив отделов народного образования. Для изыскания средств на поддержание школы комсодам представлялись широкие возможности: организовывать взносы родителей, проводить сборы от платных вечеров, принимать добровольные пожертвования

¹⁹ Декрет Совета народных комиссаров «О мерах по улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений» от 15.09.1921.

²⁰ Тверская губерния в 1926–1928 гг. С. 194.

²¹ Там же. С. 193.

ния отдельных лиц и учреждений, привлекать для оказания помощи шефов. Собранные ими в 1923–1925 гг. суммы давали возможность не только произвести ремонт, доплаты учителям, заготовить топливо, оплатить хозяйственные расходы, но и содержать библиотеки, предметные кабинеты. Во второй половине 1920-х гг. самообложение родителей учащихся по-прежнему было главным источником средств комсодов. Собранные таким образом суммы составляли около 90 % всех средств, затрачиваемых школами на хозяйственные нужды²². Практика работы комсодов по самообложению родителей учеников показала очевидную экономическую целесообразность данной формы привлечения внебюджетных средств и эффективно использовалась в дальнейшем.

Не менее важным источником внебюджетного финансирования школы была введенная в декабре 1922 г. плата за обучение. Попытки её введения на местах предпринимались с 1921 г., однако подобные инициативы в тот период рассматривались как преступление по должности и пресекались властями в соответствии с основным принципом государственной просвещенческой политики о бесплатном образовании. В условиях углубляющегося экономического кризиса X Всероссийский съезд Советов вынужден был пойти на компромисс и разрешить в виде временной меры, рассчитанной на тяжёлый переходный период, введение в городских школах платы за обучение²³. При этом основная тяжесть переносилась на плечи более обеспеченных слоёв населения, давались твёрдые гарантии льготных условий платности, а также бесплатности для менее обеспеченных слоёв трудящихся и инвалидов войны. Регламентацией этой процедуры, установлением форм платности, выработкой соответствующих инструкций о порядке взыскания сумм и размеров платы для различных категорий учащихся совместно занимались отделы народного образования, профсоюз и исполком. Согласно изданному в январе 1923 г. «Положению о плате за право учения», плата взималась по принципу классовой дифференциации плательщиков и в зависимости от заработка родителей учащихся²⁴. Определённым социальным категориям граждан предоставлялись льготы. Положение определяло, что плата за учёбу в школах городов и поселений городского типа должна взиматься с граждан, живущих на средства, получаемые от торговых, промышленных и других приносящих доход предприятий, а также со служителей религиозных культов, граждан свободных профессий (адвокаты, художники, ремесленники). С рабочих и служащих, получавших зарплату выше 12-го разряда, плата взималась в том случае, если она была не менее 20 руб. Отчисления от их зар-

²² Тверская губерния в 1926–1928 гг. С. 199.

²³ Ялозина Е.А. Плата за обучение в советской школе в 1920-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Раздел: исторические науки и археология. Тамбов, 2015. С. 219.

²⁴ Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета Совета народных комиссаров РСФСР «О порядке взимания платы за обучение в учреждениях народного комиссариата просвещения» от 22.03.1923.

платы составляли 1–5 % за одного ребенка независимо от числа обучающихся-ся детей в семье. От платы за обучение освобождались рабочие, получавшие зарплату ниже 13-го разряда, государственные пенсионеры, безработные, круглые сироты, инвалиды труда и войны. В список льготных категорий, освобождённых от платы за обучение, входили военные – рядовые, коман-диры, комиссары и армейские политработники, а также работники просве-щения, состоявшие на службе в учреждениях Наркомпроса. Установленная положением платы за обучение должна была вводиться в школах областных центров с 1 января 1923 г., а в школах окружных центров – с февраля 1923 г. Одни школы, уже практиковавшие платность и прежде, с введением положения всего лишь легализовали и регламентировали свои действия, другие начали постепенно вводить положение с момента опубликования, среди них к концу года оставались и такие, где плата за обучение всё ещё не была вве-дена²⁵. Первые результаты показали, что собранные школами суммы были в несколько раз меньше ожидаемых. Вместе с тем из школ начался отток уча-щихся, не сумевших заплатить за обучение. По этой причине к концу 1922/1923 учебного года количество учащихся в школах сократилось в сред-нем на 12 %. Такие последствия безусловно вызывали обеспокоенность ру-ководителей органов народного образования, декларировавших всеобуч, од-нако в условиях кризиса важным было прежде всего сохранить саму школу. Поэтому проблема самоотсева учащихся рассматривалась как временная. Насущной задачей в дальнейшем стало упорядочение и активизация сбора платы за обучение и, таким образом, пополнение внебюджетных доходов в поддержку школы. Распоряжением Наркомпроса в 1925 г. размеры платы за обучение были изменены. В незначительной мере это коснулось рабочих и служащих, заработок которых составлял 25–120 руб. Но для другой катего-рии населения, чьи доходы превышали указанные, плата за обучение их де-тей в школе была увеличена в 1,5–3 раза. Если, к примеру, кустари-одиночки в предыдущем учебном году платили 1–3 руб., то новое распоряжение уста-навливало эту плату в размере 4 руб. Торговцы 2-го разряда, платившие ра-нее 3–6 руб., в новом учебном году вносили за своих детей плату в размере 7–8 руб. Для торговцев 3-го разряда эта сумма составляла 10 руб., а для граждан «свободных профессий» и служителей культа – от 10 до 25 руб.²⁶

Таким образом, использование системы многоуровневого финанси-рования образования позволило советской власти поддерживать школу в качестве важного общественного института, не допустить её разрушения. В сложных экономических условиях 1920-х гг. это была оптимальная мера, направленная на обеспечение реконструкции системы народного образова-ния. Это позволило увеличить расходы на заработную плату, хозяйствен-ные расходы, приобретение инвентаря. В Тверской губернии было постро-ено 65 новых школ и отремонтировано 548 зданий²⁷. Однако проблемы не-

²⁵ Ялозина Е. А. Многоканальное финансирование советской школы в годы НЭПа как антикризисная мера... С. 83.

²⁶ Лопатина О. И. Платность // Народное просвещение. 1923. № 3. С. 3-5.

²⁷ Тверская губерния в 1926–1928 гг. С. 194.

достаточности кадрового потенциала, снабжения учебной литературой, уход обучающихся из школы не были решены. В начале 1930-х гг. государственные расходы на образование были существенно увеличены, отменена плата за обучение, упразднены фонды, действовавшие за счёт самообложения населения, что позволило создать эффективную материальную базу советской системы образования.

Список литературы:

1. Лопатина О.И. Платность // Народное просвещение. М.: Гос. изд-во, 1923. – 79 с.
2. Плюснин-Кренин Б. Под тем же знаменем // Народное просвещение. М.: Гос. изд-во, 1921. № 87–88. С. 1–2.
3. Пухальский С.И. Народное образование // Сборник материалов. Гос. изд-во. Тверское отделение, 1921. С. 87–93.
4. Ялозина Е. А. Многоканальное финансирование советской школы в годы НЭПа как антикризисная мера: исторический аспект вопроса // Вестник Московского государственного областного университета. Раздел: Новейшая история России. М., 2010. № 3. С. 80–85.
5. Ялозина Е.А. Плата за обучение в советской школе в 1920-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Раздел: исторические науки и археология. Тамбов: Грамота, 2015. № 12. Ч. 3. С. 218–221.

Об авторе:

ПЛАХИНА Анна Васильевна – аспирант, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет, (170100, Тверь, ул. Трехсвятская, д. 16/31), e-mail: Anette18@yandex.ru

SCHOOL EDUCATION IN TVER PROVINCE IN THE 1920 S.

A.V. Plakhina

Tver State University, Tver', Russia

The article is devoted to the analysis of one of the most pressing problems in the early years of the Soviet government - the financing of public education. The publication describes the methods and methods of creating an effective system of school support and development in Tver province based on the reports of the Gubernatorial Executive Committee. The problems and difficulties faced by the Soviet government and local authorities in trying to build a new state education system are revealed, and proposals for creating an effective financial base are analyzed.

Keywords: *public education, Tver province, two-level financing, reform, expenses, human resources, school construction, extra-budgetary funds, tuition fees, funds.*

About the author:

PLAKHINA Anna Vasil'evna – Post-Graduate Student, Tver State University, Direction «Russian History», (170100, Tver. st. Trekhsvyatskaya, 16/31), e-mail: Anette18@yandex.ru

References

- Lopatina O.I., *Platnost'*, Narodnoe prosveshchenie, M., Gos. Izd-vo, 1923. – 79 s.
- Pljusnin-Krenin B., *Pod tem zhe znamenem*, Narodnoe prosveshchenie, M., Gos. Izd-vo, 1921, № 87–88, S. 1–2.
- Puhal'skij S.I., *Narodnoe obrazovanie*, Sbornik materialov, Gos. Izd-vo, Tverskoe otdelenie, 1921, S. 87–93.
- Jalozina E.A., *Mnogoranal'noe finansirovaniye sovetskoy shkoly v gody NEPa kak antikrizisnaya mera: istoricheskij aspekt voprosa*, Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, Razdel, Novejshaja istorija Rossii, M., 2010, № 3, S. 80–85.
- Jalozina E.A., *Plata za obuchenie v sovetskoy shkole v 1920 gg.*, Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Razdel: istoricheskie nauki i arheologija, Tambov, Gramota, 2015, № 12, Ch. 3, S. 218–221.

Статья поступила в редакцию 22.07.2023 г.

Подписана в печать 15.11.2023 г.

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(470.23-25).083+37.058
DOI 10.26456/vthistory/2023.3.111–126

ПРЕПОДАВАТЕЛИ ЧАСТНЫХ ШКОЛ В СОЮЗЕ УЧИТЕЛЕЙ И ДЕЯТЕЛЕЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ¹

Е.В. Пономарев

АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге»,
г. Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена деятельности влиятельной в академической среде профессионально-политической организации – Союзу учителей и деятелей средней школы в период первой русской революции. Съезды и педагогические курсы как основные формы работы союза анализируются по материалам брошюр и других печатных материалов. Рассматриваются попытки в 1905 г. создать единый учительский союз как наиболее эффективную профессионально-политическую организацию. На основе печатных материалов Союза впервые установлена и проанализирована профессиональная принадлежность его лидеров. В заключение делается вывод, что в деятельности Союза определяющую роль сыграли учителя частных школ Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: Союз учителей средней школы, первая русская революция, Санкт-Петербург, частные школы, съезд, учительские курсы.

Представители Союза учителей средней школы (далее Союз – Е.П.), созданного в феврале 1905 г., послали своих делегатов на учредительный съезд Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию, который проходил в первой половине июня, чтобы договориться о вхождении в новую организацию на правах федеративной автономии. Представляя Союз, директор Тенишевского коммерческого училища А.Я. Острогорский признал, что школьная среда «инертна», а также высказал сомнение, что её удастся «поднять»². «Мой долг призывает меня в тихое озеро, где мы выучимся плавать, чтобы потом прийти к вам»,³ – утвер-

¹ Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент, АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге» Ю.А. Сафонова.

² Без автора. Протоколы всероссийского съезда делегатов учителей низшей и средней школы и деятелей по внешкольному образованию // Вестник всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию. № 2. 1905. С. 32.

³ Там же. С. 34.

ждал оратор, подчёркивая, что радикальная политическая деятельность в рамках Всероссийского союза отпугнет осторожного учителя средней школы. Таким образом, вопреки представлениям о революционной активности и профессиональной солидарности учителей во время первой русской революции, мы видим довольно пёструю картину, в которой учителя средней школы занимают обособленную позицию. Осознание специфики своих задач и целевой аудитории, приводило к созданию особых форм общественной активности, которую учителя средней школы создавали в пределах собственной формальной организации, причём, как будет показано ниже, определяющую роль в этом движении сыграли учителя частных учебных заведений.

Общественно-педагогическому движению во время революции 1905–1907 гг. посвящена обширная историография, которая главным образом сосредотачивается на учителях сельских школ, справедливо отмечая их значительную роль в рассматриваемых событиях⁴. Историк Скот Серегни, исследуя народных учителей в Российской империи, отмечает, что государство, опасаясь учителей, искусственно пыталось изолировать их от общества и друг от друга, запрещая различную кооперацию и жестко контролируя благонадежность педагогов в последней трети XIX в.⁵ Период 1894–1904 гг. стал временем роста активности местных губернских и уездных съездов, которые позволили сформироваться сельским учителям как профессиональному сообществу⁶. Рассматривая вопрос о степени участия средней школы в революционных событиях, исследователи говорят о «школьной революции»⁷, подразумевая политическую активность школьников на фоне общей пассивности их педагогов. В первую очередь речь идет об учителях, работавших в государственной системе образования, в то время как педагоги частных школ оставались за рамками изучения общественного движения начала XX в.

Негативные оценки участия учителей средней школы в политических событиях 1905–1907 гг. имеют долгую историографическую традицию. В 1920-е гг. комиссия Истпрофа собирала материалы для создания фильма о педагогическом движении, в котором все учительские союзы подавались бы как звено на пути к созданию настоящей профессиональной организации педагогов⁸. В этой истории учителям средней школы, в отличие от их коллег из народных школ, отводилась незавидная роль. Характерным является письмо некого Саввы Леонтьева – практиканта отдела службы движе-

⁴ Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History. Armonk. M. E. Sharpe. Inc. 1996. С. 170.

⁵ Там же. С. 173–175.

⁶ Там же. С. 178.

⁷ Пацкова Т.И. Учительский «бунт» (о истории волнений в Санкт-петербургском первом реальном училище в 1905–1906 гг.) // Вестник Пермского университета. 2014. Вып. 3(26). С. 132.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р- 6862. Оп. 1. Д. 22. Л. 60.

ния Пермской железной дороги, который написал в комиссию Истпрофа объемный текст «Об истории социал-демократических педагогических организаций»⁹. В нём он пренебрежительно указывал на то, что учителя средней школы «удовлетворились многотомными трудами комиссии штрехбрехеров... созданием должностей старост учеников, [и] создавали т. н. родительские комитеты»¹⁰. При таком взгляде на учительское движение Союзу как организации, члены которой «стояли обособленно, требуя себе автономии»¹¹, закономерно не находилось места. Его члены безнадёжно отстали от действительности: они не смогли выйти за пределы просветительских обществ и, идеологически оставаясь на народнической интеллектуальной почве, стремились «руководить народом»¹².

В позднейшей историографии Союз учителей средней школы рассматривался в контексте других учительских союзов и не анализировался как самостоятельное явление. Б. К. Тебиев в монографии, посвящённой общественно-педагогическому движению начала XX в.¹³, попытался кратко охарактеризовать деятельность Союза. Автор указывал, что Союз был одним из многих объединений в ряду профессиональных организаций педагогов, а программа Союза давала возможности объединения с Всероссийским союзом учителей и деятелей по народному образованию. Тебиев указывал, что революция 1905 г. породила такой феномен как педагогическое творчество народных масс¹⁴, однако в работе он не даёт комментариев, относятся ли учителя средних школ к народными массам. Г.А. Шаркова в диссертации, посвящённой преподавателям средних учебных заведений конца XIX – начала XX в., отнесла Союз к профессиональным организациям, чтоискажает картину его деятельности¹⁵. И. В. Зубков ограничился кратким замечанием о том, что «Союз учителей средней школы не пользовался значительным влиянием»¹⁶ и распался после третьего заседания.

Таким образом, на сегодняшний день в историографии отсутствует описание деятельности Союза учителей и деятелей средней школы; не предпринимались попытки проанализировать его персональный состав. Для восполнения этой лакуны необходимо рассмотреть следующие вопросы: какими были основные этапы развития Союза? Какие формы деятельности использовали учителя союза? В чём заключалась его профессионально-политическая и идеиняя платформа? Какую роль в нём играли учи-

⁹ ГАРФ. Ф. Р- 6862. Оп. 1. Д. 22. Л. 13.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Д. 22. Л. 60.

¹² Там же. Л. 84.

¹³ Тебиев Б.К.-Г. На рубеже веков: Правительственная политика в области образования и общественно-педагогическое движение в России конца XIX – нач. XX в. М., 1996.

¹⁴ Там же. С. 138.

¹⁵ Шаркова Г.А. Преподаватели общеобразовательных средних учебных заведений Москвы в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

¹⁶ Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX века / Отв. ред. Туманова А.С. М., 2011. С. 681.

теля частных школ? Наконец, почему представители средней школы настаивали на сохранении своей автономии в рамках общероссийской профессионального объединения педагогов?

Первый учредительный съезд Союза прошёл в феврале 1906 г. в Финляндии¹⁷. Выступления председателя съезда А.Л. Липовского проливают свет на убеждения преподавателей относительно существующей средней школы. Он отмечал, что «... с развитием освободительного движения параллельно зреет и растет движение за реформу средней школы». Другое его высказывание о том, что «старая школа... как и старый режим осужден на смерть»¹⁸, демонстрирует связь педагогических убеждений с политическими. Приняв на первом съезде устав Союза, учителя также сформулировали предложение о соединении со Всероссийским союзом учителей¹⁹.

В газетной заметке, сообщавшей о прошедшем съезде, было указано пять фамилий людей, к кому можно обратиться «за всякими запросами и заявлениями»²⁰, т. е. членов Союза, взявших на себя организационные обязанности. Остановимся подробнее на этих людях и их профессиональной принадлежности. Петербургская школа была представлена Александром Лаврентьевичем Липовским, директором гимназии и реального училища К. Мая, и Артом Яковлевичем Заксом, с 1902 г. состоявшим на работе в Тенищевском коммерческом училище²¹. Остальные были представителями образовательной среды Москвы: Георгий Авксентьевич Лучинский – переводчик, сотрудничавший в начале XX века в издательстве БЭСБЕ; Александр Александрович Крубер – видный географ, выпускник Московского университета; Михаил Nikolaевич Коваленский – историк, автор известного учебника, преподаватель Пречистенских курсов²², Борис Сергеевич Швецов – известный химик.

На сегодняшний день не удалось обнаружить полный список учителей-участников Союза. По-видимому, отсутствие такого списка связано с тем, что участники организации осознанно встали на путь отказа от её легализации, что приводило к тому, что они скрывали свою деятельность. Восстанавливать состав Союза приходится по косвенным данным, в частности, по протоколам съездов различных союзов, брошюрам, газетным объявлениям, переписке. При таком подходе в поле зрения неизбежно оказываются его самые активные члены. В своих воспоминаниях Н. Супруненко, участница первого съезда в Иматре, писала, что «... организовать группу учителей союза из учителей гимназии, где я учительствовала в то

¹⁷ ГАРФ Ф. Р-6862. Оп. 1. Д. 30. Л. 16.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Самоорганизация российской общественности... С. 681.

²⁰ Там же.

²¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 176. Оп. 2. Д. 130.

²² Ситник В.С. Коваленский – историк и педагог. Воронеж, 1976. С. 7–9.

время, мне не удалось. Я поехала от самой себя»²³. Это ещё раз наталкивает на вопрос о том, сколько на съезде в действительности было представителей групп, а сколько таких участников, приехавших «от самих себя», и усложняет даже примерный подсчёт участников Союза в России.

По свидетельству Супруненко, провинциальными учителями съезд Союза воспринимался как передовое событие в жизни средней школы. Она писала: «... я видела и слышала лучших передовых учителей средней школы. В их докладах о новой школе было много нового, интересного, полезного, не противоречащего задачам современной советской школы»²⁴. В воспоминаниях, созданных для Истпрофа, подчёркивался радикальный характер деятельности Союза, поскольку упоминание об участии в организации, членов которой называли «штрехбрехерами»²⁵ и упрекали в попытке «занять кресло в чиновничьей администрации»²⁶, вовсе не добавляло очков в конструировании революционной биографии. Супруненко настаивала, что за пределами заседаний съезда, несмотря на повестку, шли обсуждения политических вопросов: «в частных разговорах мне приходилось узнавать, что многие присутствующие всё-таки были на местах участниками политической борьбы, были пострадавшие за политические убеждения и продолжавшие работать»²⁷.

Хотя в повестку съезда действительно не были включены политические вопросы, главной задачей, закреплённой в уставе Союза, была «борьба за свободную, автономную и демократическую школу»²⁸. Такая борьба включала в себя критику существующей государственной школы, «пересмотр приемов преподавания и радикальный критический пересмотр всей учебной литературы»²⁹.

В пояснительной записке к уставу для будущих членов Союза раскрывался смысл ключевых понятий. Демократизация «по месту, по плате, по устраниению всяких препятствий поступлению в школу – сословных, вероисповедных, национальных, различиях пола»³⁰. Автономность школы должна была характеризоваться «коллегиальным ведением дел в школе, с выборными на срок должностными лицами и с пополнением педагогического состава путем кооптации»³¹. Под свободой понималось «право общественной и частной инициативы на открытие и организацию школы явоч-

²³ ГАРФ. Ф. Р-6862. Оп. 1. Д. 90. Л. 3.

²⁴ Там же. Л. 3.

²⁵ Там же. Д. 26. Л. 13.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Д. 90. Л. 3.

²⁸ Всероссийский союз учителей и деятелей средней школы. Устав Союза; Объяснительная записка к уставу; Резолюции, принятые 1-м Всероссийским съездом учителей и деятелей средней школы. М., 1906. С. 1.

²⁹ Второй делегатский съезд Всероссийского союза учителей и деятелей средней школы. СПб. 1908. С. 20–21.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-6862. Оп. 1. Д. 31. Л. 1 об.

³¹ Там же.

ным порядком и свободу от полицейско-бюрократического воздействия»³², и наконец «общеобразовательный и светский характер»³³, а также связь с начальной школой³⁴.

Резолюции съезда также демонстрируют связь политических убеждений и педагогических идей членов Союза. Отмечалось, что «прогрессивной части учительства, сознавшей свой долг перед страной... приходится признать, что она не в силах извлечь учащихся из их нынешнего невыносимого положения, пока коренным образом не изменится общее политическое состояние страны»³⁵.

В объяснительной записке к уставу, принятой на первом съезде и опубликованной в прессе, Союз демонстрировал свое понимание момента: текущий период назывался «переходным»³⁶, а сами смелые картины будущего характеризовались неопределенностью: «мы не знаем, куда направится общественное движение. Будет ли революция буржуазной или социалистической»³⁷. Характерной чертой всех заявлений от имени Союза в указанный период является ожидание скорого распада политической системы. Члены организации связывали будущее с изменением образовательной политики и появлением нового органа, которое создаст «будущее демократическое государство»³⁸. Отсюда вытекали тактические планы Союза по реализации свободной и демократической школы: «отказаться в данный переходный момент от настоящего школьного строительства» и сфокусироваться на других целях – «работа наша сейчас... отрицательная – устранять и бороться со всем, что противоречит демократизму и внутренней свободе в школе»³⁹. Таким образом, Союз в начале 1906 г. неставил перед собой цели создания системы принципиально новых школ, сосредоточившись на краткосрочных тактических задачах.

Хотя полный список членов Союза в нашем распоряжении отсутствует, в печатанных материалах I съезда указаны его делегаты. Делегаты представляли местные организации Союза, в том числе в Петербурге. Председателем съезда был упомянутый выше А.Л. Липовский, а товарищем председателя был избран М.Н. Коваленский⁴⁰. Секретарями съезда значатся А.К. Лютш, уволенный из всех казённых учреждений преподаватель, с 1906 г. состоявший в частной Преображенской новой школе товарищества учителей⁴¹; К.К. Баумгард, преподававший на вечерних курсах

³² ГАРФ Ф. Р-6862. Оп. 1. Д. 31. Л. 1 об.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 2 об.

³⁶ Там же. Л. 2.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Учебник русской истории для старших классов среднеучебных заведений: Ч. 1–3 / сост. Михаил Коваленский. М., 1912–1913.

⁴¹ Петербургская историческая школа (XVIII – начало XX вв.): информационный ресурс / Под. ред. А.Ю. Дворниченко и др. СПб., 2016. [Электронный ресурс] URL:

для рабочих в пригородном районе Смоленское⁴²; Н. Н. Кремлева – преподаватель городских начальных училищ⁴³.

Следует также отметить, что в списке членов съезда значатся Н.В. Балаев, Я.Я. Гуревич, О.А. Добиаш (Рождественская) – сестра А.А. Добиаш (А.А. Добиаш, работая в средней школе, состоял Союзе учителей и деятелей школы, в свою очередь его сестра О.А. Добиаш была преподавателем частной гимназии Л.С. Таганцевой и состояла во Всероссийском союзе учителей и деятелей по народному образованию), В. А. Герд, которые были не только преподавателями (в случае Гуревича – владельцами) частных школ, но и активными участниками Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию. Судя по всему, они присутствовали не от имени Всероссийского союза, т. к. такие члены съезда указаны отдельно. В гимназии Л.С. Таганцевой работал указный среди членов съезда С.И. Шохор-Троцкий, а посланный на I съезд Всероссийского союза А.Я. Острогорский был директором Тенишевского училища. Наличие таких делегатов показывает, во-первых, что учителя могли состоять одновременно в нескольких учительских союзах, а во-вторых, важную роль учителей частных школ. Участники съезда посыпались на него от имени местных групп Союза, и отправка учителей частных школ на съезд свидетельствует об их влиянии на местах, а также о большей свободе действий, которой они пользовались.

Основная деятельность Союза была сосредоточена по двум направлениям: это съезды и организация регулярных педагогических курсов в Санкт-Петербурге. Курсы прочно ассоциировались с Союзом: так, письма по поводу курсов содержали приветствие второму, самому массовому съезду Союза⁴⁴.

А.А. Добиаш, выступая на съезде Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию, указывал на то, что политические цели раскрываются в каждой профессии по-разному. Для учителей средней школы они реализовывались в борьбе за подготовку к новой школе: устраниению недемократических порядков и ожиданию скорой смены власти, которая позволит им полноценно включиться в процесс создания новой школы.

Таким образом, анализ доступных источников подтверждает, что существенную часть Союза, особенно в Петербурге, составляли учителя передовых частных школ. Они входили в президиум, выступали от имени Союза

<https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/2063-luts-adolf-karlovic.html> (Дата обращения: 05.08.2023).

⁴² Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917) / Под. Ред. Р.Ш.Ганелин и др. СПб., 2012. [Электронный ресурс] URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/1540-baumgardt-karl-karlovich.html> (Дата обращения: 05.08.2023).

⁴³ Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры. Биографический словарь. Т. 1–4 (электронная версия) / Матеева И.Г., Опалинская М.А. СПб., б.г. [Электронный ресурс] URL: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=547 (Дата обращения: 05.08.2023).

⁴⁴ Второй делегатский съезд Всероссийского союза учителей и деятелей средней школы. Л. 6.

на других съездах, организовывали учительские курсы, т. е. оказывали значительное влияние на деятельность организации, порой не занимая формальных должностей. Такие учителя свободнее критиковали существующие школы и предлагали различные пути формирования нового человека.

Поставленные Союзом задачи реализовывались путём разработки законопроектов в области образования и в форме поддержки частных школ, открытых учителями, покинувшими государственные школы под давлением властей. Для таких учителей идеи свободного воспитания, составлявшие в это время основу проекта новой школы (см.: Пономарев Е.В. Вызов революции 1905 года и передовые учебные заведения // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность. материалы междунар. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред. В.А. Веременко. СПб., 2021. Т. 2. С. 208–214), шли рука об руку с политической борьбой, так как они считали, что иными средствами им не удастся достичь новой свободной школы в условиях гнёта государства. Таким образом, учителя частных школ в Союзе распространяли идеи свободного воспитания, смыкавшиеся с оппозиционными политическими идеями.

В Союзе влиянием пользовались преподаватели частных школ, где обучение было платным, а родители выбирали идеально близкую им школу⁴⁵. В резолюции I съезда отмечалась роль родителей, «оказавших деятельную поддержку школе в трудный момент ее жизни». Вместе с тем Союз приглашал «... принять меры к распространению среди остальной массы родителей *правильных* (здесь и далее курсив наш. – Е.П.) взглядов на... положение школы»⁴⁶. Это демонстрирует формирование особой учительско-родительской оппозиционной среды, объединённой общими идеями⁴⁷. Преподаватели частных школ выделяли круг родителей, чьи дети учились у них, поддерживавших прогрессивные – *правильные* идеи, даже если они очевидно граничили с антиправительственной деятельностью.

Для Союза учителей средней школы был важен вопрос о сосуществовании с другими педагогическими общественными организациями. На момент создания Союза в Петербурге уже был создан Союз учителей и деятелей по народному образованию⁴⁸. Как можно увидеть из протоколов заседания этого Союза, учителя средней школы состояли и в нём тоже. Кроме того, ранее, в октябре 1905 г., наиболее активные учителя Петербурга имели совместный опыт проведения забастовки, который был успешным, массовым, и позволил учителям различных учебных заведений столицы вы-

⁴⁵ Веременко В.А. Исторический опыт воспитания «человека» и «гражданина» в дворянских семьях России (XIX — начало XX века) // XVII Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф. / под общ. ред. В. Н. Скворцова. СПб., 2013. Т. 1. С. 21–27.

⁴⁶ ГАРФ Р-6862. Оп. 1. Д. 31. Л. 2. Об.

⁴⁷ Веременко В.А. Указ. соч. С. 27.

⁴⁸ Без автора. Устав Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию // Вестник всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию. № 2. 1905. С. 42.

ступить группой с единными целями. Уже в этот период можно выделить учителей частных школ в специфическую протестную группу. Они подтвердили свое участие в забастовке на отдельном заседании в здании Тенишевского училища, где были только представители частных школ (см.: Пономарев Е.В. Указ. соч. С. 210).

На первом съезде Союза учителей и деятелей по народному образованию в 1906 г. присутствовали представители Союза учителей средней школы. Они предложили создать некую федерацию, которая включала бы в себя отдельные организации на местах, и фиксированное представительство в центральном бюро. Основным аргументом представителей Союза в пользу широкой автономии для решения специальных задач, обусловленных спецификой положения учителя средней школы среди других педагогов, была особенность самой средней школы: «иной социально-классовый состав учеников... разница бытовых и материальных условий всей деятельности учителей низшей и средней школы, наконец специфичность самих форм гнёта»⁴⁹. Представители средней школы считали, что для вовлечения учителей их круга в активную общественную деятельность «необходим свой особый призыв, своя особая деятельность, осуществить которую мы не можем без более самостоятельного положения своих органов»⁵⁰. Только такие условия дадут возможность членам Союза успешно агитировать в своей среде⁵¹. Поскольку союзы деятелей образования ставили перед собой не только политические, но и профессиональные задачи, представители Союза учителей средней школы были убеждены, что «однородность коллегиального состава... обеспечит большее напряжение сил, и большую осведомленность в специальных вопросах»⁵².

Представляя интересы Союза на съезде, А.Я. Острогорский добавил от себя аргумент, отражавший восприятие столичными учителями средней школы ситуации в стране: «Для сохранения авторитета, для пользы дела, мы должны сохранить автономию, а не рассыпаться вялыми единицами в более энергичной и решительно настроенной массе»⁵³. С одной стороны, здесь отражено опасение Острогорского, что учителя средних школ потеряют свой голос среди гораздо более многочисленных учителей начальной школы. С другой стороны, Острогорский, директор на тот момент одного из самых известных частных учебных заведений столицы, не считал, что большинство учителей средних школ были «вязлыми единицами». В его речи мы видим ощущение себя, наряду с другими преподавателями частных школ, стоящим в авангарде общественно-педагогического движения относительно всех остальных учителей, в первую очередь государственных школ. Несмотря на все аргументы Острогорского, Всероссийский союз от-

⁴⁹ Без автора Протоколы всероссийского съезда делегатов учителей низшей и средней школы... С. 31.

⁵⁰ Там же. С. 32.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 33.

казался предоставить федеративную автономию учителям средней школы, что привело к поиску членами Союза других партнеров в пестром поле общественно-политических организаций этого времени.

Сам по себе Союз учителей средней школы был недостаточно крупной организацией, в первую очередь в провинции, для самостоятельного существования. С июня 1907 г. союзом, который содействовал им и с которым они фактически стали сливатся, стала Лига образования. А.Л. Липовский, открывая II съезд Союза, который прошёл 4–7 июня 1907 г. при участии 140 делегатов, благодарил Лигу за её любезное гостеприимство и предоставленное помещение⁵⁴. Выступая от имени только что появившейся Лиги, её председатель Г.А. Фальборк заявил, что «работа Лиги и союза должна идти параллельно: она уже и началась в Петербурге»⁵⁵. В приветствии Лиги от имени Всероссийского союза звучал иной мотив – вера в то, что оба союза объединятся и продолжат работу в рамках одного союза⁵⁶.

II Съезд длился несколько дней; в ходе него обсуждался доклад центрального бюро, законопроекты по вопросам образования, подготовленные различными членами союза, и другие документы, детализировавшие положения о школьных ступенях, системе управления школой и т. д. Центральное бюро доложило съезду о возможностях легализации Союза в связи с новыми «Временными правилами об обществах и союзах», которые требовали создания устава, не нарушавшего законодательства, и чёткого следования ему. Фактически при регистрации организации по этим правилам сохранить политическую составляющую в профессионально-политическом обществе было невозможным. Бюро сообщило, что Союз с новыми правилами «никоим образом не может считаться»⁵⁷, это означало отказ от легализации. Для местных групп были предложены различные варианты решения проблемы: игнорирование положения о союзах, формальная регистрация и продолжение прежней деятельности и отказ от регистрации со вступлением в легальные организации⁵⁸.

Из работавших комиссий Союза наиболее значимой была курсовая. Педагогические курсы для учителей в начале XX в. не были редкостью, но идея новых курсов родилась на I Съезде, когда учителя решили, что «ждать чего-либо от министерства просвещения не приходится»⁵⁹. Курсы заявлялись как сугубо профессиональные и воспринимались создателями как важная часть созидающей работы на фоне общего общественного кризиса⁶⁰. Описывая уже прошедшие курсы, И.М. Грэвс вспоминал, как высказывал сомнения в том, заинтересует ли в текущий революционный момент учителей наука, когда «самая обстановка жизни столицы... представлялась

⁵⁴ Второй делегатский съезд... С. 5.

⁵⁵ Там же. С. 6.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 10.

⁵⁸ Там же. С. 10–11.

⁵⁹ Там же. С. 110.

⁶⁰ Там же.

мало подходящей для углублённого делового труда»⁶¹. Курсы были ориентированы в первую очередь на провинциальных учителей: программа содержала сами курсы, беседы и различные экскурсии, а их описание отсыпало к тому, как сложно провинциальному учителю самостоятельно продолжать развитие в своем предмете. Неудивительно, что курсы пользовались большим успехом. Провинциальным учителям представители Союза, принимавшие участие в их организации, виделись передовыми педагогами. Кроме того, курсы давали возможность общения «на почве профессиональной злобы дня»⁶². Курсы стали важной частью профессиональной педагогической жизни Санкт-Петербурга и площадкой трансляции передовых педагогических идей. Впоследствии они стали частью Лиги образования, а Липовский в документах встречается как их руководитель и член бюро Лиги, курирующий вопрос о них, до 1910 г.⁶³

Информационная комиссия занималась вопросами сбора информации с мест о репрессиях в отношении членов Союза и объявляла, в случае выяснения того, что увольнение того или иного учителя неправомерно, бойкот места⁶⁴. Информационная комиссия не докладывала съезду о том, насколько эти меры оказывались действенными, поэтому оценить их эффективность сложно. Анкетная комиссия занималась сбором материала по вопросам истории «ученического, учительского и родительского движений»⁶⁵. Съезд одобрил работу комиссии и предложил ей перейти к анализу собранного материала для последующей публикации петиций, уставов и очерков местных движений⁶⁶. Комиссия по присканию мест работала в Москве и Петербурге, но на съезде она не представила отчета о своей деятельности.

Бюро отметило, что школьная и педагогическая комиссии трудились совместно с такими же комиссиями Всероссийского союза учителей и Лиги образования⁶⁷. Документы Лиги подтверждают этот факт⁶⁸. Педагогическая комиссия в Петербурге объединилась с аналогичной комиссией Всероссийского союза в феврале 1906 г., позже к ним присоединилась созданная в апреле 1906 г. школьная комиссия при Лиге образования. Было решено соединить деятельности комиссий «во избежание дробления сил... и вести их по одному общему плану, не уничтожая, однако отдельного существования комиссий»⁶⁹. Неясно, кому принадлежала идея объединения, но она оказалась логичной в условиях, когда преподаватели часто состояли в двух союзах одновременно.

⁶¹ Второй делегатский съезд... С. 112.

⁶² Там же.

⁶³ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА) Ф. 749. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

⁶⁴ Второй делегатский съезд ... С. 11.

⁶⁵ Там же. С. 12.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. Д. 19. Л. 15.

⁶⁹ Второй делегатский съезд... С. 14.

Комиссия разрабатывала ряд исключительно педагогических вопросов: о задачах и ступенях школы, о преподавании религии и о школьных программах⁷⁰. В основу работы по вопросу «о задачах общеобразовательной школы» лёг доклад С.И. Созонова, который в это время был учителем частной школы – работал в Тенишевском училище. О ступенях школы доклад делал И.М. Грэвс⁷¹; бывший попечителем гимназии М.Н. Стоюниной⁷² и работавший на Бестужевских курсах. Он также принимал участие в курсах, организованных Союзом для учителей⁷³. Доклад по вопросам религии прочла Е.П. Репина, чью личность нам не удалось идентифицировать. Таким образом, два из трёх прочитанных в комиссии докладов были подготовлены людьми, чья деятельность была связана с частной школой.

Всего в комиссии состоял тридцать один человек. Из них семь, а именно Н.В. Балаев, В.А. Герд, И.М. Грэвс, О.А. Добиаш, А.Л. Липовский, С.И. Созонов, С.И. Шохор-Троцкий, работали в частных школах. Ещё четверо, Я.И. Душечкин, Н.М. Соколов, Г.А. Фальборк, В.И. Чарнолусский, были теоретиками образования, входили в состав Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию. Анализ состава членов комиссии и докладчиков говорит о существенной степени влияния преподавателей частной средней школы в Союзе. Именно они были проводниками и носителями тех педагогических идей, которые считались передовыми в этой межсоюзной комиссии.

Среди тех вопросов, которые бюро не смогло разрешить, остался проект кассы взаимопомощи. Оправдание этой неудаче было найдено в том, что съезд собрался на два месяца раньше запланированного срока⁷⁴.

На втором съезде был принят ряд резолюций. Делегаты требовали участия учителей в реформировании системы образования: «ни один школьный законопроект не должен быть принят без обсуждения его учительством»⁷⁵. Свои идеалы новой школы учителя постановили распространять путем съездов, деятельности местных групп и отдельных членов.

Кроме того, было принято решение «приступить к организации на новых началах, выработанных прогрессивным учительством, сети новых школ»⁷⁶. Всего в Петербурге было несколько таких школ. Одной из них стало Восьмиклассное коммерческое училище в Лесном, где работали представители Союза Шохор-Троцкий, О.А. Добиаш, И.М. Грэвс⁷⁷. Учителя поддержали идею ученического самоуправления в школах с тем, чтобы «в

⁷⁰ Второй делегатский съезд... С. 14.

⁷¹ Там же. С. 17

⁷² ЦГИА СПб Ф.148. Оп.1 Д.272.

⁷³ Второй делегатский съезд... С. 114.

⁷⁴ Там же. С. 10.

⁷⁵ Там же. С. 101.

⁷⁶ Там же. С. 10.

⁷⁷ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (далее – ОР РНБ) Ф. 163. № 458. Л. 16–17.

школьных (педагогических) советах приглашались делегаты от учащихся в тех случаях, когда ими вносится петиция или другого рода заявления»⁷⁸.

В целом о подъёме Союза в это время можно судить не только по оптимистическому тону книги, выпущенной по итогам съезда, но и по её объему: более ста сорока страниц описывали съезд и учительские курсы. Печать такого издания требовала от союза существенных финансовых расходов.

Обратимся к III съезду Союза учителей и деятелей средней школы, который стал для него последним. Через год после II съезда новый съезд констатировал распад связи центрального бюро с региональными группами – в бюро не поступило ни одного доклада в ответ на законопроекты, разосланные в провинцию⁷⁹. Из 70 групп только 35 выходили на связь с бюро, остальные же за год ни разу о себе не заявили, т. е. фактически прекратили своё существование⁸⁰. Бюро докладывало: о том, чтобы составить точный список членов, «чем-либо напоминающий статистику, не могло быть и речи»⁸¹. После того, как часть групп не ответила на извещения центра, «у многих членов центрального бюро возник вопрос, существует ли союз вообще»⁸². У Союза не оказалось средств на издание собственного печатного органа даже в виде бюллетеней⁸³.

Бюро прекратило агитацию, «посчитав, что звать учительство присоединиться к союзу – дело неосуществимое»⁸⁴, и сделало ставку на курсы. Понимая, что в существующих условиях реакции самостоятельно провести курсы Союз не сможет, члены бюро приняли решение, что курсы проведёт отдел средней школы Петербургского педагогического общества⁸⁵. Об упадке деятельности в столице говорит тот факт, что на съезде сообщения с мест стали самой интересной частью повестки⁸⁶. Анализ представленных сообщений с мест о деятельности групп и в одном случае съезда (в Либаве) свидетельствует о том, что группы собирались и занимались исключительно педагогическими вопросами или чтением литературы с учениками (в одном случае по вопросам политической экономии). Из всех местных групп, а их на съезде было 23, только одесская заявила о репрессиях в отношении учащих⁸⁷. Остальные группы констатировали затухание общественных настроений. Очевидно, что Союз оказался не готов к этому – сказалось несбывшееся ожидание скорого падения царской власти, которое сменилось растерянностью.

⁷⁸ Второй делегатский съезд... С. 103.

⁷⁹ Всероссийский союз учителей и деятелей средней школы. Съезд / Съезд учителей и деятелей сред. школы. М., 1908. С. 2.

⁸⁰ Там же. С. 3.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ Там же. С. 27.

⁸⁴ Там же. С. 4.

⁸⁵ Там же. С. 5.

⁸⁶ Там же. С. 6.

⁸⁷ Там же. С. 12.

Петербургская группа сообщила, что она не смогла собраться официально, т. к. находилась на нелегальном положении. Члены Союза, жившие в столице, использовали для встреч собрания союзнической организации – Педагогического общества⁸⁸. Петербургская группа скромно отчиталась, что «главным образом деятельность выражалась в деятельности Центрального бюро, да в организации частных учебных заведений на автономных началах»⁸⁹. Такие школы позволяли учителям продолжать свою деятельность по распространению педагогических идей в благожелательных коллективах без опасения преследований. В свою очередь педагогическая комиссия продолжила работу по организации педагогических курсов, где эти учителя могли бы распространять свой передовой опыт. Большая часть групп призналась в своем слабом влиянии на происходящие в их регионах события.

Последним вопросом, на который съезд не смог ответить, был вопрос об объединении с Всероссийским союзом учителей и деятелей по народному образованию: «Восторжествовало третье мнение – отложить вопрос до следующего съезда»⁹⁰, который так и не состоялся.

Обобщая деятельность Союза учителей и деятелей средней школы, можно сделать следующие выводы. Союз просуществовал около полутора лет – с начала 1906 г. до лета 1907 г. Формами деятельности были съезды и педагогические курсы, занявшие важное место в столичной педагогической среде, а создание новых частных школ стало важной стратегией уволенных петербургских учителей, позволившей им продолжить свою деятельность. Значительную долю среди участников составляли преподаватели, администрация и владельцы частных школ, а сами члены Союза состояли одновременно в нескольких учительских организациях. Они были носителями передовых, с точки зрения современников, педагогических знаний. Их деятельность в Союзе носила характер борьбы с государством за новую школу, а влияние в Петербурге позволяло создавать новые коммерческие учебные заведения, где эти знания и методы продолжили своё распространение.

Понимая свою малочисленность, Союз принял тактику, которая заключалась в присоединении к уже существующим педагогическим организациям. Если в начале создания Союз обращался к Всероссийскому союзу учителей и деятелей по народному образованию, настаивая на собственной автономии для лучшего взаимодействия со своей целевой аудиторией, то в конце своего существования он ориентировался на легализованную Лигу образования и другие легальные организации. После лета 1907 г. Союз фактически растворился в легальной Лиге образования, а лидер Союза Липовский вошёл в состав бюро Лиги как руководитель педагогических курсов.

---

⁸⁸ Всероссийский союз учителей и деятелей средней школы... С. 14.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 28.

Список литературы:

1. Веременко В.А. Исторический опыт воспитания «человека» и «гражданина» в дворянских семьях России (XIX – начало XX века) // XVII Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф. / под общ. ред. В. Н. Скворцова. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. Т. 1. С. 21–27.
2. Пашкова Т.И. Учительский «бунт» (к истории волнений в Санкт-петербургском первом реальном училище в 1905–1906 гг.) // Вестник Пермского университета. Вып. 3 (26). 2014. С. 132–142.
3. Ситник В.С. Коваленский – историк и педагог. Воронеж, 1976. – 75 с.
4. Тебиев Б.К.-Г. На рубеже веков: Правительственная политика в области образования и общественно-педагогическое движение в России конца XIX – нач. XX в. М., 1996. – 251 с.

Об авторе:

ПОНОМАРЕВ Евгений Витальевич – аспирант, Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге» (191187, Россия, Санкт-Петербург, улица Гагаринская, дом 6/1, литера А), e-mail: evgeniy.ponomarev1997@mail.ru

**TEACHERS OF PRIVATE SCHOOLS IN THE UNION OF
TEACHERS AND HIGH SCHOOL LEADERS**

E.V. Ponomarev

European University in St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

The article is devoted to the activities of a professional and political organization influential in the academic environment - the Union of Teachers and High School Leaders during the first Russian Revolution. Congresses and pedagogical courses as the main forms of the union's work are analyzed based on the materials of brochures and other printed materials. Attempts in 1905 to create a unified teachers' union as the most effective professional and political organization are considered. Based on the printed materials of the Union, the professional affiliation of the leaders of the union was established and analyzed for the first time. In conclusion, it is concluded that the teachers of private schools in St. Petersburg played a decisive role in the activities of the Union.

Keywords: *Union of Secondary School teachers, the first Russian Revolution, St. Petersburg, private schools, congress, teacher courses.*

About the author:

PONOMAREY Evgeny Vitalievich – Graduate Student, European University in St. Petersburg, (St. Petersburg, Gagarinskaya Street, house 6/1, letter A), e-mail: evgeniy.ponomarev1997@mail.ru

References:

- Veremenko V.A., *Istoricheskij opyt vospitaniya «cheloveka» i «grazhda-nina» v dvoryanskikh sem'yah Rossii (XIX – nachalo XX veka)*, XVII Carskosele'skie chteniya: materialy mezhdunar. nauch. konf., pod obshch. red. V.N. Skvorcova, SPb., LGU im. A.S. Pushkina, 2013, T. 1, S. 21–27.
- Pashkova T.I., *Uchitel'skij «bunt (k istorii volnenij v Sankt-peterburgskom pervom real'nom uchilishche v 1905–1906 gg.)*, Vestnik Permskogo universiteta, Vyp. 3(26), 2014, S. 132–142.
- Sitnik V.S., *Kovalenskij – istorik i pedagog*, Voronezh, 1976. – 75 s.
- Tebiev B.K.-G., *Na rubezhe vekov: Pravitel'stvennaya politika v oblasti obrazovaniya i obshchestvenno-pedagogicheskoe dvizhenie v Rossii konca XIX – nach. XX v.*, M., 1996. – 251 s.

Статья поступила в редакцию 12.08.2023 г.

Подписана в печать 15.11.2023 г.

СООБЩЕНИЯ

УДК 950(575.1)

DOI 10.26456/vthistory/2023.3.127–133

ФИЛАНРОПИЯ В ИСТОРИИ УЗБЕКИСТАНА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ БУХАРСКОГО ЭМИРАТА

Абдулазизбек Фахриддин угли Уткиров

Ташкентский государственный педагогический университет
имени Низами, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Статья посвящена научно-теоретическому анализу филантропии и её роли в благотворительной и спонсорской, а также меценатской деятельности в истории Узбекистана, этапов её становления, а также тому, в какой степени бухарские эмиры, правившие в середине XVIII – первой половине XX-го вв., уделяли внимание таким явлениям, как благотворительность, спонсорство и меценатство, и какую роль и значение они играли в их политике. Кроме того, освещается благотворительная и спонсорская деятельность бухарских эмиров в других регионах Российской империи.

Ключевые слова: *Ибн Сина, эмиры Благородной Бухары, династия Мангытов, социальная политика, благотворительность и меценатство, Ахмад Даниш, Амир Насрулло, Амир Шахмурад, Амир Хайдар, Амир Музафариддин, Амир Абдулахадхан, Амир Алимхан, Крым, Ялта, Санкт-Петербург.*

В Узбекистане кардинально меняется отношение к феномену благотворительности и спонсорства, которые считаются национальными ценностями, государство проводит широкомасштабные реформы по формированию и развитию в обществе атмосферы благотворительной деятельности. В частности, в связи с определением приоритетных задач по социальной защите населения, развитию благотворительности и спонсорства и повышении образа жизни, благосостояния¹ «... поддержка малообеспеченных слоёв населения, уважение к пожилым людям, охрана материнства и детства... одна из наших главных целей»².

¹ Мирзиёев Ш.М. Конститусия – эркин ва фаровон ҳаётимиз, мамлакатимизни янада тараққий эттиришининг мустаҳкам пойдевори. Узбекистон Республикаси Конститусияси қабул қилинганинг 25 йиллигига бағишиланган тантанали маросимдаги маъруза. 2017 йил 7 декабр. Т., 2018. С. 64.

² Mirziyoyev Sh.M. Buuyuk kelajagimizni mard va oljanob xalqimiz bilan birga quramiz. Т., 2017. С. 24.

В связи с этим важно изучить первоначальное фундаментальное содержание сферы благотворительности и меценатства, историю её становления и развития, а также деятельность и значение эволюционных изменений в этой сфере с точки зрения историзма.

Социальная политика как явление современной цивилизации началась ещё со времен коллективной системы людей. В первобытный период отдельный человек мог выжить только внутри группы, тогда и возникла традиция социальной помощи старшим и младшим, раненым и больным в коллективной борьбе. Эти обычаи формировались веками, что нашло отражение в религиозных учениях и с появлением первых государств стало основой их социальной политики. Исторические источники свидетельствуют о том, что ещё в эпоху до нашей эры в Туранской земле правящими династиями было принято заботиться о людях науки и просвещения, оказывать помощь населению, предоставлять льготы, создавать всевозможные удобства. В «Авесте», священной книге зороастризма, выдвигались идеи о том, что люди должны жить в гармонии и дружбе друг с другом, ценить и уважать пожилых людей, родителей, пока они ещё живы³.

С принятием ислама и его укоренением на национальной почве возникли и продолжали развиваться такие традиционные и религиозные традиции, как милосердие и щедрость. Например, во взглядах Ибн Сины высоко ценились его гуманность и доброта к окружающим. В книге «Тадбир-у манзил» он призывал: «... держите слуг рядом с собой, ни ругайте их, заботьтесь об их потребностях, не сердитесь на них, относитесь к ним так же, как и к друзьям, не оставляйте их одних в несчастные моменты, потому что они тоже люди»⁴.

В XI–XII вв. люди не садились за стол, не давая хоть что-то бедному человеку. Ахмад Яссави говорил: «Если любому, кто погладит сироту по голове, и если ему будет приказано отправиться в ад, я отправлюсь в ад вместо него»⁵. Когда учёные говорили о щедрости, гуманности, они также обращали внимание на другой их аспект – благотворительность должна быть на первом месте, она является важным качеством для правителей и царей, а не только для собственников и купцов. Традиция щедрости, добра к людям в разные периоды нашей истории поднималась на первое место, становилась частью деятельности нашего народа, общества.

Эмиры Бухарского эмирата 1756–1920 гг., как и правители предшествовавших им династий, уделяли большое внимание таким человеческим качествам, как милосердие и покровительство, щедрость. Например, эмир Шахмурад (1785–1800), носивший титул эмира инакомыслящего (невинного эмира), в годы своего правления скромно жил при дворе,

³ Abdullaev D. O'zbekistonda xayriya va homiylikning rivojlanish tarixi. Toshkent, 2019. С. 67.

⁴ Aliqulov X. va boshqalar Homiylik va sahovat – eng oliv qadriyat. Toshkent, 2006. С. 12.

⁵ Abdullaev D. Op. cit. С. 67/

снизил ряд налогов, даровал бухарцам тарханный ярлык и освободил от некоторых сборов. Кроме того, он улучшил водопроводные сооружения для простых людей⁶. Ахмад Даниш пишет, что эмир Шахмурад однажды приказал своему слуге приготовить праздничный плов на ифтар по случаю священного месяца Рамадан. Ближе к ифтару он приказал одному из слуг привести в медресе беспомощных студентов, у которых нет денег. После того, как их привели, эмир сказал: «Съешьте этот плов, пусть ничего не останется. Тогда я дам вам из государственной казны по динару... оказывается, их поощрили после этого»⁷.

Во время правления эмира Шахмурада благотворительность и спонсорство стали повседневной привычкой. Всё это делалось путём распространения среди чиновников таких человеческих качеств, как щедрость и справедливая политика. Его сын и приемник эмир Хайдар в мирное время проводил много времени с учёными и интеллектуалами, уделяя им много внимания и покровительствуя. Поэтому, чтобы накопить богатство, некоторые чиновники и военачальники намеренно подняли восстание и попытались вывести его за пределы медресе. Многие люди приезжали в Бухару из других провинций учиться, поскольку эмир покровительствовал учёным и студентам и был меценатом своего времени⁸. Именно в этот период Бухарский эмират стал центром науки среди соседних государств.

Судя по записям Ахмада Даниша, во время правления эмира Амира Насрулла, сына эмира Хайдара, несмотря на то, что он большую часть времени проводил в военных походах, бедняки и простые граждане находились в мире и безопасности и всегда пользовались обильной прибылью, дешевизной и процветанием⁹. Сын Амира Насруллы эмир Музаффариддин (взошёл на престол в 1860 г.) также уделял большое внимание благотворительности и меценатству на протяжении четверти века своего правления. Он подарил 1000 монет 80 улемам¹⁰, под его покровительством было основано новое медресе, в котором обучалось 200 студентов¹¹. После кончины эмира Музаффара (1885 г.) Исмаил Гаспринский писал в газете «Переводчик», что покойный эмир совершил много добрых дел¹². Не будет преувеличением сказать, что после эмира Музаффара его сын эмир Абдулахадхан также внёс огромный вклад в благотворительность и покровительство. В частности, в 1897 году в Бухаре был основан «Дар аль-аджизин» («Дом милосердия»)¹³. Это общество

⁶ Murtazayeva R. O`zbekiston Tarixi. Toshkent, 2003. С. 315.

⁷ Ахмад Даниш История Мангитской династии / Перевод, предисловие и примечание И.А. Наджафовой. Душанбе, 1967. С. 45.

⁸ Там же. С. 48–49.

⁹ Там же. С. 39–40.

¹⁰ Tarjimon. № 47. 31.12.1884.

¹¹ Tarjimon. № 8. 28.02.1885.

¹² Tarjimon. Buxoro. № 16. 11.11.1885.

¹³ Abdullaev D. Op. cit. С. 54.

финансируалось лично эмиром Абдулахадханом. Эмир Абдулахадхан жертвовал не только в Бухаре: пожертвовал 100 тысяч рублей нуждающимся в России и отправил деньги в комиссию по делам нуждающихся¹⁴. При эмире Абдулахадхане на средства, пожертвованные его отцом эмиром Музффаром на просветительскую работу в Ташкенте (25 тысяч рублей) была построена школа, по указанию императора эмир Абдулахадхан был назначен покровителем этой школы¹⁵.

Эмир Абдулахадхан любил путешествовать по другим странам и был известен своими благотворительными пожертвованиями в тех местах, где он был. Например, в Ялте эмир Абдулахадхан купил участок земли и построил там величественное здание, получившее «Дилкисо», что в переводе означает «Приятный»¹⁶. К сожалению, большая его часть была разрушена немцами в 1944 г.

О щедрости эмира в Крыму известно немало. Сезонно проживая в Ялте, Абдулахадхан сразу проявил интерес к общественной жизни города, он спонсировал «Общество помощи малообеспеченным учащимся ялтинских гимназий», ежегодно выделяя деньги «Обществу помощи бедным татарам Южного берега». В 1910 г. на средства эмира Абдулахадхана в Ялте была построена бесплатная больница – большое двухэтажное здание с лабораториями, помещениями для персонала, хирургическим и гинекологическим кабинетами, рассчитанными в общей сложности на прием ста человек¹⁷. Всё это способствовало росту уважения к эмиру в городе, горожане присвоили эмиру звание почетного гражданина, в его честь названа одна из улиц города.

Благодаря своим пожертвованиям, эмир Абдулахадхан пользовался большим уважением не только в Крыму, но и в Петербурге. Потратив полмиллиона рублей для мусульман в столице империи, он построил роскошную и величественную мечеть¹⁸, в 1898 г. он пожертвовал 4000 руб. женскому медицинскому институту в Петербурге¹⁹, в 1904 г. выделил 30 000 руб. какзакам, проживавшим Кавказе, в 1904 г. 10000 руб. от имени своего сына и 100 000 рублей от своего семьям участвовавшим в войне на Дальнем Востоке²⁰.

Во время русско-японской войны 1905 г. эмир Абдулахадхан пожертвовал миллион золотых рублей на постройку военного корабля под названием «Эмир Бухары». Будущее этого корабля было бурным, но недолгим: во время революции экипаж перешёл на сторону большевиков, а

¹⁴ Tarjimon. Ionai Abdullaadxon. № 4. 31.01.1892.

¹⁵ Tarjimon. Amir – homiyi maktabi funun. № 34. 10.09.1895.

¹⁶ Недвецкий А.Г. Правители Бухары [Электронный ресурс]. URL: <https://greylib.align.ru/410/a-g-nedveckij-praviteli-buxary.html> (Дата обращения: 15.05.2023)

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ O‘zP MDA, I – 2 fond, 1 – ro`yxat, 43 – yig`ma jild, 3-varaq.

²⁰ Abdullaev D. Op. cit. C. 50–51.

затем сражался на Каспии (к тому времени его переименовали в «Яков Свердлов»), а в 1925 г. он был разрезан на металлалом²¹. В газете «Переводчик!» за 1908 г. была опубликована статья о том, что бухарский эмир прочитал газету и за 25 лет пожертвовал газете 4300 руб.²²

В Бухаре и близлежащих регионах появилось заболевание, похожее на чуму, эмир был заражен этой болезнью в городе Карши. Вопреки желанию эмира, его привезли в Бухару, но ни целители, ни врачи не смогли спасти ему жизнь²³.

В 1910–1920-х гг. в Бухарском эмирате правил эмир Сайид Олимхан, сын эмира Абдулахадхана²⁴. Он также был благотворителем: только в феврале 1911 г. пожертвовал обществу Красного Креста 100 тысяч руб., 25 тысяч руб. семьям в Семиречье, пострадавшим от землетрясения, 3000 руб.

– Ташкентской женской гимназии и малообеспеченным детям, получающим образование в городе²⁵, в марте этого года эмир пожертвовал 400 руб. больнице для русского населения, 100 тысяч руб. обществу Красного Креста, 64 тысяч руб. он выделил на борьбу с саранчой²⁶.

В Туркестане джадидами были основаны различные благотворительные общества, во многих из которых повышение качества образования было определено как приоритетная задача. Кроме того, были открыты русско-туземные школы, которые начали оказывать влияние на население. В целях предотвращения этого, по нашему мнению, эмир издает в Бухаре в 1911 г. указ о школах, который гласит: учитель должен быть учёным и благосклонным, кроме пожертвований школам, назначать учительям 120 руб. в год из государственной казны, не брать денег с детей, назначать надзирателя школ, который должен ежемесячно отчитываться перед эмиром о проверке²⁷. Это, на наш взгляд, помогло повысить качество образования в Бухаре. В 1912 г. эмир Бухары пожертвовал 1000 руб. 37 татарским студентам²⁸.

Есть сведения и о том, что бухарский эмир подарил обществу петербургских Ахундов (*ахун, ахон*, от перс. *хванд* – «учитель», «наставник») – почётный титул толкователей *шариата*). В 1914 г. Алимхан пожертвовал 1 млн руб. в пользу раненых русских солдат в Первой мировой войне (1914–1918)²⁹. В 1916 г. за пожертвования в пользу войны

²¹ Недвецкий А.Г. Указ. соч.

²² Abdirashidov Z. TARJIMON (1883–1917) gazetasidagi turkiston materiallarining izohli bibliografiyasi. 2011. С. 171.

²³ Ахмад Дониш Указ. соч. С. 112.

²⁴ Ergashev Q., Hamidov H. O'zbekiston tarixi. Toshkent. 2018. С. 263.

²⁵ Правительственный вестник. 1911. 2, 5, 8 февраля

²⁶ Туркестанские ведомости. 1911. 27 февраля, 1 марта.

²⁷ Vaqt. Buxoro. 18.03.1911, № 12; Abdirashidov Z. Op. cit., С. 188.

²⁸ Abdullaev D. Op. cit. С. 51.

²⁹ Tarjimon. 1914. № 230.

эмир Олимхан был произведён в генерал-лейтенанты и назначен генерал-адъютантом императора³⁰.

События более поздних лет показали, что благотворительность и спонсорство эмира несколько снизились. Политические изменения в Российской империи в начале XX в., февральская революция 1917 г., деятельность Временного правительства, а затем политика большевиков повлияли на социально-экономическую жизнь Бухары³¹. 2 сентября 1920 г. эмир Олимхан покинул Бухару, чтобы сохранить городские памятники и население³², Бухарский эмират был ликвидирован силами солдат РККА³³, на его территории впоследствии была образована Бухарская народная советская республика.

В заключение следует отметить, что бухарские эмиры не просто уделяли внимание благотворительности и покровительству, данный вид деятельности относился к приоритетам в их политике. В границах Российской империи эмиры подобная стратегия сохранялась и достигла пика при эмире Абдулахадхане. Вместе с тем феномен благотворительности бухарских эмиров остаётся одним из малоизученных направлений в национальной историографии.

Список литературы:

1. Abdullaev D. O'zbekistonda xayriya va homiylikning rivojlanish tarixi. Toshkent «INNOVATSIYA-ZIYO», 2019.
2. Aliqulov X. va boshqalar Homiylik va sahovat – eng oliv qadriyat. Toshkent: I.M. Mo'minov nomidagi falsafa va huquq instituti, 2006.
3. Murtazayeva R. O`zbekiston Tarixi. oshkent: «Yangi asr avlodii», 2003.
4. Недвецкий А.Г. Правители Бухары [Электронный ресурс]/ URL: <https://greylib.align.ru/410/a-g-nedveckij-praviteli-buxary.html> (Дата обращения: 15.05.2023).
5. Abdirashidov Z. TARJIMON (1883–1917) gazetasidagi turkiston materiallarining izohli bibliografiyasi. Toshkent, 2011.
6. Ergashev Q., Hamidov H. O'zbekiston tarixi. Toshkent, 2018.

Об авторе:

УТКИРОВ Абдулазизбек Фахриддин угли – специалист, Республикаанская научная педагогическая библиотека, Ташкенский государственный педагогический университет имени Низами, (Республика Узбекистан, г. Ташкент, Чиланзорский район, улица Бунёдкор, 27), e-mail: uabdulazizbek@mail.ru

³⁰ Janobi oliv Buxoro amiri Sayyid Mirolimxon hazratlari nomina sodir o'linmish farmoni imperato'riy. № 7, 10.01.1916; Abdirashidov Z. Op. cit. P. 229.

³¹ Abdullaev D. Op. cit. C. 78.

³² O'zbekiston tarixi (1917–1991 yillar). Birinchi kitob 1917–1939 yy. Toshkent, С. 131.

³³ Там же. С. 131

PHILANTHROPY IN THE HISTORY OF UZBEKISTAN DURING THE RULE OF THE BUKHARA EMIRATE

Utkirov Abdulazizbek Fahriddin ugli

Tashkent State Pedagogical University,
Toshkent, Republic of Uzbekistan

The article is devoted to a scientific and theoretical analysis of philanthropy and its role in charitable and sponsorship, as well as patronage activities in the history of Uzbekistan, the stages of its formation, as well as the extent to which the Bukhara emirs, who ruled in the mid-18th – first half of the 20th centuries, paid attention to such phenomena as charity, sponsorship and patronage, and what role and significance they played in their politics. In addition, the charitable and sponsorship activities of Bukhara emirs in other regions of the Russian Empire are covered.

Keywords: *Ibn Sina, emirs of Noble Bukhara, Mangyt dynasty, social policy, charity and patronage, Ahmad Danish, Amir Nasrullo, Amir Shahmurad, Amir Haydar, Amir Muzafariddin, Amir Abdulahadkhan, Amir Alimkhan, Crimea, Yalta, St. Petersburg.*

About the author:

UTKIROV Abdulazizbek Fakhreddin Ugli – Specialist, Republican Scientific Pedagogical Library, Tashkent State Pedagogical University named after Nizami,, (Republic of Uzbekistan, Tashkent, Chilanzor district, Bunyodkor street, 27), e-mail: uabdulazizbek@mail.ru

References

Nedveckij A.G., *Pravitieli Buhary*, [Elektronnyj resurs] URL: <https://greylib.align.ru/410/a-g-nedveckij-pravitieli-buxary.html> (Data access: 15.05.2023).

Статья поступила в редакцию 17.08.2023 г.

Подписана в печать 15.11.2023 г.

СООБЩЕНИЯ

УДК 94(470.331)+929 Амвросий (Щуров)
DOI 10.26456/vthistory/2023.3.134–144

АРХИЕПИСКОП АМВРОСИЙ (ЩУРОВ): ТВЕРСКИЕ КОРНИ ПРАВОСЛАВНОГО ИЕРАРХА

А.А. Федотов

Институт управления, г. Иваново

В статье проведено изучение тверских корней православного иерарха, деятельность которого имела существенное значение для процессов церковного возрождения в 1990-е гг. в России. Рассматривается история деревни Киселево Кашинского района Тверской области, уроженцем которой он является, история семьи будущего архиерея, его связь с Никольским храмом села Турово Кашинского района (в настоящее время не действующий).

Ключевые слова: Тверская губерния, Кашинский уезд, деревня Киселево, Калининская область, архиепископ Амвросий (Щуров).

Деревня Киселево Кашинского района Калининской области, в которой родился Щуров Анатолий Павлович (впоследствии архиепископ Амвросий), до революции 1917 г. относилась к Кобылинской волости Кашинского уезда Тверской губернии. В 1861 г. она была во владении Е.П. Каарасс¹.

Согласно «Списку населенных мест Российской империи по сведениям 1859–1873 годов», деревня Киселево располагалась «при реке Яхроме» в 16 верстах от уездного города, в ней числились 8 дворов, 31 житель мужского пола, 27 женского пола². В 1915 г. число дворов в деревне выросло до 18³.

В Российском государственном историческом архиве в фонде «Главное выкупное учреждение Министерства финансов. 1861–1895» сохранилось «Дело о выкупе земельных наделов временнообязанными крестьянами Е.П. Каарасс деревни Казитиной и др. Кашинского уезда Тверской губернии»⁴. Из него видно, что помещица «капитанша» Елизавета Петровна

¹ Тверская губерния. Список населенных мест по сведениям за 1859 год. СПб., 1862. С. 330.

² Список населённых мест Российской империи по сведениям 1859–1873 годов. [Электронный ресурс]. URL: <https://familio.org/settlements/8e12b9c4-55e5-4e43-8b12-06e3182e7b8d> (Дата обращения: 20.09.2023).

³ Список населённых мест Тверской губернии 1915 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://familio.org/settlements/8e12b9c4-55e5-4e43-8b12-06e3182e7b8d> (Дата обращения: 20.09.2023).

⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 577. Оп. 41. Д. 1749.

Каррас получила имение по наследству от своей матери Екатерины Богдановой⁵. Документы по выкупу земли по доверенности от жены подписывал её муж капитан Иосиф Феофилович Каррас⁶. Процессы, связанные с выкупом, ускорило то, что имение было заложено⁷. Долг составлял 10 131 рубль 27 копеек, в том числе процентов 1259 рублей 73 копейки⁸.

В «Уставной грамоте» были прописаны детали взаимодействия помещицы и крестьян деревни Киселево в длящемся процессе выкупа, они отражают сложившиеся взаимоотношения между крестьянами и помещицей, в том числе: «... для местности, где находится селение, определен местным положением высший размер душевого надела в четыре десятины, а по числу двадцати девяти душ селян высший размер надела на все крестьянское общество составляет 116 десятин. Так как крестьяне пользуются ныне в большем против высшего размера количестве, то им предоставляется в пользование полное 116 десятин, а оставшаяся земля, бывшая в их пользовании, в количестве 3 десятин 200 саженей отрезывается от их надела... По обоюдному согласию моему с крестьянами, я беру в полное мое распоряжение, а взамен отдаю крестьянам из собственной моей земли пустоши Чебоковой... Усадебная оседлость крестьян перенесению на другое место не подлежит. Водопой находится в наделе крестьян. Топлива крестьянам не отпускается, и опускаться не будет. Лес, растущий на земле, предоставляется крестьянам, предоставляется им безвозмездно... За предоставленную в постоянное пользование крестьян землю в количестве девяти десятин на душу причитается владелице в год девять рублей. Ичисление душевого оброка относится на усадьбу один рубль пятьдесят копеек... За исправное и своевременное отбывание повинности ответствуем круговой порукой все общество крестьян»⁹. За крестьян деревни Киселево «по их неграмотности и личной просьбе» «Уставную грамоту» подписал крестьянин села Турово Леонтий Кириллов¹⁰.

В 2002 г. в деревне оставалось только пять жителей¹¹. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в деревне Киселево уже никто не проживал¹².

28 марта 1930 г. в деревне Киселево в семье Павла Семёновича и Александры Устиновны Щуровых родился Анатолий Щуров (1930–2016), будущий архиепископ Амвросий, в 1977–2006 гг. управляющий Ивановской и Кинешемской (с 2002 г. Иваново-Вознесенской и Кинешемской)

⁵ РГИА. Ф. 577. Оп. 41. Д. 1749. Л. 15, 25.

⁶ Там же. Л. 17.

⁷ Там же. Л. 20.

⁸ Там же. Л. 28 об.

⁹ Там же. Л. 16–17.

¹⁰ Там же. Л. 17.

¹¹ Коряков Ю.Б. База данных «Этно-языковый состав населённых пунктов России». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lingvarium.org/russia/settlem-database.shtml> (Дата обращения: 02.10.2023).

¹² Итоги Всероссийской переписи населения – 2010 Т. 8: Населенные пункты Тверской области С. 160.

епархией, почётный гражданин Ивановской области и города Иваново. К моменту рождения младшего сына Анатолия в семье Щуровых было шесть детей. Александре Устиновне, когда он родился, было уже около сорока лет¹³. Он был намного моложе своих четырех братьев и двух сестер: брат Дмитрий, после которого родился Анатолий, родился в 1922 г.¹⁴

Щуровы были крестьянами-единоличниками. В сентябре 1934 г. СНК и ЦИК СССР приняли закон о единовременном налоге на единоличника. Взыскание налогов и обязательных поставок с единоличников и колхозов превращалось в бесконечную череду чрезвычайных мероприятий, «мобилизаций», «накачек», судов, конфискаций, штрафов, ссылок. Мясопоставки государству достигали таких размеров, что многие единоличные хозяйства оставались без домашнего скота¹⁵.

Эти события самым прямым образом коснулись и семьи Щуровых. Архиепископ Амвросий впоследствии вспоминал: «... Родители мои в колхоз не вступили и подверглись очень многим репрессиям... Вспоминаю те трудные годы. Я совсем ещё был ребенком, но память всё зафиксировала. Это опись имущества, вынос из дома сундуков и всего, что можно было описать. Помню, у нас в огороде была яблоня, и крона её была столь густой, что под ней прятались от солнца и даже дождя. И там мы скрывали некоторые сундуки»¹⁶.

Попытки утаить какое-либо имущество от описи и изъятия было небезопасно. Как он далее вспоминал: «За то, что мама не отдала лошадь (её угнал брат, чтобы не описали), ей дали принудительные работы неподалёку от нашего села. Раньше там был монастырь, но после революции его закрыли и организовали на месте этой пустынки совхоз. И вот там мама вынуждена была работать»¹⁷.

В 1939 г. умер Павел Семенович Щуров¹⁸. Причина его смерти неизвестна, в базах данных репрессированных сведения о нём отсутствуют. Как вспоминал архиепископ Амвросий, «... а затем все мои старшие братья и сестры, волею судеб Божиих, разбрелись по матушке России, и остались мы с мамой и братом Дмитрием. Затем мы переехали в Москву. Там я рос и учился»¹⁹.

Даты рождений сестёр Екатерины Павловны и Евдокии Павловны неизвестны, неизвестна и дата рождения брата Василия Павловича Щуров-

¹³ Архиепископ Амвросий (Щуров): Сб. док. и матер. К 45-летию архиерейской и 70-летию священнической хиротонии / Ред.-сост. А.А. Федотов. Иваново, 2022. С. 5.

¹⁴ Там же. С. 6, 13.

¹⁵ Вылцан М.А. «Надо наступать на единоличника» И. Сталин. [Электронный ресурс]. URL: <https://historical-fact.livejournal.com/146006.html> (Дата обращения: 05.10.2023).

¹⁶ «Я возжелал заповедей Твоих». Памяти архиепископа Амвросия (Щурова). Москва, 2017. С. 20–21.

¹⁷ «Я возжелал заповедей Твоих»... С. 21.

¹⁸ Архиепископ Амвросий (Щуров): сб. док. и матер. С. 9.

¹⁹ «Я возжелал заповедей Твоих»... С. 21.

ва. Про трёх других братьев удалось установить, что они были участниками Великой Отечественной войны.

Щуров Иван Павлович родился в 1918 г. Окончил 4 класса. По имеющимся данным на 20 июля 1942 г. был уже вдовцом. Жил в Кронштадте. Имел специальность слесаря. На Великую Отечественную войну был призван 10 июля 1941 г. Кронштадтским РВК г. Кронштадт. Служил стрелком 2-го артиллерийского полка, затем 27-го зенитного полка, из которого вышел по болезни 8 апреля 1942 г. 20 июля 1942 г. снят с учёта по болезни и направлен в Куйбышевский РВК г. Ленинграда²⁰. Вероятно, он не пережил блокаду Ленинграда.

Щуров Павел Павлович родился в 1920 г. Был призван в РККА Сокольническим РВК г. Москвы в 1940 г. Воинское звание красноармеец. В 1945 г. служил в должности линейного надсмотрщика 681-ой отдельной кабельно-шестовой роты, был награждён медалью «За боевые заслуги»²¹. Дальнейшая судьба неизвестна.

²⁰ Щуров Иван Павлович // Память народа [Электронный ресурс]. URL: [²¹ Щуров Павел Павлович // Память народа \[Электронный ресурс\]. URL: \[– 137 –\]\(https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-he-ro76128679/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3D%D0%A9%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%B2%26first_name%3D%D0%9F%D0%B0%D0%BD%0%BB%26middle_name%3D%D0%9F%D0%B0%D0%BD%0%BB%D0%BE%D0%BD%0%BB%D0%8B%D1%87%26date_birth_from%3D1920%26static_hash%3Ddb643662ba788e8e53e27726c0e897d2b3573f3600cdbe1aa8742bd494516397v25%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Akld_partizan%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%26page%3D1%26grouppersons%3D1&</p></div><div data-bbox=\)](https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-he-ro85596855/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3D%D0%A9%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%B2%26first_name%3D%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%26middle_name%3D%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%8B%D1%87%26date_birth_from%3D%26static_hash%3Ddb643662ba788e8e53e27726c0e897d2b3573f3600cdbe1aa8742bd494516397v25%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartote-ka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apa-myat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Akld_partizan%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%26page%3D1%26grouppersons%3D1&</p></div><div data-bbox=)

Щуров Дмитрий Павлович родился в 1922 г. Был призван на Великую Отечественную войну Завидовским РВК Калининской области. Уходил очень тяжело – не только мать плакала, но и сам молодой солдат прощался с ней и младшим братом со слезами на глазах, как будто чувствовали что-то²². Воинское звание рядовой, красноармеец. Служил в 923-м стрелковом полку 251-ой стрелковой дивизии 31-й армии. Погиб 4 апреля 1942 г. Был похоронен в деревне Карабаново Погорельского района Калининской области²³.

Архиепископ Амвросий вспоминал, как в годы Великой Отечественной войны они с матерью вместо эвакуации на восток страны вернулись из Москвы в деревню Киселево: «... Нам было необходимо эвакуироваться из Москвы. Предполагалось, что нам придётся ехать в Челябинскую область. Но мы решили отправиться к себе на родину... Каким-то чудом сохранился простоявший заколоченным наш дом. Мы отодрали доски и начали в нём жить. Ничего у нас не было: мы приехали к пустым стенам. Мама была женщина очень трудолюбивая и очень ловкая ко всем крестьянским работам. Тогда многие мужчины были взяты на фронт, в колхозах не хватало рабочей силы. И мама с другими женщинами ходила работать в колхоз за несколько километров от дома. В качестве заработной платы их кормили и давали с собой немного хлеба... Я был тогда совершенно один в доме. Но я всегда отличался хозяйственным духом. Тогда очень много родилось грибов, и я ходил за грибами не один раз в день. Топил печку и сам сушил эти грибы. Сам делал и всё по дому»²⁴.

Ещё в 1948 г. они с матерью думали, что все его братья погибли во время войны. Лишь позднее узнали, что Василий Павлович жив. Он дожил до 1957 г., у него были жена, сын и дочь²⁵.

Из сестер Анатолий лучше общался с Екатериной. Впоследствии, уже став священником, приезжал к ней в Кимры, где она жила вместе с му-

²² «Я возжелал заповедей Твоих»... С. 21.

²³ Щуров Дмитрий Павлович // Память народа [Электронный ресурс]. URL: [²⁴ Архиепископ Амвросий \(Щуров\): сб. док. и матер. С. 6–7.](https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-he-ro121145718/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3D%D0%A9%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%B2%26first_name%3D%D0%94%D0%BC%D0%B8%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%B9%26middle_name%3D%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87%26date_birth_from%3D1922%26static_ha sh%3Ddb643662ba788e8e53e27726c0e897d2b3573f3600cdbca1aa8742bd494516397v25%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrad_yagrad_doc%3Anagrad_yuc het_kartoteka%3Anagrad_yubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostrane%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolez n%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Akld_partizan%3Apotery_doneseniya_o_poter yah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplenn%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%26page%3D1%26grouppersons%3D1&</p></div><div data-bbox=)

²⁵ Там же. С. 14.

жем²⁶. Когда Екатерина Павловна стала вдовой и состарилась, она перебралась в Иваново к брату-архиерею, в доме которого провела последние годы своей жизни.

Калининская область оказалась также в эпицентре репрессивных кампаний 1930-х гг., направленных в том числе против православного духовенства и верующих²⁷. «Насильственная секуляризация» (закрытие храмов, репрессии духовенства и верующих, отчуждение последних от организованных молитвенных практик) оборачивались деградацией веры и трансформацией церковной жизни²⁸. Семья Щуровых была нерелигиозной, в том числе и их младший сын Анатолий в детстве не был крещён, поэтому эта сторона репрессий их не коснулась.

Деревня Киселево относилась к Никольскому приходу д. Турово. Каменная церковь была построена в 1834 г. В ней было три престола: главный Святителя Николая, придельные: правый Покрова Пресвятой Богородицы, левый Святой великомученицы Варвары. В 1930-е гг. храм закрыли. Как отмечает Т.Г. Леонтьева, «... к началу 1930-х гг. Калининская епархия представляла собой руины некогда крепкого структурного сегмента РПЦ: если накануне революции 1917 г. здесь действовали 1073 церкви и служили 1287 представителей клира, то после массовых репрессий против «церковников» (служителей культа и верующих) в 1937 г. сохранились лишь немногочисленные “анклавы веры”, где священнослужители ещё могли влиять не только на индивидуальное, но и на групповое поведение верующих... Тяготы войны изменили духовную атмосферу советского общества. В 1943 г. в Калининской области (как и ещё в 5 областях СССР) верующие мгновенно отреагировали на новую церковную политику власти: началось «законное» открытие церквей и восстановление приходов. Уже в октябре 1943 г. было подано 34 ходатайства на регистрацию»²⁹.

По заявлению Туровской религиозной общины об открытии Никольской церкви в селе Турове решением исполкома Кашинского райсовета депутатов трудящихся от 31 марта 1943 г. её разрешили открыть³⁰. Но в рамках антицерковных репрессий Н.С. Хрущева 1958–1964 гг. в 1962 г. храм был вновь закрыт³¹. Поводом послужило то, что отрицательно восприняв-

²⁶ Архиепископ Амвросий (Щуров): сб. док. и матер. С. 16.

²⁷ Леонтьева Т.Г., Беговатов Д.А., Дмитриев Н.А., Леонтьева О.Г. Церковная жизнь в советском обществе в 1940–1950 гг.: религиозные практики населения в Калининской области в воспоминаниях «детей войны». Тверь, 2002. С. 22.

²⁸ Леонтьева Т.Г. Церковная повседневность эпохи позднего сталинизма в провинциальном измерении // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1943–1945 гг.: материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря, 2014 г. М., 2015. С. 6–16.

²⁹ Леонтьева Т.Г. О воцерковленности населения Калининской области в 1930–1950 гг. (по воспоминаниям «детей войны») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2021. № 3(59). С. 43–44.

³⁰ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. Р. 2723. Оп. 1. Д. 67. Л. 1.

³¹ Там же. Л. 46–48.

ший принятую в 1961 г. реформу приходского управления настоятель ушёл за штат, богослужения в храме прекратились, не стало ни исполнительного органа, ни ревизионной комиссии³². Решением Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР от 26 октября 1962 г. было определено согласиться с предложением исполкома Калининского областного совета депутатов трудящихся о снятии с регистрации религиозного общества в селе Турово Кашинского района как распавшегося³³. Бывшее церковное здание снятого с регистрации религиозного общества в селе Турово распоряжением Облисполкома от 23 августа 1963 г. было разрешено продать колхозу «Вперед» на слом³⁴. Однако храм не был полностью разрушен. В 2013 г. предпринималась попытка начала работ по его восстановлению.

Последним настоятелем Никольского храма был протоиерей Евгений Михайлович Верзин³⁵. Он родился 20 января 1874 г. Учился в земской школе, духовном училище. После окончания Тверской духовной семинарии в 1898 г. поступил на работу учителем в церковную школу Ниловой пустыни. В 1901 г. был рукоположен в сан священника. Служил в селе Отолова Осташковского уезда, затем в Лобково, в 1934 г. перешёл в село Турово³⁶. О его деятельности в период после закрытия храма в 1930-е гг. и до его открытия в 1943 г. неизвестно.

Крещение Анатолий Щуров принял сознательно в ранней юности. Крестил его настоятель Никольского храма в Турово протоиерей Евгений Верзин.

Архиепископ Амвросий вспоминал: «... В 1949 году я закончил десятилетку. К этому времени я уже ходил в храм. Из всей семьи меня отличала религиозность. Порой я был недоволен собой – настолько отличался от молодёжи, но изменить себя не смог. Много читал, посещал храм и любил молиться. Очень любил читать. Помню, как первый раз, уже в юности, ко мне в руки попал молитвослов. Я не знал церковно-славянского языка, и когда мне впервые в руки попал молитвослов, то при свете лампады я пытался проникнуть в тайну этой книги. Помню, как мне сложно было разобрать смысл молитвы Божией Матери “Взранной Воеводе победительная” – к Кому обращено слово “Воевода”. Из истории России я знал, что воеводами называли военачальников, но здесь был совсем другой текст с совсем иным смыслом. Лишь позднее церковные молитвы стали мне понятны, но и при первом опыте их чтения мной ощущалась их обращенность к Неземному. Какое-то особое избранничество Божие я часто на себе замечал. Еще до крещения, у меня всегда было желание молиться. И, бывало, куда бы я ни шел, молитва меня не оставляла. Уйду в кусты, встану на коленочки и возопию всем сердцем моим к Щедрому

³² ГАТО. Ф. Р. 2723. Оп. 1. Д. 67. Л. 45.

³³ Там же. Л. 46.

³⁴ Там же. Л. 48.

³⁵ Леонтьева Т.Г. Действующие церкви Калининской епархии 1948-1949 гг. (по отчетам благочинных и управляющего епархией) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2022. № 4(64). С. 66.

³⁶ ГАТО. Ф. Р. 2723. Оп. 1. Д. 67. Л. 10.

Богу... В то время было гонение на Церковь. В младенчестве меня не крестили, и я принял Святое Крещение в возрасте 16 лет (по документам получается в 17 лет. – А.Ф.). Принимал его уже осознанно. Помню первую ночь перед тем, как идти к священнику, который должен был меня крестить, я просто не мог спать. Душа трепетала, это было необычайно волнительное состояние. Крещение моё совершилось на дому»³⁷.

Протоиерей Евгений 29 июля 1948 г. дал Анатолию и рекомендацию для поступления в недавно открывшуюся тогда Московскую духовную семинарию.

Рекомендацию он написал на тетрадном листке с двух сторон, назвав её «биографией» и указав рядом с подписью на отсутствие печати. В рекомендации значилось: «Анатолий Павлович Щуров сын бедных родителей селения Киселева Туровского прихода Кашинского РИКа Калининской области остался малолетним после смерти отца. Мать едва воспитывала своих пять сыновей. В настоящую войну четыре брата погибли на фронте. Анатолий Павлович остался при матери хозяином. Жил более дома, ходил изредка в церковь, но был внимателен к службе. Возымел желание в нынешнем году креститься и крестился. Раньше вел себя исправно: не был ругателен, ни пьющим водки, не гуляка по ночам. Человек вежливый и смиренный. Имеет домашнее воспитание, но знает все первоначальные молитвы, читает часослов по славянски. Села Турово Туровской Никольской церквиprotoиерей Верзин Евгений Мих.»³⁸.

Прошение и автобиография, которые Анатолий написал для поступления в Московскую духовную семинарию, были наивными, но этим и могли тронуть. В прошении он обращался к ректору то как к архиерею, то как к священнику, путал семинарию с пастырскими курсами, которыми она была в недавнем прошлом, злоупотреблял заглавными буквами, произвольно чередуя их со строчными. В автобиографии он рассказал о своих родных, но ничего не написал о себе, видимо полагая, что незачем, если эти данные уже есть в анкете.

В прошении было написано: «Прошу Вас, Высокопреосвященнейший ректор, принять меня в Духовную Семинарию на 1-й курс. По семейным обстоятельствам я не мог получить семь классов Туровской НСШ, и окончил шесть классов. Образование свое я дополнил изучением молитв и слова Божия. Вообще, что требуется по программе для поступления в 1-й класс Духовной Семинарии. Прошу Вас, о. Ректор, в моей просьбе не отказать. Я человек истинный христианин. Люблю ходить в церковь, слушать слово Божие. И если меня сподобит Господь быть слушателем ваших пастырских курсов, я постараюсь приложить все силы к этому, чтобы быть достойным учеником Московской Духовной Семинарии. Уважаемый о. Ректор, прошу не отказать в моей просьбе. К сему Щуров»³⁹.

³⁷ Архиепископ Амвросий (Щуров): сб. док. и матер. С. 7–8.

³⁸ Там же. С. 21.

³⁹ Там же. С. 20.

В автобиографии не было указано даже фамилии, имени, отчества, года и места рождения автора, зато содержалась следующая информация: «Родители мои Щуров Павел Семенович и Щурова Александра Устиновна жили в деревне и занимались земледелием. В общем были крестьяне средняки. Нас детей у родителей было семь человек – 5 братьев и 2 сестры, которые в настоящее время замужем. В эту войну все мои братья погибли на фронте Отечественной войны, остался я и две мои сестры. В колхоз мои родители не пошли, как и раньше остались единоличники. Отца у меня нет. Он умер ещё в 39 г. Сейчас дома живёт одна мать, имеем только 15 соток приусадебного участка»⁴⁰.

Анатолий отвёз документы в Москву и стал ждать ответа, который вскоре и пришёл, но содержание его было не тем, которое могло устроить упорного юношу. Он думал, что его примут в семинарию без недостающих справок, так как на клочке бумаге он написал убедительное на его взгляд обоснование, которое и приложил к остальным документам: «Преосвященнейший о. Ректор, остальные два документа – справки о семейном положении и воинской повинности задерживает сельсовет, ссылаясь на то, что якобы сейчас уборочная кампания. Но я не член колхоза. Но задерживает он лишь потому, что я поступаю в Духовную Семинарию»⁴¹.

Семинарское начальство это обоснование никак не убедило. В конверте, полученном Анатолием, было письмо на половине листа, подписанное инспектором Московской духовной семинарии профессоромprotoиереем Сергием Савинским. Его содержание исключало двоякое толкование: «На Ваше прошение сообщаем, что до предоставления недосланных Вами документов: справки об отношении к воинской повинности и о семейном положении прошение Ваше рассматриваться не будет»⁴².

Но юноша не отступил. Полученное им письмо было подписано 11 августа, а уже 17 и 18 августа юноша получил недостающие справки. Препятствий к началу учёбы больше не было – с сентября он стал воспитанником первого класса Московской духовной семинарии.

Его связи с Тверской землей не прервались: в Киселево, а затем в Кашине жила его мама, которая скончалась в 1971 г. В Кимрах долгое время жила с мужем его сестра Екатерина, которую он также иногда навещал.

Тверские корни архиепископа Амвросия оказали влияние на становление его личности и характера; история его рода – тема, ещё требующая своего изучения. Значение его личности выходит далеко за пределы Ивановской области, с которой было связано его священническое и архиерейское служение, и только после его кончины оно начинает осознаваться. Также и духовное наследие архиепископа Амвросия имеет большее значение, чем это казалось многим при его жизни, и его ещё только предстоит раскрыть.

⁴⁰ Архиепископ Амвросий (Щуров): сб. док. и матер. С. 22.

⁴¹ Там же. С. 23.

⁴² Там же.

Список литературы:

1. Вылцан М.А. «Надо наступать на единоличника». И. Сталин <https://historical-fact.livejournal.com/146006.html> (дата обращения 5.10.2023).
2. Леонтьева Т.Г. Действующие церкви Калининской епархии 1948–1949 гг. (по отчётом благочинных и управляющего епархией) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2022. № 4(64). С. 59–74.
3. Леонтьева Т.Г. О воцерковленности населения Калининской области в 1930–1950 гг. (по воспоминаниям «детей войны») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2021. № 3(59). С. 39–60.
4. Леонтьева Т.Г. Церковная повседневность эпохи позднего сталинизма в провинциальном измерении // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1943–1945 гг.: материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря, 2014 г. М., 2015. С. 6–16.
5. Леонтьева Т.Г., Беговатов Д.А., Дмитриев Н.А., Леонтьева О.Г. Церковная жизнь в советском обществе в 1940–1950 гг.: религиозные практики населения в Калининской области в воспоминаниях «детей войны». Коллективная монография под ред. Т.Г. Леонтьевой. Тверь, СФК-оффис, 2002. – 240 с.

Об авторе:

ФЕДОТОВ Алексей Александрович – доктор исторических наук, профессор, Ивановский филиал, Институт управления, (Россия, 15032, г. Иваново, ул. Ташкентская, дом 90, литер А5), e-mail: aalfedotov@yandex.ru

**ARCHBISHOP AMBROSE (SHUROV)
TVER' ROOTS OF THE ORTHODOX HIERARCH**

A.A. Fedotov

Institute of Management, *Ivanovo, Russia*

In the article, in development of the topic raised in the article published in the Bulletin of Tver State University in 2022, the study of the Tver roots of the Orthodox hierarch, whose activity was essential for the processes of church revival in the 1990s in Russia, was conducted. The article examines the history of the village of Kiselevo Kashinsky district of the Tver region, of which he is a native, the history of the family of the future bishop, his connection with the St. Nicholas church of the village of Turovo Kashinsky district (currently inactive).

Keywords: *Tver province, Kashinsky district, Kiselevo village, Kalinin region, Archbishop Ambrose (Shchurov).*

About the author:

FEDOTOV Alexey Alexandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ivanovo Branch, Institute of Management, (Russia, 15032, Ivanovo, ul. Tashkentskaya, house 90, A5), e-mail: aalfedotov@yandex.ru

References:

- Vylcan M.A., «Nado nastupat' na edinolichnika» I. Stalin <https://historical-fact.livejournal.com/146006.html> (data obrashcheniya 5.10.2023).
- Leont'eva T.G., *Dejstvuyushchie cerkvi Kalininskoj eparhii 1948-1949 gg. (po otchetam blagochinnnyh i upravlyayushchego eparhiej)*, Vestnik TvGU. Серия «История», 2022, № 4(64), S. 59–74.
- Leont'eva T.G., *O vocerkovlennosti naseleniya Kalininskoy oblasti v 1930-1950 gg. (po vospominaniyam «detej vojny»)*, Vestnik TvGU, Серия «История», 2021, № 3(59), C. 39–60.
- Leont'eva T.G., *Cerkovnaya povsednevnost' epohi pozdnego stalinizma v provincial'nom izmerenii*, Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1943–1945 gg., materialy VII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Tver', 4-6 dekabrya, 2014 g., M., 2015, S. 6–16.
- Leont'eva T.G., Begovatov D.A., Dmitriev N.A., Leont'eva O.G., *Cerkovnaya zhizn' v sovetskem obshchestve v 1940-1950 gg.: religioznye praktiki naseleniya v Kalininskoy oblasti v vospominaniyah «detej vojny»*, Kollektivnaya monografiya pod red. T.G. Leont'evoj, Tver', SFK-ofis, 2002. – 240 S.

Статья поступила в редакцию 15.08.2023 г.

Подписана в печать 15.11.2023 г.

**Вестник
Тверского государственного
университета
Серия: История**

СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Адрес редакции: 170001, Россия, Тверь,
ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 201.
Телефон/факс: 8 (4822) 34–16–85.

E-mail: history.decanat@tversu.ru

Журнал «Вестник Тверского университета. Серия История» является научно-теоретическим журналом, представляющим широкий спектр проблем всеобщей и отечественной истории, историографии, источниковедения, археологии, вспомогательных исторических дисциплин. Выходит с 2007 г. по 4 номера в год. Журнал учреждён Тверским государственным университетом и является подписным периодическим научным изданием. Публикуются статьи, подготовленные преподавателями и сотрудниками исторического Тверского государственного университета, а также учёными из других научных и образовательных учреждений России, ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы несут персональную ответственность за содержание статей, представленных к публикации.

Журнал зарегистрирован в Международном центре ISSN в Париже (1998-5037), что обеспечивает информацию о нём в соответствующих международных реферативных изданиях.

Требования к оформлению, содержанию и доставке текстов в редакцию

К публикации принимаются статьи кандидатов и докторов наук объёмом 1 п. л. (40 тыс. зн. с пробелами), статьи докторантов, аспирантов и соискателей объёмом 0,5 п. л. с аннотациями 800 знаков; **сообщения** (краткая информация о научной проблеме, заметки о достижениях отдельных учёных или юбилейных датах) в объёме от 0,2 до 0,4 п. л.; **рецензии** (0,3 п.л.) с аннотациями до 400 знаков.

В статье допускаются ссылки на авторефераты диссертационных работ.

Статьи и сообщения высылаются по почте заказным письмом главному редактору (Леонтьевой Татьяне Геннадьевне) или ответственному секретарю журнала (Богданову Сергею Владимировичу) по адресу: 170021, Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 201, доставляются лично автором по указанному адресу или высылаются по электронной почте.

Вместе с распечатанным вариантом (межстрочный интервал – полуторный, шрифт – Times New Roman Суг, 14 кегль, сноски постраничные, нумерация сносок сквозная) представляется электронная версия на CD дисках. В отдельных файлах должны содержаться: статья, резюме, сведения об авторе (авторах). Сведения об авторах статьи включают: фамилию, имя и отчество полностью, учёное звание, степень, должность, место работы (полное название), почтовый адрес места работы с индексом города и указанием страны, номера контактных телефонов (с кодом города) и адрес электронной почты. **Сведения об авторах указываются на русском и английском языках.**

Рукопись статьи должна представлять собой готовый оригинал-макет на одной стороне чистой белой бумаги формата А4. Рукопись статьи сопровождают: фамилия, имя, отчество автора, указанные полностью, название статьи; **аннотация** (800 зн.), содержащая постановку проблемы, историографию, краткий анализ источников и основной вывод статьи;

ключевые слова (до 10 слов или слово-сочетаний) **на русском и английском языках**. Английский вариант должен быть идентичен русскому.

Статья должна сопровождаться списком **цитированной литературы** на русском языке и в транслитерации.

Требования к оформлению приложений к тексту статьи

1. Фамилии авторов

Фамилии авторов статей представляются в одной из принятых международных систем транслитерации для авторов.

Чтобы избежать дублирования профилей в БД авторам важно:

придерживаться одной системы транслитерации для всех своих публикаций;

придерживаться указания одного места работы, так как данные о принадлежности к организации (аффилиации) являются одним из основных определяющих признаков для идентификации автора. Отсутствие данных об аффилиации ведёт к потере статей в профиле автора, а указание на различные места работы ведёт к созданию дублей профилей.

2. Название организации и ведомства

Название организации используется для идентификации авторов, для создания их профилей и профилей организаций. Данные о публикациях авторов, связанных с конкретными организациями, используются для получения полной информации о научной деятельности организаций (и в целом страны). Во избежание создания дублирующих профилей организации в статьях необходимо **употреблять официальное (общепринятое) без сокращений название организации на английском языке**, что позволит более точно идентифицировать принадлежность авторов и предотвратит потерю статей в системе анализа. Узнать правильное англоязычное название вузов и многих других организаций можно на их официальном сайте. Исключение составляют не переводимые на английский язык наименования фирм, которые даются в транслитерированном варианте.

Использование перед основным названием дополнительных данных («Учреждение Российской академии

наук...», «ФГБОУ ВО» и т. п.) является лишним – это только затрудняет идентификацию организации.

3. Заглавие статей на английском языке

– заглавия научных статей должны быть информативными;

– в заглавиях статей можно использовать только общепринятые сокращения;

– в переводе заглавий статей на английский язык не должно быть транслитераций с русского языка, кроме непереводимых названий собственных имен и др. объектов, имеющих собственные названия; также не используется непереводимый сленг, известный только русскоговорящим специалистам. Это также касается авторских резюме (аннотаций) и ключевых слов.

4. Авторские резюме (аннотации) на английском языке

Авторское резюме призвано выполнять функцию независимого от статьи источника информации, должно излагать существенные факты работы, и не должно преувеличивать или содержать материал, который отсутствует в основной части публикации.

Аннотации должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- «англоязычными» (написаны качественным английским языком);
- компактными (укладываться в объем 800 зн.).

Аннотации должны быть написаны качественным английским языком. Текст должен быть связным с использованием слов «следовательно», «например», «в результате» и т. д. («consequently», «for example», «the benefits of this study», «as a result» etc.), либо разрозненные излагаемые положения должны логично вытекать один из другого. Необходимо использовать активный, а не пассивный залог, т.е. «The study tested», но не «It was tested in

this study» (частая ошибка российских аннотаций).

Предпочтительным вариантом аннотации является краткое повторение в ней структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

В качестве помощи для написания англоязычных аннотаций (рефератов) можно рекомендовать обратиться к российскому ГОСТу 7.9-95 «Реферат и аннотация. Общие требования», который был разработан, в основном, для информационных изданий и к «Рекомендациям к написанию аннотаций для англоязычных статей, подаваемых в журналы издательства Emerald» (Великобритания): (<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm>).

5. Пристатейные списки литературы

Список литературы приводится отдельным блоком («References»), русскоязычные ссылки даются в транслитерированном виде, иностранные источники приводятся без изменений. Если список литературы состоит только из англоязычных источников, то блок References может отсутствовать.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет учтена при оценке научной деятельности её авторов, а также организации, региона, страны. В транслитерированных ссылках **недопустимо использовать** разделительные знаки российских ГОСТов (//, – и т. п.).

Наиболее значимыми составляющими в библиографических ссылках являются **фамилии авторов, названия журналов, книг, конференций, выходные данные (включая название издательства для монографий и №№ страниц для статей, опубликованных в журналах или сборниках). В ссылках на сборник статей указывается фамилия составителя или научного редактора.** При транслитерации в описание ссылки необходимо **вносить всех авторов**.

Другие требования к предоставляемым материалам

К предлагаемым для публикации в «Вестнике ТвГУ» статьям прилагается рецензия научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа (подпись заверена, печать) или внешнего оппонента-специалиста. Отзыв заверяется в организации, где работает рецензент. В рецензии раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика, отмечается научная и практическая значимость статьи, указывается на соответствие её оформления требованиям «Вестника ТвГУ».

Основные разделы статьи: введение, содержащее историографию и источниковедческий анализ проблемы, основная часть, заключение (выводы), в котором указаны новые результаты и их теоретическое или практическое значение; список литературы.

За ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации ответственность несёт автор статьи.

Постстраничные сноски должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятymi в журнале «Вестник ТвГУ. Сер.: История»: в сноске указываются выходные данные, достаточные для библиографического поиска, при этом должны быть соблюдены правила библиографических сокращений (сб. ст., Мат. конф., дисс. ... канд. ист. наук и т. д.), фамилии и инициалы авторов выделяются курсивом, ссылка на архивные фонды первично оформляется с полным названием архивного учреждения, затем даётся только аббревиатура. **В постраничные сноски не помещаются примечания к тексту статьи!** При их наличии они могут быть размещены после текста статьи, редактор оставляет за собой право удалить примечания.

Иллюстрации

Рисунки выполняются в графическом редакторе и представляются в редакцию отдельным файлом. Рисунки к статье должны иметь расширение *.jpg и чёткую легенду.

За оформление имеющихся в статье графических материалов (графики, диа-

грамм) ответственность несёт автор. При вёрстке журнала они не редактируются.

Порядок рецензирования рукописей

Поступившей в редакцию рукописи присваивается регистрационный номер, о чём редакция информирует авторов по электронной почте. Рукописи, оформленные с нарушением правил для авторов, не рассматриваются. **Представление в редакцию ранее опубликованных статей не допускается.**

По получении статьи от автора редакция направляет её на рецензирование двум рецензентам, которые выносят заключение о возможности публикации. На основании экспертного заключения редколлегия принимает текст к изданию, либо направляет на доработку. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что она принята к публикации.

Редакция не берёт на себя обязательства по срокам публикации и оставляет за собой право редактирования, сокращения публикуемых материалов и адаптации их к рубрикам журнала. Корректура автору не предоставляется. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования.

Если статья отклонена, то автору сообщается мотивированное заключение рецензента. После переработки автором материалы рассматривает главный редактор и принимает решение о публикации.

Оплата за публикацию рукописей аспирантов не взимается.

Полнотекстовые сетевые версии выпусков научного журнала «Вестник Тверского университета. Серия История» можно найти в свободном доступе в Научной Электронной Библиотеке ТвГУ (<http://eprints.tversu.ru>) и на сайте журнала «Вестник Тверского государственного университета. Серия: История»: <http://vestnik.tversu.ru/history>

Формат цитирования статей из журнала

В целях обеспечения корректного представления информации о статьях в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) редакционная коллегия рекомендует следующее оформление ссыл-

лок на статьи, опубликованные в серии «История» журнала «Вестник ТвГУ»:

Автор Название статьи // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. Год. № 1. С. [страницы].

Пример:

Булдаков В. П. Постреволюционная Россия: идеология и управление // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 3. С. 49.

в транслитерации:

Bul'dakov V. P., *Postrevoljutsionnaya Rossiya: ideologiya i upravlenie*, Vestnik TvGU, Seriya «Istoriya», 2015, № 3, S. 49.

Контактные данные ответственных за выпуск

170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, к. 201.

Телефон/факс: 8 (4822) 34-16-85.

Главный редактор – Татьяна Геннадьевна Леонтьева 8 (4822) 34-16-85.

Ответственный секретарь – Сергей Владимирович Богданов

Bogdanov.SV@tversu.ru)

E-mail: history.decanat@tversu.ru

URL: <http://vestnik.tversu.ru/history>

Вестник Тверского государственного университета.

Серия: «История». № 3 (63). 2022

**Подписной индекс: 85716 (подписной интернет-каталог
«Пресса России»)**

Подписано в печать 12.10.2022. Выход в свет 17.10.2022.

Формат 70x108¹/16. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,12.

Тираж 500 экз. Заказ № 214.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Тверской государственный университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел. издательства: 8 (4822) 35-60-63.

Цена свободная.